

Андрей Прокорьев

Язык хищников

Андрей Сергеевич Прокопьев

Язык хищников

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67928195

SelfPub; 2022

Аннотация

Что было до того, когда люди и звери имели не только единый язык, но и общие корни, и что послужило тому, что многолетние союзнические отношения между двумя кланами распался навсегда?

История нескольких поколений знатных семей в нелинейном повествовании раскроет все тайны и перипетии судеб множества героев, которые так или иначе перекликаются друг с другом.

Андрей Прокопьев

Язык хищников

1. Вельвичина

Молодая королева Верхних Холмов – Вельвичина, была хороша собой. Её глаза ясные как весеннее небо, нежно-голубого цвета, а волосы крепкие и длинные, словно песок рассыпались по плечам, стекая по груди, и заканчивались у самых пят. Расщелина на верхней губе, доходящая до носа, зовущаяся в простонародье волчьей пастью, придавала королеве шарма, выделяла от остального народа, и сразу указывала на принадлежность к знатному роду. Бархатистое тяжёлое алое платье туго облегалo тонкую фигуру и узкие плечи, расшитый золотыми нитями подол пестрил узорами цветов и листьев, красной рекой стекал к ногам.

Сегодня Вельвичина впервые заняла место монарха, и по её ощущениям, королевский трон оказался крайне неудобным. Высокий деревянный стул с резной спинкой, достигающей потолка зала, изголовье которой украшает герб Верхних Холмов – огромный распустившейся цветок с лепестками, напоминающими лучи солнца. Чтобы забраться на трон без помощи прислужников, пришлось подставить небольшую лестницу в несколько ступеней. Плоское деревянное сидение располагается настолько далеко от спинки, что облокотиться на неё не было возможности, и также отсутство-

вали локотники. Королевский стул оказался таким высоким, что ноги девушки свисали, не доставая до пола, и неудобным, ей тут же захотелось с него слезть. Деревянный трон находился в огромной комнате с потускневшими стенами, с каменным серым полом и высоким потолком. Местами он почернел от копоти факелов, что всюду были развешаны, чёрные пятна уже давно стали дополнительным украшением. Но даже свет от десятков факелов не мог заполнить мрачный зал тёплым свечением.

Здесь король оглашал приказы и приговоры, встречал знатных гостей с разных концов земли и местный народ, здесь же пройдёт первая торжественная церемония, на которой Вельвичине предстоит впервые предстать перед народом в роли их новой королевы, а также проститься с предыдущим королём. В самом центре комнаты стояло два кристалльно белых гроба. Они высечены из двух глыб цельного куска хрусталя, с шероховатой поверхностью, покрытой разными осколками. В правом гробу мирно покоилось тело короля Верхних Холмов, в левом его точная деревянная кукла. Два тела были наряжены одинаково, в лучших королевских традициях. Льняная крашеная красная туника до самых пят, подпоясанная косой из тонкой кожи, которую ранее сплела будущая королева. Ступни закрывали высокие до колен сапоги, ношенные королём при жизни, а со спины и до груди тело и деревянного лжеправителя обнимала красная ткань из меха горноста с серебряными пряжками, что соединяли

края мантии у шеи.

2. Фредерикус

Король Верхних Холмов прослужил трону и народу добрые годы, с первого дня жизни до последнего вздоха. Вдовствующая королева-мать Ульвадра пробыла на троне всего несколько дней, прежде чем дала жизнь Фредериксу, и как он знал сам, тяжелые роды сама пережить не смогла. Маленький король не узнал родительской любви, и его семьей стали все прислужники замка Верхних Холмов, его окружали заботливые няньки, предварительно отобранные королевой-матерью. То время, когда вести дела своих земель он не мог, придворные советники решали все за него. Став постарше, маленький Фредерикус любил выбегать на улицы королевства, дергая прохожих за штанины и подолы юбок, чтобы жители города поиграли с ним, так как няньки то и дело, только учили его науке, ругали за проказы, твердили, что даже маленькому королю не пристало отвлекаться на подобные глупости. Как только монарх начал говорить, на него возложили королевские обязанности, уже тогда его насильно приводили на собрание совета за решением каких-либо вопросов. С возрастом его обязанностей становилось все больше, и уже в 3 года, каждый день, Фредерикус посещал собрания совета. Взрослые придворные оповещали о делах и жителях города, камерарий отчитывался за казну, за растраты и доход от налогов, ландскнехт за внешнюю оборону государства, и хоть мирное время установилось на Верхних холмах еще с

приходом к трону его матери и дедушки Ормара. И как подобает всем мальчикам, юного монарха обучали искусству боя, умению обращаться с оружием. Уже к 5 годам он уверенно владел мечом и метко стрелял из лука, сам мог мастерил стрелы, из тонкого прута и острого камня, заточив его самостоятельно. С каждым днем придворные все больше вводили мальчика в суть королевского дела, он сидел с ними на собраниях советников и жутко завидовал простым детям, которые могли свободно бегать по улице, лишь изредка получая нагоняй от родителей. Впоследствии король Фредерикус стал знаменит далеко за пределами Верхних холмов. В сознательный возрасте, многое поменял в системе правления. Повзрослев, сам стремятся к знаниям и желал, чтобы и его народ тоже мог обучаться. Чтобы понимать систему управления изнутри, общался с лучшими представителями совета собрания, которым доверял еще его дед. К нему приезжали правители из других городов по приглашению, чтобы вместе могли обсудить насущные дела друг у друга, поделиться опытом. Короли, что приезжали к нему, помнили общение еще с его предками, и в уважение к его памяти, добро относились с молодым королем Верхних Холмов. Он облегчил жизнь своих горожан, освободив от принудительного рабства, узаконенного еще при короле Гамли, щедро оплачивал их труд. Наладил производство кузниц, нанял лучших оружейных мастеров, нашел умелых плотников. Он всегда любил залезать на самую верхнюю часть замка и смотреть

вдаль моря, провожая закаты, и будучи ребенком загорелся идеей настроить кораблей, чтобы изучить ту манящую даль.

Как только первые суда были поставлены на воду, молодой король отправился в свое первое путешествие в поисках легендарных таинственных земель, о которых ему рассказывала одноглазая старуха Асвида. Именно она помогла будущему королю появиться на свет при тяжелых родах королевы-матери, выхаживала его, растила как свое дитя, которого сама не имела никогда. Малютка Фредерикус в тайне от всех называл ее своей мамой, хотя и знал, что это не так, но так ему приятно было говорить это. Тогда, когда вдруг это слышали остальные придворные, грозно осерчали на старуху, кричали, мол возомнила себя королевой-матерью, а то и давали тумачков, чтобы не поважала правителя. А старуха лишь улыбалась им, и ласково теребила мальчишку за светлые кудри.

По всей округе шли поиски мореходной команды, по указу короля были созваны все, кто имел малейшее знание в морских ориентирах, у кого был опыт в судоходстве, кто мог помочь ему на палубе, добровольцы, такие же мечтатели покорения новых земель. И в свое первое плавание король с трудом смог подобрать команду из 14 человек, таких энтузиастов, как и он сам. Все они плыли, преследуя свои цели. Кто-то мечтал о дальних странах и приключениях, другие грезили о богатстве, которое они могли найти там, третьи хотели хотя бы обеспечить семью, еще были те, кто меч-

тал вырваться из семейного ремесла, что было не по душе, а остальные просто испытать себя и изменить жизнь. К последним относился и сам король. Для него это стало больше чем мечта. Он захотел доказать сам себе, что достоин своих великих предков. Зная историю матери и деда, всегда представлял их, придумывал, как они могли выглядеть, и какими подвигами славились. Лишь о своем отце не знал практически ничего, старая Асвида нехотя говорила о нем, как бы маленький Фредерикус не просил ее.

Первые дни плавания проходили степенно, опытных моряков среди команды практически не было, лишь один глубоко взрослый капитан когда-то управлял судном, но сейчас с трудом мог вспомнить былые навыки, а порой и вовсе забывал свое имя. По наставлению старого капитана, они решили обогнуть вдоль Верхние Холмы по морю, проверить свои силы и силы корабля, и спустя неделю, выдвинулись в открытое море. Но дальнейший путь оказался не долгим. Ко многим препятствиям команда была вовсе не готова, как и сам корабль. Уже в десятую ночь после отплытия, судно попало в сильнейший шторм. Паруса не успели снять с мачты, их разорвало и унесло ураганным ветром, мощные волны разбились часть палубы, почти вся провизия канула в море, еды и воды практически не осталось, нижние каюты были затоплены. Но самые страшные потери понесла команда. Из 14 отправившихся человек, в Верхние Холмы смогли вернуться только семеро. Для опытного капитана это оказалось их

последнее плавание. Людей смыло высокой волной в открытое море после того как они пытались спустить паруса, и никто из оставшихся на корабле не смог помочь им. Трое молодых и крепких парня пытались скинуть им веревки, чтобы вытащить их, все старания оказались тщетными. Более того, они пострадали сами. Очередная волна разбила палубу и часть мачты, и упавшее бревно раздавило двух моряков, третий также упал в воду. Король Фредерикус изо всех сил держался на палубе, он видел, как его команду уносит в море, как разбивается корабль, огромное разочарование и бессилие читалось в его глазах, и еще больший страх. Переждав еще несколько ударов волн, он смог спуститься в нижние каюты, где прятались оставшиеся пять членов команды. Они тоже были напуганы. Вся спесь, мечты и грандиозные планы смыли огромные волны безжалостного моря.

Невероятной удачей стало их возвращение на практически разбитом судне с пробоинами. Прибывающую воду пытались вычерпать чем только попадалось под руку. В ход шли бочки, котелки, ее собирали лоскутами оставшихся от паруса, выжимая ее за борт. Пять дней им пришлось поддерживать судно на ходу, чтобы они могли добраться до родной земли, практически без еды и воды. Пришвартовались и сойдя на берег, Фредерикус стыдился смотреть в глаза своим горожанам. Он нес ответственность за набранную команду, которую обрек на гибель, стыдился себя за то, что струсил и спрятался в каюте. Вина тяжелой ношей щемила его сердце.

Но преодолевая стыд и глубокий страх, он боялся признать себе, что не намерен останавливаться после первой неудачи. Его сердце тянуло далеко за горизонт, которому солнце поет свои колыбели. С самого детства старая Асвида говорила о том, что его родители героически погибли, чем маленький король безмерно гордился, быть продолжением таких предков, и с младенчества знал хрупкость жизни. Но лишь теперь он осознал неподдельный страх, который закалил его сердце. И если бы и хотел погибнуть, то как герой, не иначе. Возвращение на землю Верхних Холмов Фредерикус принял как вызов Лесных Богов, но не для того, чтобы остаться здесь навсегда, чтобы испытать его и доказать, сможет ли он снова вернуться в море. На берег Верхних Холмов ступил не молодой король, а взрослый мужчина, уверенный в своих силах и намерениях. Первое поражение принял, покаялся в неопытности, недалёковидности. Теперь знал ошибки, которые пришлось получить такой ценой, но главным долгом возмнил их исправление и достижение цели, ради которой их первая команда отправилась в недолгий путь.

3. Ульвадра

Фредерикус не знал родителей, но с самого детства слушал истории о своем роде. Асвида любила рассказывать о его матери, какой проказницей она была в детстве. Взбалмошная, непокорная. А ей твердили о поведении благородной леди, пытаясь обуздать девичий строптивый характер. Наряжали в прелестные пышные платья, что ее добрая мать шила

ей сама, и которые она рвала и пачкала, как только выбежала на улицу. Длинные пшеничные кудри пытались укротить яркими лентами, а она возвращалась домой растрепанная. Девочку заставляли заниматься рукоделием, учили петь песни, она же специально кряхтела и орала невпопад, чем только злила педагогов. Потом нянька рассказывала о том, как ее под силу выдали замуж, будучи еще девчонкой, и как не сопротивлялась буйная Ульвадра, пришлось ей смириться с этой судьбой. И сбежать некуда, все равно найдут, а тогда хуже не придумаешь участи... Но еще сильнее ее сердце ранила разлука с ее родной сестрой-волчицей, с которой она так любила убежать далеко вглубь Замкнутого Леса. Лишь в темном густом лесу Ульвадра чувствовала себя свободной, там, где ее никто не видел, и не вынуждал ее становиться благой девой, стремясь угодить всем подряд. В тот день, когда её отец – Мудольф сообщил о намерении выдать дочь замуж, жизнь девочки перевернулась. Что-то сломалось у нее внутри. Она хотела сбежать в лес, как это делала при любых невзгодах, но осталась дома, закрывшись ото всех. Даже сестра не стала утешением для нее. Они были погодки и были невероятно близки между собой, не каждая сестринская любовь сравнится с их чувствами. Ульвадра была старше Луки на один год, они росли вместе, и когда малышка начала ходить на ножках, Лука всю бегала на четырех лапах. Они с трудом понимали слова друг друга, маленькая волчица пыталась говорить, но плохо выговаривала слова, а больше лая-

ла и скулила, но слова им были и не нужны вовсе, они словно общались без слов, только взглядом, смотря и не моргая, а потом смеяться и вытирая глаза от накативших слез.

Мужем Ульвадры должен был стать Эльрик, принц Степных Вен, что ютились к югу от Замкнутого Леса. Он был старше девочки на 6 лет, намного выше ее, статный рыцарь в доспехах, с острым овальным лицом, глубокими синими глазами и светлыми волосами. При свете солнца они казались совсем прозрачными, как вода, и лишь в тени приобретают белесый серый оттенок. Его грубый голос был под стать его внешнему облику, и даже доброе приветствие слышалось от него враждебным кличем. Невеста не желая встречать будущего мужа все утро пряталась от матери, которая заставляла ее надеть самое приличное платье, которое она еще не успела разорвать. Найти ее помог Мудольф, обнаружив девочку под громоздким столом. Тонкими трясущимися руками она схватила нож и разом отрезала пышные кудри, оставив держать их между пальцев. Искромсанные волосы торчали в разные стороны, и вид испорченной прически привел ее мать в ярость. Но никакие протесты не спасли Ульвадру от замужества. В этот же вечер девочку забрали в Степные Вены, а в родительский дом она больше никогда не вернулась. Она никогда не видела своих родителей и сестру Луку. Поддержкой ей осталась только Асвида, которую отправили вместе с ней, и до конца своих дней она осталась самой родной душой для нее. Замужняя девушка дол-

го не могла свыкнуться с новой жизнью, она отказывалась есть, пить, молчала, плакала, просиживала в темном углу целыми днями, просилась домой. Добрая помощница приносила ей любимые фрукты, что взяла с запасом с родных краев, но нетронутые, свежие плоды почернели и испортились. Именно в те дни угнетенная прониклась к няньке, которую недолюбливала до сих пор, все время пыталась убежать от нее, напакостить или сделать все наперекор. Те дни казались такими далекими, что еще немного, и они исчезнут из памяти, оставив лишь горечь утраты счастливых дней. Сейчас Ульвадра отдала бы все на свете, чтобы снова оказаться на нелюбимых уроках рукоделия, и призналась себе, что обязательно бы слушалась скучных учителей, нежели оставаться здесь навсегда. Никакое доброе слово супруга она не принимала, боялась его, пряталась, когда он позволял себе навещать жену. Пытался быть милостивым с молодой супругой, но ее слезы разбивали в прах все старания и лишь раздражали, тот начал требовать, чтобы та смирилась, что отныне она не девчонка из Замкнутого леса, а его собственность! Слезы не трогали его ничуть, упрекая ее в слабости, говоря, что теперь, и отныне, и навек, она себе не принадлежит, и как бы не брыкалась, рано или поздно придется это принять. Девочка плакала, что очень скучает по сестре-волчице и родителям, хотела бы иметь возможность навещать их, на что получила категоричный отказ. Она стала молить его, чтобы хотя бы раз свидеться с Лукой, ведь они росли вместе, и чувствует, как

им тяжело в разлуке. Взамен она пообещала быть ему покорной женой и любить его. Эльрик не сразу дал согласие на ее просьбу, но по совету отца все же сжалился над страдальцей, доверился ее слову и обязался выполнить ее желание. Вскоре, молодой принц отправился в далекие земли Замкнутого Леса в сопровождении прислужника Вербера.

В одну из ночей, в отсутствие супруга, несчастная жена совершила побег из супружеского плена. Асвида как могла, старалась переубедить ее, она знала, что ничем хорошим это не закончится, но именно тогда она снова увидела в ней те озорные глаза и буйный нрав, и понимала, что никакими словами удержать ее не удастся. Девчонка собрала недоеденные плоды, которые уже заметно пожухли, спрятала их в платок, и с приходом ночи решила бежать. Быть смиренной женой ей никогда не мечталось, пленницей быть тоже не хотелось. Она простилась с нянькой и слезно просила не молчать ее, иначе им несдобровать. Бежать вместе с ней Ульвадра не рискнула, боясь, что та будет тормозить ее, и в замке ей будет безопаснее.

Не учла она лишь, что скрыться в Степных Венах не так просто. Утром, с первыми лучами, солнце уже нещадно палило, и ни одного дерева на горизонте, ни тени, где можно было бы спрятаться от зноя и духоты. Это не остановило упертую девочку, возвращаться назад она не намерена, пусть даже умрет под жаром солнца и от голода и жажды. Уйти далеко ей не удалось, уже ближе к полудню, ее нагнали всад-

ники, среди которых был Ормар, король Земли Вен. Он восседал на могучем жеребце, и сверху вниз смотрел на изможденную пеклом девочку. Его темные глаза наполнились злостью и яростью, тонкие губы скривились в ухмылке, дыхание стало таким тяжелым, что казалось из широких ноздрей повалит пар. Одним лишь жестом, пренебрежительно махнув рукой в ее сторону, приказал стражникам поднять беглянку. Только после того, как один из огромных прислужников схватил тонкую девочку и усадил рядом с собой на коня, скрутив ее руки за спиной, взгляды Ульвадры и Ормара встретились, и в них она видела пренебрежительное отращение, будто он поймал рабыню, что сбежала от его власти. Собственно, таковой Ульвадра себя ощущала. Верные королю привели беглянку обратно в покои законного супруга. Там ее ждала Асвида. Ее лицо истекало кровью, заливая тусклое платье алыми каплями. Лево́й рукой она закрывала глаз, из-под тонких пальцев протекал кровавый ручей, струящийся по щеке. Правый глаз был полон слез и боли, но ее теплая улыбка приветствовала девочку. Нянька была рада, что с ней все хорошо, вздохнув с облегчением, видя ее невредимой. Лишение глаза она считала своим наказанием за то, что не усмотрела за девочкой.

После не скорого путешествия Эльрик вернулся домой. Он доблестно выполнил свое обещание, но узнав о случившемся, подарил милой супруге шкурку маленькой волчицы, в которой та признала сестру. Больше Ульвадра не плакала,

попытки бежать оставила в прошлом и смирилась со своей жизнью.

Шло время, девочка выросла, она менялась внешне и меняла отношение к жизни и мужу. Она приняла супруга, стала покладистой женой, достойной хозяйкой дома, почтенной дамой в городе Степных Венах. Она была добра с ним, мягка, податлива, но также молчалива и замкнута, предпочитая общество Асвиды, нежели знатных гостей, что часто бывали в замке. Эльрик смягчился и забыл все былые проступки, был совсем не против ее затворничества, лишь в нечастых встречах он принимался выражать чувства, признаваясь в вечном уважении и любви, на что молодая супруга отвечала взаимность, но ее любовь к нему так и осталась лишь на словах. Он так и остался для нее чужестранцем, что разрушил ее жизнь и стал убийцей Луки.

4. Фредерикус

Торжество по прибытии королевского корабля, стало поистине грандиозным событием для города. Люд ликовал и приветствовал вернувшихся мореплавателей. Народ, заполнивший моментально весь порт, скандировал имя Фредерикуса, благодарили его за храбрость и честь. Но чем громче голосила толпа, тем больше щемило сердце неудавшегося капитана. Его глаза были опущены, и поднять их, бросить взгляд на лица людей он не смел. Не было ни единой секунды, чтобы не обвинял себя за случившееся. Разочарование от неудачи гложило его изнутри, чувства собственной вины

словно паразиты поражали тело и съедали душу. Самым тяжким стало признание собственного поражения и кончины более половины команды. Смерти тех людей, что доверили ему свою жизнь, и тех, кого уберечь он не сумел. Семейства не вернувшихся мореплавателей с воодушевлением ждали возвращения корабля, но те так и не вернулись. Всё время после кораблекрушения и до прибытия, монарх искал слова, которые должен произнести ждущим людям, но так и не сказал. Он прошёл сквозь толпу молча. Народ недоумевал о случившемся, но все подробности им уже поведали матросы.

Фредерикус замкнулся в себе и заперся в комнате. Мысли душили его, не давали покоя, лишили аппетита и сна. Но тогда же понимал, что скрываться от жителей города долго не сможет. Люди ожидают его появления, его слова, его решения. В первую очередь он – король. Ранним утром правитель появился в тронном зале. Следом за ним прибыли советники, принялись рассказывать о произошедших событиях за это время, доложили о состоянии казны. Фредерикус с благодарностью принял их добропорядочность и ответственность, и попросил их собрать вдов и матерей погибших. Что и было сделано спустя несколько часов. Их оказалось две совсем юные девушки и пожилая достопочтенная дама с пышными красными волосами. Молодой король в малейших деталях рассказал о том, каким образом всё случилось, выразительно расписывал героизм и стойкость павших, до последних минут их жизни. Ему было известно, что некоторые из доб-

ровольцев отправились в плавание ради заработка, поэтому он наградил каждую семью золотыми монетами, объявил девушкам об отмене их рабского статуса, предложил им работу в замке, и заявил о повышенном жаловании. Вытирая слёзы, девушки благодарили короля за его милость. Женщина с красными волосами стояла безмолвно. Она с сочувствием смотрела на юных девиц, но жалость была собственно к девушкам. Их печаль прошла, как король освободил рабынь, и о потере любимых они и думать забыли. Фредерикус обратил на неё внимание, просил назвать того, кого она ожидала. Имя Дагфар громом раздалось по всему тронному залу, эхом разлетаясь во все его уголки. Король замолчал, не моргая, смотрел на гостью несколько минут, и так не поведав, что же с ним случилось, выразил свою скорбь. Поднявшись с высокого трона, он зашёл за его спинку и тут же исчез. Недоумевающая женщина оглядывалась по сторонам, не понимая, куда испарился король. Так и не дождавшись его, вскоре ушла и сама. Куда исчезли девицы, она уже не думала.

Фредерикус сразу направился к старухе Асвиде. Та с трудом могла ходить, всё время лежала в личных покоях, здоровый часто подводил ее и практически не видел. По указанию короля, за его нянькой был постоянный уход, который не уступает королевской персоне. Ради Асвиды не жалелось ни золота, ни сил, она единственная, кого он назвать своей семьёй. Повязку на вырезанном глазу старуха давно не носила, веки заросли, оставив лишь рубец. Правый глаз

плохо различал предметы и людей, они, но она всегда понимала, когда приходил её мальчик, для этого зрение было не нужно. Молодой король припал к постели и обнял старуху. Фред притиснулся к ней и тут же глубоко разрыдался. Слезы непроизвольно лились из глаз. Всё это время он боялся показать слабость и страх, но лишь с ней мог не прятать своих чувств. Сморщенными тяжёлыми руками, старуха гладила по голове, а тот всё крепче прижимался, будто боялся, что она оттолкнёт его. Но Асвида ласкала его, как тогда, когда Фредерикус был мальчишкой, прибегал к ней, и всегда жалела его. Ей не хотелось ничего говорить, а лишь улыбалась и продолжала гладить его волосам, и впервые за все эти дни монарх уснул.

Сон был глубоким и тяжелым и продлился практически 2 дня, а когда проснулся, сразу обратил внимание на няньку. Та будто ждала его пробуждения, и как только Фред открыл глаза, начала говорить. Её голос был очень тихий и не всегда разборчивый, Фредерикус пытался прислушиваться к каждому слову. А просила она лишь об одном, ей хотелось найти свой покой дома, там, где были родные доброй няньки. Верхние Холмы она считала домом, но душа её тянулась в Замкнутый Лес.

Последующие дни правитель провел в библиотечном зале, где отыскал книги и записи о мореплавании и кораблях, и

сам начал досконально изучать основы ремесла. Шесть матросов, что выжили после кораблекрушения, присоединились к нему. Первая неудача закалила характер каждого из них, они поддержали намерения Фредерикуса и начали готовиться к новому плаванию. Но семь человек в команде – это очень мало для дальнего плавания, тогда король организовал школу моряков, в которой сам и рассказывал обо всём, что узнал из книг, в деталях рассказал о пережитом кораблекрушении и предположил варианты, которые могли бы их спасти.

5. Асвида

Девочке часто снился один и тот же кошмарный сон, яркие вспышки света, сильный грохот, раскаты грома, рёв, пламя огня. Её детская кроватка с лоскутным одеяльцем стоит посреди комнаты, охваченной пожаром, рядом суетятся люди, но она не видит их, лишь тонкие силуэты, никто из них не может подобраться к ней, они плачут и кричат от боли. Но после малютку резко кто-то хватает, и сон мгновенно обрывается. Асвида всегда знала, что это больше чем сновидение, ей хотелось пробраться сквозь языки пламени, чтобы успокоить суетливых людей, и хотя бы взглянуть на них, но тело не подчинялось ей, придавливая к колыбели словно тяжёлым грузом.

В один хмурый вечер, над землёй Замкнутого Леса грянула гроза, непогода разбушевалась не на шутку, ураганный ветер сносил всё на своём пути, повалил крепкие стволы де-

ревьев, снёс крыши хлипких домов, а кое-какие постройки и вовсе сровнял с землёй. Ещё больше бед наделала гроза. Молния ударила в высокое дерево, расколов его надвое, сухая листва мгновенно загорелась, пламя огня словно по мосту перебралось на крышу дома, ветви которого накрывало дерево. Пожар быстро окутал всё вокруг, закрыв собой все выходы. Люди внутри метались из угла в угол, трое малюток уже лежали бездыханными, когда в охваченный пожаром дом ворвалась огромная волчица, подбежала к маленькой кроватке, схватила укутанную тряпками девочку и унеслась прочь. Больше никто из горящего жилища выйти не смог. Наутро догорали остатки бревен, крыша и деревянные балки полностью обрушились, оставив только догорающую грудку с небольшими языками пламени. Люди выбирались из укрытий и подходили к своим домикам. У кого-то не было крыши, кто-то приходил и вовсе к снесённым стенам. На сгоревший дом глядели все и оглядывались между собой, ища в толпе хозяев, люди надеялись, что семья успела спастись. Лишь после того как стены полностью дотлели, горожане решились разобрать сгоревшие завалы. Среди деревянных стен и мебели были обнаружены хозяева и их дети. Кроху не нашли и считали, что огонь забрал её полностью, так как от кроватки не осталось практически ничего, только пепел. Но малышка крепко спала, удобно расположившись на мягкой шерсти волчицы. Девочка прижалась к ней, крепко держась руками за шерсть, волчица дарила девочке тепло, и та с бла-

годарностью принимала его в это холодное утро. Выжившая счастливица совсем не плакала, будто за ней присматривает нянька, она просыпалась и крепко обнимала волчицу за шею, а та вылизывала её лицо и плечи скользким языком, чем вызывала звонкий смех.

Волчица принесла девочку в хозяйский дом своего родного брата Мудольфа и его жены Коллы. Там у неё была конура, где она и жила. В тёмной каменной комнате повсюду сухие листья и чуть пожухлая листва, а из больших сухих веток в углу комнаты сооружён шалаш, в котором спит волчица. Детский смех прервал глухой стук в деревянную дверь, малышка испугалась его и спрятала лицо в шерсти няньки, если бы она могла, она бы укрылась ей полностью. Дверь распахнулась и в комнату вошла женщина. Во входном проёме виднелся лишь силуэт. Крупная фигура, низенький рост и толстая длинная шея, стоящая на широких плечах. Она подошла ближе к волчице, и сейчас девочка смогла лучше разглядеть вошедшую женщину. Зелень ее глаз могла сравниться со свежей листвой тёплым летним утром. Пухлые губы улыбались ей ласково, как ещё вчера улыбалась ей мама. Незнакомая женщина легонько коснулась её нежными пальцами, провела по голове и по всему тельцу. Девочка повернулась к ней и заулыбалась. Добрая незнакомка улыбнулась ей в ответ и уже не казалась такой страшной. Она посмотрела на волчицу и поблагодарила её, на что та кивнула ей. Колла взяла девочку на руки и прижала к груди. Ей уже было известно

о страшной вечерней трагедии, волчица подтвердила догадки. С ребёнком на руках женщина вышла из комнаты, и спасительница побежала следом за ней. Колла представила ночную гостью своему мужу Мудольфу. Хмурый мужчина сидел на огромном кресле. Широкие плечи, сильные руки, высокий рост, даже ссутулившись на кресле, он казался огромным, а лохматая грива волос придавала ему ещё большего величия. Супруга подошла к нему ближе и протянула в руках малютку. Муж посмотрел на неё, его острый волчий взгляд встретился со взглядом цветущего сада. И всё, что он промолвил тогда, это было наречение малышки. Асвида стала частью их семьи.

6. Вельвичина

Старейший житель Верхних Холмов стоял по правую руку от Вельвичины, восседающей на троне, и читал церемониальную речь, декларируя королевский устав. Дрожащий, тихий голос старика утомлял собравшихся горожан, он постоянно сбивался, начинал заново, а то и вовсе ронял свиток. Молодая монархия с трудом сдерживалась от нависшей усталости и духоты, но старалась не пропускать не единого пункта.

Ещё никогда тронный зал не казался ей таким тесным, жители со всех окраин прибыли на коронацию, от distinguished господ, которые занимали левую часть зала, до торгашей, рабочих и прочих жителей города, что пришли посмотреть на новую королеву. Для многих из них это был един-

ственный шанс в жизни лично побывать в величественном замке, потому что следующий раз случится только на очередной коронации.

С самого утра Вельвичине нездоровилось. После недолгого сна она чувствовала себя более уставшей, чем перед тем, как лечь спать. Дискомфорта доставлял церемониальный наряд. Нательный корсет из гибких лозин не давал ей глубоко вздохнуть, а тяжёлое глухое бархатное фиолетовое платье стискивало плотным воротником шею. К тому же жестяной металлический орден в виде герба Верхних Холмов, тянул шею вниз. Но молодая королева не могла подать вида своей слабости, и стойко терпела все тяготы церемонии. По левую руку королевы сидела волчица Дяя. Спрятать от сестры своё недомогание она не могла, та чувствовала её, несколько раз волчица облизала пальцы Вельвичины, что были сжаты в кулак. Речь старца завершилась, и сразу же перешел озвучивать главные обязанности, что должна выполнить новая королева в ближайшие годы правления, а именно она должна выйти замуж и родить наследника. Королева не может править народом, покуда сама не может править семьёй. И если по окончании отведённого времени этого не случится, возможно, что королева будет свергнута. Старейшина продолжал сухо озвучивать последующие обязанности, но Вельвичина не слышала его пустой голос. Слова о замужестве и наследнике звенели в голове и заполняли страхом мысли. Она чуть приподнялась с неудобного трона, попыталась встать на

ноги, но не смогла нащупать землю под ногами, начала судорожно вертеть головой, осматривая заполненный зал. Люди, пристально смотрящие на неё расплывались в её же глазах. Королева пыталась схватить воздух, но ребра, сжатые корсетом, не давали глубоко вздохнуть, вцепилась руками в тугий воротник, стараясь оттянуть его от шеи, но и это не получилось. Дзя, видя задыхающуюся сестру, кинулась к ней, схватила зубами ворот платья и сильно дёрнула его. Несколько придворных подбежали к ним, они попытались убрать подальше клыки волчицы от шеи королевы, но она не отпускала её. Тогда придворный ударил волчицы по глазу. На весь тронный зал раздался раздирающий вой. Толпа горожан начала пробиваться вперёд, замыкая круг вокруг трона, оставляя все меньше места между ними. Случилась давка, люди толкали друг друга, пробиваясь кто старался двинуться к трону, другие старались выбраться из западни, они кричали, кто-то стал вопить громче чем волчица. Вельвичина с ужасом смотрела, как толпа окружает её, старец, что читал речь, был сбит с ног и упал на пол. Придворный, высокий сильный мужчина в металлических доспехах схватил королеву на руки, зайдя за спинку трона, вывел её через потайной ход, о котором не знала даже сама королева. Вдруг они оказались в тёмном коридоре, ступени которого вели вниз, проходя как раз под тронным залом. Мужчина поставил королеву на пол, и почувствовав твёрдую землю под ногами, она попыталась совладать с паникой, на минуту затаив дыхание, но не смог-

ла сдержаться и снова попыталась освободить шею, ее сил не хватило. Спаситель, видя ее никчёмные старания, обхватил крупными пальцами ворот платья и легко разорвал его. Королева начала жадно хватать воздух, но корсет на талии всё же не мог позволить ей отдышаться. Она начала сдирать с себя обволакивающий тело фиолетовый бархат, судорожными тонкими пальцами стала распутывать шнуровку, и только после того, как деревянные прутья корсета отошли от тела, Вельвичина прислонилась спиной к стене, тяжело вздохнула. Она будто чувствовала, как сжатые лёгкие наполняет воздух. И только после этого девушка начала осознавать происходящее. Новая королева стояла в непотребном виде, в ободранном платье с почти оголённой грудью перед незнакомым мужчиной. В суете она даже не видела его лица, а сейчас его облик скрывает мгла. Он же не смел более прикасаться к королеве, и нарушил строгий закон во имя спасения, спаситель преклонил колено перед монархией и просил о её милости, но в ответ же она лишь просила вывести ее отсюда на свет.

7. Дагфар

Солёная вода волнами била в лицо, накрывала с головой, топила, унося за собой всё глубже в море. С последними силами Дагфар пытался барахтаться, чтобы выплыть наверх, как новая волна тянула за собой его глубже. Если бы проплывающая мимо деревянная бочка, ему бы пришлось проститься с жизнью. Соль от воды разъедала глаза, что казалось лишит зрения, а во рту становилось сухо и пробивало

на кашель, но как только он открывал рот, вода снова заливала его. Последнее, что запомнилось, как вцепился руками в бочку, боясь потерять её, и когда силы покинули его, он так и уснул на ней, крепко прижимая к себе.

В чувство его привела очередная хлёсткая волна, что сильно ударила по лицу, и от неожиданности он свалился с бочки, и море унесло её далеко от него. Парень попытался доплыть до неё, но ему казалось, что барахтается на месте, когда как бочка уходила всё дальше. Полностью расслабившись, он опрокинулся на спину, и поддавшись течению, отдал своё тело на волю моря. В мыслях мелькали вчерашние события, он вспомнил уходящего под воду капитана и уплывающий вдаль корабль с королём, спрятавшимся в каюте. Этот трус даже не попытался помочь им, спасая только свою шкуру, хотя ответственно заявлял о пристрастии к морским приключениям, но тут же прижал хвост при первой опасности. А капитан... может, ему удалось спастись, может, его все же подобрал корабль, или может он ухватился за такую же бочку. Чем дальше Дагфар придумывал варианты спасения, тем больше понимал, что этого не случилось. Он вспоминал вечера, проведенные с капитаном на берегу моря, и как им хотелось покорить его, а в итоге они оба оказались покорёнными. Закрыв глаза, перед ним представал облик Фредерикуса, трусливо прячущегося в каюте, когда как остальные моряки отдавали жизни, чтобы корабль не перевернулся под натиском волн, и поклялся себе, что если его ноги ступят на

твёрдую землю, сделает всё, чтобы король глубоко пожалел о своём решении выйти в море.

Благосклонное море не забрало Дагфара в пучину, ночью волны принесли его на песчаный берег, очутившись на котором обессиленный, он глубоко уснул. Рыхлый мокрый песок показался ему невероятно мягким и удобным, что в голове промелькнула мысль о доме тётушки Дафф, о мягкой перине, о том, как он любил укутываться в тёплые одеяла, и засыпать под его тяжестью. Очнувшись только на следующий вечер, когда солнце медленно опускалось в море, скрывая во мраке потухающий пейзаж, парень старался оглядеться и понять, где же он находится. Смотря по сторонам, странно примечая, что такое знакомое ему, но в то же время совершенно чужое. Сумрак прятал от и без того размытых водой глаз, закрывая окрестности в темноту, но ему не терпелось поскорее найти людей. К тому же бурчащий живот напоминал о себе всё чаще. Подняться и встать на ноги получилось не с первого раза, его шатало в разные стороны, ноги не слушались и совершенно не хотели двигаться. Ему казалось, что каждое усилие давалось через боль, сковывая его внутри, но останавливаться он не желал. Проходя дальше от моря, больше убеждался, что места ему известны, и убедился в этом, когда песчаный берег привёл его в тот самый порт, с которого началось их отплытие на корабле. Проплыв несколько дней и угодив в шторм, он оказался там же, откуда и начинал. Пронзительная ясность осветила его мысли, с чётким

пониманием дальнейших действий.

8. Эльрик

С момента свадьбы прошло не мало времени, но Ульвадра категорично не подпускала супруга к себе, боялась его, не разговаривала и старалась свести их встречи к минимуму. Он не хотел давить на девочку, давая возможность адаптироваться в новом для неё статусе, был мягок и добр с ней, но в ответ на старания получал лишь слёзы и игнор. Принц Земли Вен плохо помнил свою мать, застав её лишь в младенчестве, но даже этого хватило для того, чтобы понять, что такого отношения, как у отца к матери, он не хотел, и хоть не в силах противостоять власти отцу-королю, свою жену желал всё же любить и взаимно. Поэтому он решил добиваться расположения, и лишь по одной просьбе о встрече с сестрой, решил преподнести как награду. Король был против потока строптивой девчонке, и всячески отговаривал сына от дальней поездки, но всё же сдался, обещая присматривать за невесткой.

Решено было выдвигаться ранним утром, солнце только начало освещать дорогу, уходящую вдаль. Собрав все необходимые вещи и погрузив их на своего коня, Эльрик сел верхом. Конь был с ним практически с детства, отец Ормар подарил его, как только малыш сам научился забираться в седло скакуна. Это был один из быстрых коней в округе, что вскоре юный наездник смог даже обогнать своего отца, чем несказанно радовал его. Дорога предстояла дальняя, и од-

ному в такой путь отправляться опасно, поэтому компанию ему составил юный Вербер. Высокий, худощавый с длинными руками, лысой головой и глубокими синими глазами. Мальчишки не разлучались с детства, почти всегда были вместе. Но крепкими друзьями они стали не сразу. Юноша из города был представлен к Эльрику как прислужник, за все провинности принца получал наказание, каким суровым бы оно не было. Ормар любил истязать мальчишку собственноручно, что было непозволительно по отношению к сыну, нещадно мучил и избивал прислужника, оставлял голодать на несколько дней подряд, а сколько раз ему устраивали порку, он сам посчитать не сможет, даже если бы умел. Эльрику порой доставляло удовольствие от этого, он придумывал всё более изощрённые пакости, портил еду на кухне, которую повара готовили для пира, распускал скот из загонов, за что наказывали пастухов. Всё изменилось, когда Эльрику только-только исполнилось 8 лет. Он тайком пробрался в оружейное хранилище и выкрал меч и лук. Отец поощрял сына к стремлению овладеть оружием, но всегда держал это под своим контролем, тренировал его лично сам, не доверяя придворным рыцарям. Взял оружие, он хотел потренироваться сам, отработать приёмы, что показывал отец, чтобы при следующем поединке, у него была фора. Но на выходе из хранилища ему попалась старая нянька, которая уже успела потерять его, когда тот не явился на поздний ужин. Она строго просила вернуть оружие на место и пойти рас-

сказать об этом отцу, но принцу было всё равно на угрозы, непослушный принц хотел оттолкнуть её и убежать. Засовываемая меч в ножны, Эльрик пятился назад, мелкими шагами приближаясь к двери оружейной комнаты, старуха подошла и стала вырвать меч из рук, мальчишка стал сопротивляться ей, не давая схватить его руку. Одёрнув кисть от хватки настойчивой няньки, резким движением он махнул мечом, остриё которого прошлось по брюху няньки. Чёрное засаленное платье засочилось, испуганная женщина взялась руками за рану, стараясь зажать её, прижимая края располосованной кожи друг к другу, с рук начала стекать кровь. Эльрик едва заметил красное остриё меча, на няньку повернуть взгляд он боялся. Раненная стала хрипеть, пытаясь шевелить губами, шепча что-то, но Эльрик не слышал ничего, лишь звенящий шум упавшего меча на каменный пол заставил вернуться его слух. Не смея взглянуть на молящую о помощи женщину, мальчишка убежал прочь. Наутро придворные нашли старуху, сидевшую на полу в луже крови. Она до последнего сжимала рану руками, сдерживая внутренности в животе. Ормар был в ярости, когда увидел окровавленный меч рядом с убитой и понял, что вражеское нападение им не грозит. Король хотел, чтобы сын сам признался ему в содеянном, но мальчишка испугался гнева отца и не признал свою вину, заручившись голосом прислужника, что весь вечер они провели вместе. Ормар не стал долго допрашивать сына, лишь велел ему выйти на главный двор, где у них проходят совместные

тренировки. Когда мальчишка пришёл в назначенное место, его отец принялся жестоко избивать Вербера. Он бил его кулаками, схватил тяжёлое полено и ударял им по его пальцам, хлестал плёткой по спине, что вся его одежда разодралась. Эльрик пытался отвернуться, но отец приказывал ему смотреть и избивал прислужника всё сильнее, пока тот не оказался практически бездыханным. На его теле не было нетронутого места, пальцы рук, рёбра были сломаны, лицо и туловище в синяках, кровавых подтёках, ссадинах. Белые белки глаз налились кровью. Он упал лицом на землю, изо рта текла кровь и пузырилась из губ. Только когда отец ушёл в дом, Эльрик подбежал к Верберу, пытаясь ему помочь. Он плакал, видя его страдания, попытался поднять избитого юношу, но тот лишь закричал и корчился от боли. Придворные помогли поднять Вербера и хотели отнести в его комнатку, что была в подвале замка. Но Эльрик приказал им отнести его в личные покои и оставить на своей кровати. Мальчишка сам старался выхаживать прислужника, кормил его, делал травяные компрессы под присмотром здравниц, тем самым пытался искупить свою вину как перед ним, так и перед собой. Взять ответственность за две смерти он не мог. Чуть позже, когда Вербер уже шёл на поправку, Эльрик всё же обратился к отцу с признанием, но Ормар никак не отреагировал на честность сына, он лишь сказал, что отныне тренировки владением меча будет проводить так, как с остальными рыцарями, и напомнил ему, что не все его ученики смогли

мастерски овладеть мечом. Те, кто сумел с этим справиться, сейчас являются главными защитниками Степных Вен. А те, кто не смог овладеть искусством боя на мечах, они мертвы, так как он прирезал их в учебном бою.

9. Харен

Харен был одним из первых, кто подорвал мирную жизнь Замкнутого Леса. Скитальческий народ под его предводительством долгое место искал пристанище, ту землю, которая могла бы принять их. Он собрал вокруг себя надёжных и умелых людей, и был уверен в собственной победе, но не учёл того, что приглянувшаяся территория будет охраняться свирепыми хищниками. Более половины людей пало от лап волков. Многие пытались спастись бегством, прятались в зарослях леса, чем обрекали себя на погибель. Сам правитель народа смог одолеть лишь одного волка, но это стоило ему огромных усилий и глубокого шрама на щеке и теле. Суровое лицо Харена стало еще более страшным, густые черные брови, нависшие над серыми, почти прозрачными глазами делали его взгляд тяжёлым и пронзительным. Люди, следующие за ним, боялись смотреть на него, но и не могли оторваться от его пленительного взгляда. Лохматые спутанные волосы, касающиеся его плеч, слегка вытянутый нос и массивная челюсть с тонкими губами делали его похожим на хищного врага. А шрам, что оставил убитый им волк, лишь придал схожести с хозяевами леса.

Поражение в Замкнутом Лесу тяжело далось сильному и

гордому Харену, впервые за всю жизнь ему не удалось одолеть противника, пусть и такого сильного и сурового. Он за-таил обиду на себя, на сложившиеся обстоятельства, и совсем не хотел более вести за собой народ, считая себя недо-стойным этого пути. Переубедить его смогла лишь молодая супруга Рева, что не по годам была мудра. После боя с вол-ком, которого Харен смог убить и получил шрам на лице, де-вушка выхаживала любимого, лечила травяными настоями, ингредиенты к которому находила в Замкнутом Лесу, ухо-дя вглубь, несмотря на опасность даже приближения к тро-пе, что вела в чащу. Её же совсем не волновали предостере-жения людей, что пытались остановить девушку, она лишь улыбалась им и шла по своим делам. И именно молодая су-пруга помогла понять Хальсу, что сейчас он, как никогда ну-жен людям. Они напуганы, растеряны, и если от них отвер-нётся их лидер, то вскоре всё умру. И чтобы наверняка убе-дить мужа в необходимости двигаться дальше, сообщила о том, что их наследники должны родиться в месте, которое назовут своим домом, где будут в безопасности и принесут пользу, как и их отец.

Их путь был сложным, и пройти его смогли не все. После ухода с земель Замкнутого Леса, густая, свежая зелень реде-ла с каждым шагом, мелких и крупных животных, что оби-тали на проходной территории, было всё меньше, а значит, меньше воды. Вскоре оставалось лишь палящее солнце. Лю-ди не выдерживали месяцы скитаний по степным землям.

Кто-то сдавался, и после очередного привала уже не желал продолжать поиски лучшей земли, кто-то умирал буквально на ходу, на кого-то нападали хищники. Их поиски прекратились внезапно, когда Рева поняла, что пришло время для появления на свет наследника. Немногочисленные женщины, следовавшие за Хареном, помогли девушке при родах. Так на свет появился мальчик, которого нарекли Амином.

Молодой отец принял данное событие как знак и решил возвести город именно на этом месте. Широкие степные дали, протекающая неподалёку река, невысокие деревья с массивными корнями, что въелись в землю всей силой, стали их новым домом. Так появилась Земля Вен. Люди строили дома, возводили хозяйство, и казалось, что население деревни разрасталось каждый день. Харен то и дело встречал незнакомых ранее ему людей. Но он совсем не против был прибывающим людям, особенно мужчинам, сила которых была нужна как никогда. Вскоре народ провозгласил Харена правителем Земли Вен. Люди помогли построить большой дом из толстых брусьев деревьев, хотя все остальные постройки в основном соорудались из хвороста и соломы. В главном доме, помимо покоев для супругов и их сына, был построен большой зал, в котором правитель мог принимать людей для решения их вопросов.

Рева помогала не только супругу, но и жителям деревни, кто обращался за помощью. Её травяные настойки творили чудеса, могли поднять на ноги даже самого безнадёжного

больного. Не проходило и дня, чтобы она не отправлялась на поиски нужных трав, уходила далеко в поля, даты найти ту самую необходимую. В это время жительницы деревни, вырвавшиеся на помощь, приглядывали за малышом, который никогда не требовал особого внимания к себе, беззаботно уснув в колыбельке. Вскоре роль няnek Амина разрослась, и они стали помощниками в их доме по хозяйству, помогали Харену в вопросах населения. Люди все больше приходили в их деревню, строили новые дома, возводили кузницы, промышляли охотой и ловлей рыбы, занимались земледелием, что спустя годы привело к разрастанию до целого города. Харен же стал королем Земли Вен.

10. Фредерикус

Те дни молодой король часто у излюбленной няньки, ещё с детства он любил проводить с ней вечера, заслушивался сказками и легендами, и каждый раз просил поведать их снова. Голос Асвиды навсегда остался в его памяти мягким, приятным, как разгорающийся в камине огонь, начинающий отдавать своё тепло. Фредерикус никогда не задумывался о правдивости ее рассказов, вымышлены они ей или же это реальные истории былых народов, он никогда не задавался этим вопросом, и наверно, никогда не хотел знать на него верный ответ. Но про одну историю он знал наверняка.

Тёплый голос няньки относил короля в далёкую землю. Те времена не любят вспоминать, они относят нас к тем дням, когда Замкнутый Лес был опасным для жизни, суровым кра-

ем. Стаи огромных волков стали хозяевами леса и нещадно защищали свою территорию, отгоняя любых чужаков. Многие пытались покорить благодатные земли, но всех ждала гибель от острых клинков волчьей пасти. Так продолжалось до тех пор, пока люди не облюбовали ближайшую местность, разбив небольшую деревеньку, которая вскоре начала расти, уходя всё дальше вглубь леса. Но хозяева здешних земель воспротивились этому. Грозные звери нападали на деревню, безжалостно расправляясь со всеми жителями поселения. Но с уходом прежних жителей, наступали другие. Защитники изгоняли и их. Спасшиеся люди бросали новые дома и брели на север земель, ближе к Спящему морю, другие обосновывались на степных просторах. Те земли были менее пригодные для жизни людей, но это не помешало им возвести новые города. Волки же не сдавались, когда численность людей превышала их в несколько раз. Тогда началась жесточайшая война Замкнутого Леса, несущая за собой расправы людей и волков. Люди становились сильнее, и они уже могли дать отпор лесным правителям, не сдаваясь под них гнётом. Никто не хотел уступать, даже небольшого клочка земли, волки не позволяли передать людям, зная, что скоро они займут весь лес. Волки стали более часто навещать людскую деревню, совершая набеги на жилые дома, расправляясь с теми, кто там мог находиться. В одну из ночей вожак леса направился в дом, что стоял на самой окраине деревни, за ним начинался непроходимый Замкнутый Лес. Предводи-

тель хищников хотел лично расправиться с правителем поселения, дабы сломить людской дух в связи с потерей лидера. Но возглавляющего людской народ мужчину, волк не нашёл, а встретил лишь его молодую супругу, что со дня на день ожидала наследника. Как бы она ни пыталась сопротивляться, как бы не просила пощады, совладать с огромным волком она не могла, разжалобить мольбами лохматого врага не вышло. Вернувшись домой, правитель застал лишь истерзанное тело и залитый кровью пол. Обезумевший от горя, он в одиночку направился в волчье логово, где и пропал навсегда. Хищная стая одержала победу, люди, сдавшись, и более не стремясь воевать, собирались покинуть обжитое место, но в ту же ночь одинокая волчица пришла в деревню. Тошая, хромая, напуганная, она шла по узкой тропе, озираясь по сторонам. В пасти она несла тяжёлый свёрток ткани. Увидевшие зверя женщины закричали во всё горло, и сами побежали на неё, вооружившись палками, но измученная волчица стояла на месте, глядя, как на неё надвигаются разгневанные люди. Мужчины среагировали на шум и тоже побежали к тропе, что вела в дебри леса. Одна из женщин подошла ближе и замахнулась палкой, как хищница аккуратно положила перед ней свёрток, который начал шевелиться, как только коснулся промозглой земли. Злость и ярость улетучилась, жительница потянулась к свёртку и едва коснувшись его, почувствовала мокрое касание гладким языком. Она поведала о том, как сегодняшним ранним утром родила этого мальчика, и

он является сыном вожака стаи, что загрыз беременную девушку. Отныне этот мальчик стал знамением мирного союза между хищниками и людьми, что действует до сих пор, и его наследники являются его хранителями.

Фредерикус часто вспоминает эту историю, но тем сильнее его желание посетить Замкнутый Лес, воочию увидеть его красоту, свободу и историю. Он засыпал с этой идеей и просыпался с ней, всё свободное время проводил в думах о бескрайнем море, кораблях и Замкнутом Лесе. Библиотечный зал стал для него привычнее тронного. Среди книг изучал мореплавательное дело, искал любые упоминания о далёких землях, которые скрывались за горизонтами, но всё что, он мог найти – лишь малые крупницы, которые не давали полного понимания, что его ждёт за горизонтом Спящего моря. Много усердия было потрачено на изучение постройки кораблей, и на его удивление, этому делу было выделено немало книг, что хранились в библиотеке. На каждой странице старых книг он надеялся найти хоть малейший намёк на то, откуда могли приплыть его предки на землю холмов, но ни единого упоминания об этом сказано не было. Помощи от Асвиды тоже уже не ждал. Нянька всегда говорила, что он родился здесь, а его предки были продолжателями знатного рода. Кто и кем они были, знать ему было не дано.

Отсутствие короля в тронном зале не могло сказаться на его обязанностях. Переложив все дела на советников и придворных, он и вовсе позабыл о них, предоставив им полную

свободу. Вседозволенность и доверие со стороны правителя обошлось дорого городской казне. Нечистые на руку советники то и дело организовывали сборы и пожертвования в свою пользу. Фредерикус старался не замечать, а может, и вовсе не замечал их деяний, компенсируя это тем, что они по праву выполняют королевскую работу.

Не остались в стороне и жители Верхних Холмов, которые были обеспокоены состоянием короля. Он часто принимал жителей города в тронном зале, с первых рук узнавая о трудностях и успехах населения.

И то, что правитель перестал слушать народ, породило слухи, которые распространились по всей земле холмов, и одни слухи становились страшнее предыдущих. Обеспокоенные люди пытались попасть в тронный зал на встречу с королём, но их встречали лишь старые советники, которые были не так благосклонны к горожанам, скрипя зубами, отвечали на их просьбы, а на вопросы о здравии и месте нахождения Фредерикуса и вовсе молчали.

11. Боргунна

Самое большое поместье на земле Замкнутого Леса Мудольф получил от своих родителей. Ещё полвека назад, когда эта земли только начинали обживать люди, Хэрсэр и Боргунна устроились на самой окраине, дальше них начинался непролазный лес. Дом в несколько этажей возвышался над всеми, рядом стоящими более низкими домами, что находились в непосредственной близости к нему. Плодородная бла-

годатная земля стала домом для добрых трудолюбивых людей, которые отдавали всю силу и заботу земле, за что получали вознаграждение в виде хорошего урожая.

Хэрсэр невысокий, худощавый, крепко сложенный мужчина с лысоватой головой, а редкие волнистые рыжеватые волосы свисали до плеч и распушились при малейшем дуновении ветерка. Черты лица были резкими и небрежными, маленькие темные глаза, крупный нос, вытянутая челюсть, он больше походил на медведя без шерсти. Тот не боялся работы, был готов трудиться сутки напролёт, и казалось, нет ничего, чего бы не умел делать, ему не было равных в строительстве, ведь почти все дома в округе были сделаны с его помощью. Любил работать на земле, помогая супруге с урожаем, и больше всех остальных, их урожай становился самым лучшим в городе. Боргунна была чуть выше супруга ростом и значительно его шире. Взбитая женщина никогда не переживала по поводу выбора супруга, при заметной несхожести они дополняли друг друга и по-настоящему ценили, и дорожили семьёй. Вслед за мужем, Боргунна трудилась на благо дома, отдавая все силы земле. Жители Замкнутого Леса даже побаивались грозную женщину и не менее сильно уважали её. Достопочтенное семейство негласно стало главенствующей в городе.

После того как они обжились на новой земле, у супругов появился малыш Мудольф. Он был крепким малышом, и уже к юности догнал по росту отца, а потом и обогнал его

и стал ещё здоровее его, что даже не умещался в доме в полный рост, из-за чего постоянно сутулился. Длинные волосы серые и густые, свисали до плеч, борода отрастала так быстро, что ему надоело бриться каждый день, и оставил ее насовсем, что делало его вид значительно старше своих лет. Позже в семье случилось прибавление. Это была вторая беременность Боргунны, но проходила она значительно отлично от первой. Сильные боли не давали ей покоя, из-за них она не надеялась, что ребёнок родится здоровым. Она пыталась не отрываться от повседневной работы в это время, но никакой пользы принести толком не могла. Несколько раз местные жители относили домой без сознания, после того как она выходила работать в поле. Мучения закончились быстрее, чем она ожидала. Уйдя с утра снова работать на землю, она на удивление чувствовала себя превосходно. Не было ни болей, недомоганий, что способствовало прекрасному настроению. Всё изменилось в полдень, когда она поняла, что вот-вот. Помощницы сразу заметили, как крупная женщина упала на землю, повалив за собой тонкую изгородь, поспешили к ней на помощь, думая доставить её домой, но она кричала сильнее прежнего, и молодые девушки готовились к худшему, решив принять роды прямо в поле. Принятие младенца сопровождалось диким воплем помощниц. Одна из девушек взяла в руки окровавленное дитя и ее тело свело судорогой и страхом. В ладонях она держала маленького щенка. Молоденькие девушка разбежались с криками, оставив Боргунну

одну.

Женщина взяла в руки крохотное дитя и долго смотрела, как лысый мокрый щенок скользит в ладони, барахтается и тихонько пищит. В глазах матери выступили слёзы, а после громко зарыдала, держа руку на расстоянии от себя. Страх овладевал все сильнее, ей казалось, что впервые она ощущала свою беспомощность и слабость, более того, она боялась, как супруг воспримет это, поймет ли и поверит ли ей вовсе. Ещё долго не решившись подняться, женщина лежала в траве и присматривалась к окровавленному маленькому щенку, который уже спал в её руках.

На удивление Боргунны супруг принял принесённого в дом щенка снисходительно, не подав вида испуга или удивления. Женщина пыталась найти правдивый ответ в его глазах, но он отводил взгляд, стараясь избежать прямого контакта, после чего покинул супругу, сославшись на занятость. И лишь Мудольф обрадовался пополнению в семье, выразив свою любовь к сестре. Женщина была удивлена тому, что он смог понять, что маленький щенок, который не особо отличается какими-либо признаками, является девочкой, но поверила ему на слово. В чём он оказался прав.

12. Мудольф

Начало осени ознаменовалось сбором урожая, к ожиданию холодных дней и подготовки к следующему посеву. Хэр-сэр отправил Мудольфа с сестрой-волчицей в самую гущу леса, для сбора семян плодовых деревьев. Вместе они зашли

в непролазную чашу, куда едва могли пробиться лучи солнца. Здесь деревья растут настолько близко друг к другу и так высоко, что солнечный свет почти никогда не доходит до земли. Это место идеально для небольших кустарников с целебными ягодами, которые как раз созрели для того, чтобы их собрать и посадить новые деревья. Подросшая волчица Марвул собирала ягоды, до тех, что могла дотянуться пастью и складывала их в плетёную корзинку. Мудольф же отошёл дальше и собирал ягоды с макушки деревьев, за это время он ещё больше прибавил в росте, что позволяло легко дотягиваться до самых дальних ягод. Они непринуждённо болтали и смеялись над своими шутками, дразня и придумывая забавные имена для друг друга. Маленькая волчица с трудом произносила слова, что заставляло старшего Мудольфа смеяться всё громче. Рычащим, но тонким голоском, она произнесла по слогам сложное имя: “Вех-сел-балд”. Парень ещё несколько просил повторить её это слово, и с каждым разом смеялся сильнее, совсем забыв о ягодах. Их весёлую беседу прервал тягучий девичий крик. От неожиданности плетёная корзина выскользнула из рук, и все собранные ягоды рассыпались по земле, парень побежал на крик и увидел молоденькую девушку, что лежала на земле. Рядом с ней так же были рассыпаны ягоды и ветки дерева, и он поднял глаза вверх. Незнакомка забралась на самое высокое плодовое дерево, но не смогла удержаться на нём и рухнула вниз. Маленькая Марвул настороженно подошла к ней и обнюхала,

на что девица отреагировала криком, и с размаху оттолкнула волчицу от себя, поцарапав ей нос. Та заскулила и подбежала к брату, который взял её на руки и успокоил, ласково погладил по морде, чуть почесал ухо. Кричать девушка перестала, но смотря на них, она боялась ещё больше. Ноги и руки незнакомки были исцарапаны до крови, она попыталась встать, но не смогла удержаться на ногах и снова упала на землю. Мудольф пристально смотрел за ней; перед ним совсем молоденькая девушка, хрупкая, тонкая, что даже длинное платье не скрывает худобы. Пшеничные непослушные волосы собраны в растрёпанную косу, ярко-зелёные глаза притягивали к себе взгляд, а тонкие губы дрожали от боли и испуга. Незнакомка не отводила от парня взгляда, рассматривая его, вспоминая, что он является сыном правителей города, парень же, в свою очередь, впервые встретил её, и никогда ранее не замечал среди толпы населения, хотя часто бывал на городских ярмарках. Своё внимание привлекла сестра-волчица, грозно рыкнув, говоря, что пора возвращаться назад к дому, а теперь ещё нужно снова собирать рассыпанные ягоды.

Мудольф не хотел отводить от девушки глаз, и хоть направился к своей корзине, постоянно оглядывался на неё, то и дело встречаясь с ней взглядом. Девица быстрее наполнила корзину, попыталась приподняться, но снова рухнула, не удержавшись на ногах. Она сжимала лодыжку, поглаживая её, надеясь, что боль от падения пройдёт, но лучше не стано-

вилось. Парень вызвался ей помочь и подхватив на руки, понес домой. Марвул была недовольна его поступком, бежала сзади них и рычала, хотя брат не обращал внимания на неё.

Девушкой оказалась дочерью земледельца, что жил на другом конце города, они уже давно живут на земле Замкнутого Леса, но сторонятся людей, не посещая торговые ярмарки, не продают свой урожай, а довольствуются тем, что собирают сами. Ее имя Колла, как и родителя, она не часто покидает дом, лишь в крайней необходимости, какой и была сбор семян и ягод.

Мудольф сразу понял, что именно ту самую девушку он должен был встретить, чтобы полюбить и прожить с ней всю жизнь. Колла тоже сразу его полюбила. Родители были рады избраннице сына и благословили их союз. Юная супруга быстро втянулась в семейное дело. Она помогала на ярмарке, помогала работой на земле. И вскоре стала полноправной хозяйкой дома. Родители Мудольфа и Марвул умерли, и дети продолжили начатое дело. Под их правлением семья стала ещё богаче, они перестроили дом, сделав его более крепким и большим. Мудольф и Колла всегда мечтали о большой семье, но обзавестись наследниками долго не получалось. И когда Марвул принесла в их дом маленькую девочку, спасённую от пожара, они были несказанно рады принять её как свою родную, но как только девочка подросла, было принято решение, что она должна знать и помнить своих настоящих родителей. Марвул рассказала ей о спасении, приёмные мать

и отец рассказали, как растили, и что любят девочку как родную. Пройдёт ещё много лет, прежде чем Мудольф и Колла смогут иметь своих детей. Это радостное событие праздновали все жители Замкнутого Леса. Женщина старалась не перенапрягаться во время беременности. Муж заставил отказываться от всякой работы, она могла только гулять в саду и отдыхать в своих покоях. Асвида уже подросла и стала помощницей по хозяйству, и незаменимой для Мудольфа, пока супруга была лишена всей работы.

Беременность проходила легко, она даже иногда забывала о том, что носит под сердцем ребенка. И сами роды прошли быстро и легко. Однажды ночью Колла почувствовала тяжесть в животе и уже наутро молодой отец укачивал кроху на руках. Малышку нарекли именем Ульвадра. Молодые родители были невероятно счастливы, даже бессонные ночи, которые устраивала им кроха не могли омрачить их радость. Они наслаждались каждым днём, каждым событием, что происходили с дочкой. Асвида тоже старалась заботиться о девочке и называла своей маленькой сестрёнкой. Спустя почти 1 год, Колла вновь ощутила в себе уже знакомые чувства. Она сразу поняла, что беременна, и хоть многое ей было знакомо, сейчас ощущения были совсем иными. Ей постоянно чувствовался вкус шерсти во рту, с детства любимые сладкие фрукты, она не могла даже смотреть на них, она постоянно хотела сырое мясо. А после еды её всегда тошнило, что доходило до жутких болей в животе. Она боялась лишь

одного, что не сможет выносить ребёнка. И когда спустя всего 2 месяца, она почувствовала те же признаки, что должна была появиться на свет Ульвадра, она расплакалась, мысленно прощаясь с не родившемся младенцем. И тогда же она всё-таки родила, здоровенькую девочку, волчицу, имя которой дали Лука.

13. Вельвичина

Имя своего спасителя королева узнала лишь тогда, когда он потайным путём вывел её в королевские покои. Идя по тёмному и узкому коридору, что проходил в подземелье, она поражалась витиеватым лабиринтам, идущие в неизвестные направления, как она могла не знать о тайных ходах, прожив в замке всю жизнь?! Любопытство, страх и смущение одолевали ее сознание, ей хотелось поскорее оказаться в своей комнате, остаться наедине с собой, хотелось узнать, кто это незнакомец, но также она стеснялась его. Рукой прикрывая надорванное на груди платье, она быстрыми шагами следовала за ним, а их шаги разносило эхо далеко за впереди. Незнакомец молчал, а испуганная королева не могла набраться смелости узнать его имя, и кто он такой. Принцесса выросла в Верхних Холмах, часто гуляла по улочкам города, многих жителей знала в лицо, но его видела впервые. Спаситель повёл её вверх по крутой каменной лестнице, покопавшись с дверным замком, мужчина вывел в коридор замка почти рядом с королевскими покоями. Когда Вельвичина вышла на свет, была поражена, что этот ход пришёл их из тронного

зала практически в королевские покои. Она посмотрела на незнакомца, и на долю секунды испугалась, откуда тот может столько знать о тайнах королевского замка, тем более знает, где спит отныне королева. Вельвичина смущённо подошла к двери своей комнаты, не решаясь зайти в нее, обернулась, вопросительно взглянув на спасителя. Взрослый мужчина с каштановыми волосами до плеч и бородой, почти на голову выше её, одет в рыцарскую униформу. Сплетённая из жестяных колец кольчуга тяжело свисала с широких плеч, закрывала его торс, сильные руки облизала алая ткань, что блестела в лучах закатного солнца. Она оценивающе оглядела мужчину и всё же решила спросить его имя. Дагфар рассказал о том, что они с её отцом Фредерикусом давно были знакомы, он знал про его страсть к плаваниям, и именно в самое первое плавание был с ним, правда тогда молодой король, думал, что Дагфар погиб в море при шторме, но ему удалось выжить и вернуться. На вопрос королевы, почему же она ни разу не встречалась с ним, рыцарь объяснил, что негоже молодой королеве знать всех подданных, особой чести в этом нет, он простой житель, что вызвался на стражу королевы и будет счастлив исполнять долг личного защитника. Признать, она была поражена тем, как вовремя тот появился, чтобы вытащить её из толпы, спас ее от удушья, привел в её покои, если кто и смог защитить королеву в этом случае, он единственный, поэтому Вельвичина, подумав несколько секунд, согласилась с ним. На этом они распрощались, и новый

защитник королевы скрылся так же незаметно, как и появился, а она закрылась в комнате, повторяя в голове весь вечер снова и снова. Сегодня она похоронила отца, стала королевой, чуть не умерла от собственного платья, чудом спаслась и повстречала незнакомого спасителя. Слишком много событий для одного дня. Королева зашла в комнату, там ожидали шесть прислужниц, которые сразу ринулись к девушке, дабы помочь, видя изодранное платье, начали причитать, пытаются снять его скорее, но Вельвичина рыкнула на них и прогнала прочь, сегодня она хотела побыть одна, поразмыслить и прийти в себя. Она сама попыталась снять платье, но затянутый корсет мешал ей это сделать, начав рвать уже по надрыву, и когда стало свободнее, высвободилась из него. Наряд для коронации пришёл в негодность в день коронации. Вельвичина удручённо посмотрела на валяющееся платье на полу, растерзанная в клочья тряпка мало напоминала утреннее убранство. Размышляя, плохой ли это знак или не стоит это её внимания? Скинув с себя всю одежду, она устроилась на мягкую кровать. Вечерний зной закалил комнату, делая воздух внутри тяжёлым и липким, и даже открытое окно не добавляло прохлады. Аудиенцию нарушила сестра-волчица Дзя, этот вечер они разделили вместе. Волчица забралась на королевскую кровать и улеглась рядом с ней, а сестра рассказала ей историю о её тайном спасителе, который знал их отца ещё юным. Для обеих это было удивительно, ведь они с сестрой знали всех придворных, слуг, советников отца, а

уж с кем Фредерикус разделял общие взгляды, были постоянными гостями в их замке, а Дагфар не появлялся здесь ни разу. Почему же отец скрывал его, или сам защитник прятался от них? Об этом королева решила не думать, но навязчивая идея не давала ей заснуть.

14. Харен

Степные Вены не всегда были суровыми беспощадными землями, в которой остро шла борьба за жизнь. Испокон веков Земля Вен славилась плодородием и благодатью. Обитатели многих окрестностей собирались на этом месте и проживали здесь долгую жизнь. Невысокие холмы окружали зелёные деревья, изрядно тянущиеся к солнцу, за что палящие лучи обжигали их ветви. Неглубокие и чистые воды служили источником жизни для всех жителей долины. Самое большое и глубокое озеро – Озеро Тишины было центром Земли Вен, где встречались, договаривались о войне или мире, решали общие вопросы все обитатели земли, без страха быть не услышанным или убитым.

Многие люди часто обходили Земли Вен стороной, боясь низкого солнца, считая территорию непригодной для жизни, до тех пор, пока здесь не появился Харен. Чужестранец хитростью и умом вошёл в доверие зверей, пытаясь угодить каждой общине, обещая мир и процветание земли. Во время совета, проходящего у Озера Тишины, люди были приняты в общину. Жители понимали, что отныне действуют совершенно другие законы, разделившие Землю Вен на две

территории, и вторгаться на каждую из них нельзя ни при каких обстоятельствах. Многие животные были несогласны с принятым союзом, ведь люди были теми же хищниками, но всё же уступили, приняв людей на земле. Новые жители не остались в долгу, помогая возводить плодовые растения, перерастающие в небольшие сады, помогая больным и нуждающимся животным. Некоторых из них они приняли к себе, ухаживали за ними, а вскоре и вовсе оставили их рядом, обеспечивая кормом и жильём. Крупный скот был не против взаимопомощи, и они первые стали обживать рядом с людьми. Чужестранцы возводили город в долине, что огромной степью отделяла их от общины зверей, дабы свести к минимуму встречи людей и хищников, которые долго не могли принять новых соседей.

Волки – живущие в строгой общине, подчинены закону, как людскому, так и волчьему, у них есть своя территория, есть своя пища, и все законы создали именно люди, буквально разрешим зверью жить рядом, и все кланы мирно согласились на это. Но не все остались согласны с вступившими в силу законами. Охота разрешена только для пропитания и выживания. Волки не могут перейти на растительную пищу, как и люди не могут полностью отказаться от мяса. И если по праву судить, то все животные попадают под опасность, тогда как люди спокойно и мирно могут существовать в своей общине, не неся потерь. И главный вожак стаи Фастар был послан на обжалование закона, чтобы и люди умили

потребности. Правитель Земли Вен принял предложение о встрече, но принял волка в своём доме, отказавшись посещать озеро Тишины. Харен чувствовал уверенность и превосходство над просящим обжалования волком. Сидя на высоком стуле и смотря снисходительно на зверя, он понимающе кивал все его доводы, мягким голосом отвечая на его обеспокоенность. Правитель обещал не злоупотреблять положением, изъявлял желание быть преданным союзником и призывал волчью стаю к миру, ведь меньше всего сейчас хотелось бойни. Фастар же не принял ни единого слова хозяина дома, глядя в его маленькие глаза, и читал в них жалость и отвращение к волку, но перечить он не стал и попросившись покинул дом правителя Земли Вен. Но уходить ни с чем он не желал, а пустые слова тут же забыл. Несколько дней волк караулил семью правителя, наблюдая за ними. Семья лидера общины только-только пополнилась вторым наследником. Рева родила крепкого малыша, сына Ормара, в то время как старший Амин уже старался быть похожим на отца, отважно биться на мечях и метко стрелять из лука.

Волк наблюдал за каждым из людской общины. Мужчины жадно поедали огромные куски свежего сочащегося мяса, пили обжигающую воду, громко смеялись и бурно обсуждали удачную охоту. Чуть обглоданные кости они швыряли в сторону, берясь за новый кусок мяса.

Так Фастар провёл в засаде несколько дней, и его разум только пополнялся ненавистью к людской общине, из-за их

жадности, обжорства. Волк решил снова вызвать правителя на разговор, и поделиться с ним наблюдениями, и хоть Харен любезно согласился встретиться с волком, результата это никак не дало. Люди изначально очень плохо понимают язык зверей, принимая их речь за скулеж и лай и с трудом разборчивые слова, но хозяин общины даже и не пытался понять, что его него хотел добиться вожак волков. Фастар старался донести, что люди не выполняют собственных обещаний, убивая и сжирая больше, чем могут съесть сами, но правитель отшутился, говоря о дефиците потребления, что это все выдумки обиженного и голодного волка, закон принят и меняться он не будет, и ничто не заставит его передумать.

Рано утром, вожак стаи наблюдал за Ревой и маленькими детьми. Она уложила мальчиков в две кроватки, плотно запеленала Ормара и накрыла колыбельку Амина белоснежным кружевом, чтобы палящее солнце пощадило малышей. Фастар дождался момента, когда молодая мать отвлекается хоть на секунду от детей, как волк прокрался к колыбели. Он только успел схватить мальчика, что был ближе к нему, сжав зубами его шею, как он громко закричал. Мать кинулась к младшему сыну, плотно прижав его к себе, вопила во всё горло, и оба крика эхом разносились по всему городу. Обезумевшая от ужаса, она кинулась к нему, решив забрать ребёнка, но как только женщина приблизилась волк начал отступать назад. На ее крики и вопли мальчика начали сбегаться люди. Фастар заметил приближающихся правителя и на-

род, он стиснул зубы плотнее и моментально перегрыз шею мальчика. И только вожак стаи испачкал пасть человеческой кровью, на него накинулась толпа, и руками растерзали волчью тушу. Они буквально разорвали его на части вместе с требухой. Народу пришло столько много, что они даже не заметили, как вместе с волком ещё и растоптали тело малыша.

Харен и Рева долго оплакивали потерю одного малыша. Оставшегося в живых Ормара она опекала с большим усердием. Она никого не подпускала к ребёнку, все няньки и помощницы не имели права даже заходить в покои жены правителя. Да и сам Харен отдалился от жены и сына, вина себя в случившемся. Но свою вину он видел не в том, что не послушал волка, а в том, что изначально закон, позволяющий жить рядом людям и зверям был провальным. И только решил перебить всех хищников, что обитали в округе. Местный народ принял послание правителя к действию, и начали истреблять звериные кланы, убивая самцов, самок и маленьких зверят. Звери, кто мог, бежали из Земли Вен, но скрыться от воинственных людей удалось немногим. Из стаи Фастара в живых осталось лишь двум волкам и волчице, они скрылись в лесу и вскоре перешли границу Замкнутого Леса.

15. Харен

Харен всегда знал, что его дорога идёт по тропе правителя, и был готов к этому, а Рева была его правой рукой, женой, боевой подругой и советником. Пусть на его плечи легла ответственность за народ, главным в жизни для его оставалась

семья. И после печальных событий со смертью старшего сына Амина, правитель издал указ, который гласил, что каждая хищная тварь должна быть изгнана из Земли Вен, и, если хищник будет не согласен, будет истреблён. Жители, которые видели трагедию своими глазами, рассказали о случившемся всем, что-то преувеличили, что-то исказили, и вскоре весь народ до ужаса боялся свирепых волков, с которыми до этого жили в мире. Первое время люди действительно давали звериной общине выбор, добровольно покинуть земли, но многие стаи не были согласны с данным условием, ведь их прогоняли с родной земли, и вскоре люди уже без разбора убивали все хищные кланы. Вооружившись ножами, мечами, копьями и огнём, люди разоряли жилища животных, поджигали норы и берлоги, вместе с маленьким выводком. Ещё большую жестокость вымещали именно на волках. Подбив одного издали, они толпой накидывались на него и разрывали на куски. Так народ перебил всех волков, крупных и сильных убивали по одному, волчат же собрали разом и сожгли. Лишь одну волчицу было приказано оставить живой.

Старшую суку Сибу, главную самку Фастара силой привели к правителю. Она уже знала, что вся стая, все её дети мертвы, но саму убивать не торопились. Харен лично решил расправиться с ней, выдрав волчице все зубы, когти и оставил прислуживать в своем доме. А шею повесили длинную жестяную цепь, убежать ей не было никакой возможности. Ей изредка давали воды или молока, но зато кидали подач-

ки в виде огромных кусков мяса, которые она не могла разгрызть, а когда пыталась оторвать хотя бы маленький кусочек, дёсны кровоточили, придавая острую боль. Сиба взвыла, скулила, она была голодна, но и есть было невозможно. Люди сумели обезвредить волчицу, но сильный дух не позволял ей продолжать жизнь в неволе на цепи. Она понимала, что, либо помрёт от голода и боли, либо наскучит правителю, и он заколет её, и оба варианта не прельщали надежды и сил, поэтому она выбрала свой путь. Цепь, что держала её, была длинная, волчица начала крутиться по полу, обматываясь ею, и та всё туже сдавливала тело и шею, Сиба брыкалась изо всех сил, пока из ее пасти не вышло последнее дыхание. Мертвую волчицу обнаружили только через несколько дней, когда во всём доме правителя не распространился запах мертвечины. Слуги высвободили тело и представили бездыханную пленницу хозяину дома, ожидая от него дальнейших указаний. Решение волчицы и исход вызвал у него лишь усмешку.

На Земле Вен воцарился мир людей. Они избавились от хищников, что могли подвергать их опасности и были счастливы. Полноправные жители города строили новые поселения, возводили дома, заводили семьи, рожали детей. По соседству с ними находились лишь травоядные, которые не могли принести вред людям. В отсутствие хищников, колонии крупных зверей начала значительно разрастаться. Люди не перестали охотиться на них, но одного заваленного буй-

вола даже многодетной семье хватало на долго, и закон запрещал убивать зверей больше, чем можешь прокормить семью. А вот сами животные ели все больше и больше. И новой угрозой для жителей стал неурожайный год, когда животные съели всю зелень, не оставив запасов и полезных семян. Жители собрали все что смогли из плодородной земли, но уже на следующий сезон выращивать овощи и полезные травы было просто не из чего. Колонии животных, видя, что плодородная земля больше не приносит свои дары, начали покидать поселение Земли Вен, при этом поедая последнюю зелень по пути, и оставили после себя лишь голую степь, жители разом лишились достатка пищи. Постепенно суровый климат Земли Вен осушил практически все реки, что протекали по близости, из-за этого когда-то богатая и живая земля превратилась в сухую степь. И отныне Харен стал называть свой дом Степными Венами.

16. Ульвадра

Солнце нещадно жарило земли Степных Вен, сжигая последние ростки зелени, что через силу пробивались сквозь сухую почву, но и молодые побеги сразу вырывались с корнем голодающим зверьём. Буйволы, лошади и коровы были истощены от голода и жажды, они бестолково бродили по некогда зелёным полям, зарывались мордами в землю, в надежде найти хотя бы какой-то росток. После того как хищники были изгнаны с Земли Вен, популяция травоядных увеличилась в несколько раз, но пропитания на всех стало не

хватать. В сезон засухи звери начали голодать, молодые детёныши не выдерживали непригодных условий и умирали. Дохлые туши валялись по всей округе, создавая смрад, что распространялся далеко за пределы Степных Вен. Озеро Тишины, принимавшее ранее всех зверей, могло опоить каждого из них, сейчас же от бывшего величия и кристальной воды осталась лишь мелкая грязная лужа, дно которой истоптано парнокопытными жителями долины.

Люди, что ранее следовали за своим правителем Хареном, так же безукоризненно принимали власть его сына Ормара, но до тех пор, пока их земля была пригодна для жизни. Сейчас же народ начал негодовать. Еда заканчивается, мясо, что шло для пищи приходит в негодность, а вода и вовсе испарилась. Молодой правитель прекрасно понимал, это может легко утратить доверие толпы, которого так скрупулезно добивался его отец. И он принял единственное верное решение, которое может спасти его семью и народ. Это захватить ближайшие земли, что расположены к ним, которые по сравнению со Степными Венами кажется раем. И стал готовить войско из своего народа для захвата Замкнутого Леса.

Каждый человек, стоявший уверенно на ногах, был на счету, и было совсем неважно, умеет ли он обращаться с оружием или нет. Не исключал из списка воинов и своего единственного сына. Но он также понимал и опасность, которая их ожидает в бою. Эльрик вызвался в строй рыцарей одним из первых, как только узнал о надвигающемся бое, отец при-

нял его, но поставил сыну условие. Главное для их семьи – это продолжение знатного рода. Их всегда боялись и уважали, считались с ними и прислушивались к их мнению. И не в коем случае нельзя прерывать род, пусть даже в благородном сражении. Принц Степных Вен присоединится к отцу только после того, как его жена родит ему сына-наследника. Эльрик хотел, как можно быстрее стать частью битвы вместе с отцом, но также сразу вспомнил, как холодна с ним супруга, ведь даже со дня свадьбы он ни разу не дотронулся до нее, а сейчас она должна ему родить наследника. Весь день его не покидали мысли о словах отца, о вечной славе, что ждала бы его, в случае захвата новых земель, прослыть настоящим рыцарем и героем или продолжать чтить желание и нравственность супруги, ждать, когда она осмелится подпустить его к себе.

Ульвадра молча сидела у открытого окна, яркое полуденное солнце озаряло всю большую комнату. Чтобы его лучи не припекали лицо, она поставила рядом шелковистый зонт на высокой ножке перед собой, что создавал приятную тень, не спеша вышивала красной нитью цветочный узор и уже практически заканчивала работу. Асвида сидела рядом с ней и пела ей песню. Эта старая песня о далеких зеленых краях, в котором жила прекрасная девушка, о храброй волчице, которая принесла себя в жертву, во имя счастья подружки. Ульвадра очень любила эту песню с младенчества. Слушая ее, она мысленно возвращалась в отчий дом, обнимала

родителей, играла с сестрой-волчицей, убегала с ней в чащу леса, заливаясь с ней смехом от того, как мать строжится над ними, чтобы они не уходили далеко... но в замок Степных Вен её мысли вернул грохот открывшейся двери. В комнату яростно ворвался её супруг. Он стоял у прохода, запыхавшийся, тяжело дышал, с его лба стекали капельки пота. После неожиданного грохота, в комнате воцарилась тишина. Асвида прервала свою красивую песню, Эльрик пытался сдержать тяжелое дыхание, глубоко вдохнув несколько раз. Испуганная девушка впервые видела супруга в таком возбужденном состоянии, но решила не придавать вида его внезапному визиту и продолжила вытягивать аккуратный стежок. Она посмотрела на вошедшего мужа, на испуганную Асvidу, сама она была ошеломлена не меньше, но показать страх перед ним не могла позволить. Молодой супруг переступил порог комнаты, его шаг был уверенный и тяжелый. Проходя мимо няньки, он лишь бросил на неё взгляд, и ей стало понятно, что супругам требуется аудиенция. Женщина расправила длинную серую юбку и пошла к выходу. Как только она начала закрывать за собой дверь, Ульвадра окликнула её с просьбой остаться, но это требование она не выполнила и захлопнула за собой дверь. Эльрик пристально смотрел на супругу, его взгляд был холодным, задумчивым и тяжёлым. Муж стоял рядом с ней, подойдя практически в плотную и молчал. Не зная, чего ожидать, дабы не показывать своё беспокойство, она принялась снова выши-

вать, но как назло, руки начали трястись, и сделать стежок не удавалось. Супруг выхватил из её рук пяльцы и выбросил в угол комнаты. Его пальцы коснулись пышных волос, он гладил по голове и медленно спустился к щеке. Ощущая мягкую и бархатную кожу, ещё ни разу со дня свадьбы супруг не касался своей жены, и теперь он в полной мере ощутил, какая красавица ему досталась. Эльрик повел пальцы ниже по шее и наткнулся на льняную ткань её простого платья. Его решительность возросла и ладонью сжал девичью грудь. Кончиками пальцев он чувствовал, как та трепещет в его руках, и чувство власти над ней загоралось все большим пламенем. Склонившись над ухом, и спокойным голосом прошептал ей, что пора ей становится его женой не только праву, но и делом. Глаза Ульвадры наполнили слезы, но она как могла сдерживала их, зная, что однажды этот момент наступит, пыталась убедить себя, что готова к этому, но все ее убеждения рухнули сейчас же. Супруг смелее сжимал ранее недоступное, но вожделенное тело он получил и пытался насытиться этим сполна, она же сидела неподвижно, боясь шелохнуться. Эльрик повернулся лицом к ней и прошептал, что хочет наследника. Их глаза встретились, в его глазах она читала вожделение, в её глазах увидел страх. Он резко подхватил девушку на руки и потащил в кровать, Ульвадра лишь громко вскрикнула от этого, но больше не издала ни звука.

17. Лука

Колла тяжело переживала разлуку с дочерьми, родной

Ульвадрой и приемной Асвидой. Она так привыкла к постоянному шуму от детей, к заботам, что сваливались на неё в те дни, как она готовила огромные чаны наваристой похлебки, чтобы всем досталось с избытком. А сейчас их семья разделилась практически на две части, и она не находила себе места, как скучала по дочерям. Мать пыталась утешиться тем, что нянька будет в сопровождении, при этом дочь вошла в знатное уважаемое семейство во всей округе, её будущее обеспечено, и всё же лишь кроткая мысль терзала ещё сильнее, которая перечёркивала все положительные стороны. Она хорошо знала характер дочери и прекрасно понимала, что этот союз ей не в радость, она не полюбит супруга никогда, как бы он не старался, а значит она не будет с ним счастлива. Счастлива так же, как и они с Мудольфом, так же, как их предки.

Мудольф как мог, успокаивал супругу, настаивая на том, что это произошло бы в любом случае и так же их дочь бы противилась любому кавалеру, из-за своего дерзкого не покладистого характера. А Эльрик для неё будет любящим супругом и надёжной опорой. Принц хорошо воспитан, носит гордое звание рыцаря, которое заслужил не с помощью влиятельного отца, а как раз наоборот, должен добиться этого, чтобы Ормар сам соизволил наградить его за заслуги, а дочери пойдёт на пользу такой союз, если муж и будет уважать супругу, относиться к ней подобающе истинному рыцарю, то свита Ормара усмирит пылкий нрав Ульвадры. Как бы де-

вочка ни была свободолюбива, она должна подчиняться простым правилам, которые ей самой пойдут на пользу. Ведь не один уважающий себя свёкор не захочет иметь в родственниках взбалмошную девчонку.

Уже прошёл год с тех пор, как Ульвадра покинула отчий дом. Мудольф и Колла привыкли жить без неё, на их радость, дочка-волчица Лука всегда была рядом. Супруги пытались зачать ещё наследника, но из этого ничего не вышло. И только их привычный ритм жизни вошёл в свою колею, как его снова разбил Эльрик. Он вернулся в дом супруги по просьбе их дочери, чтобы привёз для неё сестру-волчицу, так как та несметно горюет в разлуке. Сопротивляться воли зятя и дочери он не смели, поэтому отдали Луку на поруки Ульвадре. Сестра-волчица Марвул была крайне против и вызвалась сопровождать племянницу до Степных Вен, но Эльрик отказался от её помощи, да и Мудольф решил не отпускать сестру в дальнейшее путешествие. К тому же, возвращаться назад ей пришлось бы одной. Зять поведал, что очень уважает их дочь, чтит невинность и поклялся и далее прислушиваться к её желаниям, дабы она сама должна повзрослеть и стать полноправной его женой, к тому же она обязана родить наследника, и не одного, чтобы они потом стояли на вершине их общего семейства. Родители были рады вестям о дочери, и хоть сложно было отпускать ещё и Луку, но решили, что она будет утешать Ульвадру. Ей сейчас тяжелее.

Лука металась по всему дому, узнав о грядущей встрече

с сестрой, она даже забыла, как рычала на Ормара и Эльрика, когда те впервые переступили порог их дома. Её не пугала дальняя дорога, она хотела скорее снова облизнуть щёки сестры, потрепать за волосы, побегать и поиграть с ней.

Рыцарь сел верхом на белого скакуна, Луку же он взял на руки, чтобы та не отстала от них и не потерялась по пути. Лежа у него на руках, сестрица прижималась к нему плотнее, её укачивало, носом она уткнулась в свою шерсть и всё ждала, когда они наконец доберутся до знаменитых Степных Вен. Хотя ей совсем не было интересно, что там и как, она лишь отдалённо знала, что бегать по лесу, как дома ей больше не удастся. Но радость от встречи с сестрой перебивали все плохие мысли. Эльрик старался отвлекать волчицу, тербя за ухо, играя с ней, а она нападала на его руку и злобно кусала, слово охотилась за ним. А когда не рассчитывала силы, сжимала пасть сильнее, он брал за шкуру и отрывал от руки, отчего она тут же успокаивалась и жалобно скулила. Но это был лишь отвлекающий манёвр, и маленькая хищница исподтишка снова набрасывалась на его руку, чем доводила Эльрика до громкого смеха.

В Степные Вены они вошли, когда начало темнеть. Пока добрались до замка и вовсе была глухая ночь. Рыцарь не стал тревожить супругу, хотя сгорал от нетерпения увидеть её и порадовать подарком. Но мимо отца он пройти не мог, чтобы доложить ему, что поездка прошла хорошо, и они довольно быстро смогли вернуться. Он оставил волчицу в своих поко-

ях и направился к комнате отца. Ормар ждал его, чтобы рассказать о случившемся, он был крайне взбешён и недоволен поведением снохи, ибо сбежать из дома супруга посреди ночи верх оскорбления их уважаемой семьи. Он не мог оставить это безнаказанным, но и не смел наказать её сам, в отличие от Асвиды, которая живёт с ними по их милости. Отец приказал сыну избавиться от щедрого подарка, что привёз супруге. Раз она пыталась сбежать, не дождавшись сестру, значит не так ей и дорожит. Эльрик был обескуражен от услышанного. Внутри бушевала злость и обида, все его старания и уступки, жена растоптала.

Рыцарь вернулся в свои покои. Его распирало от гнева, предательства со стороны супруги он никак не ожидал. Лука уже к тому моменту спала в углу его комнаты, сложившись калачиком и уткнув морду в шерсть. Эльрик тихо подошёл ближе. Его тревожило сомнение, отец приказал избавиться от волчицы, но с другой стороны, за время путешествия он сам привязался к ней. Ему нравилось играть с ней, даже мериться силой. Лука не боялась его, в отличии от Ульвадры. Со скрежетом он вытащил тяжёлый меч из ножен, и только замахнулся на спящую волчицу, как оружие выпало его ладони, громко ударился о каменный пол. От грохота Лука проснулась, испуганно взглянув на Эльрика. Он лишь приказал ей бежать как можно дальше отсюда, пока может, или ему придётся убить её. Волчица бы и подумала, что принц решил поиграть с ней, его мокрые глаза говорили об обрат-

ном. Она сорвалась с места и рванула, как можно быстрее из его комнаты, по длинному коридору и лестнице, что вела вниз. Но попала она не к выходу, а в большой зал, где спокойно расхаживал Ормар, с тонким кинжалом в руках. Он тихонько подошёл к ней, потребил её за ухом, погладил по спине и резко вонзил остриё кинжала в шею и прорезал до грудной клетки. Волчица даже не успела пискнуть, из шеи полилась темно-красная кровь, которая уже через минуту залила ползала, она упала набок, её лапы дёргались, будто пытались убежать, язык вывалился из пасти. Ормар так же спокойно вышел из зала и приказал прислуге прибрать здесь все, а шкуру волчице доставить его сыну в комнату. Только после этого он решил, что ему уже давно пора спать.

18. Вербер

Вербер родился в семье Кальфа и Ювы, семье, отдалённой от знати и почестей. Кальф сколько помнил себя, всегда был пастухом телят и, как и его отец Квиг. Но с тех пор как Земля Вен стала Степными Венами, домашнего скота поубавилось, а значит меньше работы. Они прекрасно понимали, что сами научить отпрыска чему-то новому не смогут, добиться звания рыцаря при дворе ему вряд ли удастся, родителям даже не хватит средств на простейшее обмундирование, а без обучения при дворе и вовсе не стоит грезить мечтами о достойных подвигах. Но обойти простое происхождение и попасть на служение правителям всё же можно, хоть для этого потребуются иные жертвы, от самого служителя. И если он

храбр духом и телом, то выстоит испытания, что лягут на его плечи и быть может, пробьёт путь к знати. Всё лучше, чем пасти полудохлых овец.

Примерно в одно время с Вербером у правящей семьи появился долгожданный сын, а значит, ещё пару лет, и молодому наследнику приставят прислужника, который будет принимать все наказания своего хозяина. И как только Вербер оторвался от материнской груди и начал ходить самостоятельно, родители повели его на смотрины к правителю. Молодой отец Ормар был изначально против такого метода воспитания, он считал, что мужчина сам должен нести ответственность за свои поступки, но его мнение противостояло всем остальным членам семьи. Вигдиса – мать мальчика настаивала больше всех на прислужнике, она, конечно, желала, чтобы сын вырос сильным и крепким мужчиной, но жестокие методы воспитания, о которых она знала не понаслышке, применять на долгожданном и единственном сыне не хотела. И только наступила третья весна наследника, мать сама объявила о поиске «мальчика для битья». Эту возможность не хотели упускать многие горожане, ибо тот путь тернист, но всё же ведёт напрямик в замок правителей. Вигдиса лично осматривала мальчишек, которых приводили родители. Кто-то был ещё совсем крохой, даже являлись мамыши с грудными детьми, а некоторые наоборот уже со взрослыми мальчиками. Но мало было просто понравиться матери наследника, претенденты должны пройти испытания на вынос-

ливость, ибо работа им предстояла тяжёлая, а воспитывать стальную закалку в прислужнике никто не собирался. Всех, кто не подходил по возрасту и внешним данным сразу отправлялись домой, и после первого отсева остались 7 мальчиков 3-4 лет. С семерых претендентов сняли всю одежду и отвели в холодный подвал, где хранились припасы. Им было велено так, чтобы упасть на колени, разбивая их до крови, и у кого не получалось это с первого раза, повторяли падения ещё и ещё. И только после того, как надзирателя устраивали кровавые подтёки, он ставил мальчика коленями на пол, предварительно рассыпав соль. Двое мальчишек расплакались и отказались стоять сразу, надзиратель вытолкнул их из комнаты, оставшись наблюдать за остальными, а как возвращаться из тёмного подвала наверх, никто из малышей даже не запомнил, и им самим пришлось искать выход. Та же участь ждала и других, кто начинал хныкать и отказывался продолжать. Спустя 4 часа в холодном хранилище, с запёкшейся на коленях крови и ввевшейся соли, должность прислужника досталась Верберу. Он один выдержал все испытания, хотя уже готов был сдаться, еле сдерживал слёзы. А холод ему даже помог, он отвлекал его от боли в ногах, пока мальчик пытался согреться. Надзиратель грубо схватил победившего за руку и вывел к Вигдисе. Остальные шесть мальчиков так и блуждали под замком в коридорах подвала, никто из них за это время не смог найти дорогу обратно. Ждущие женщины с ужасом умоляли правительницу помочь

им отыскать детей, но она не удостоила матерей даже взгляда, она встала с трона и ушла прочь, а раздосадованных и гневных дам прогнали из замка. Юву же надзиратель поблагодарил за храброго ребёнка и попросил быстрее покинуть замок, чтобы новый прислужник скорее отвык от неё, больше он не принадлежит их семье, больше они его не увидят.

19. Ульвадра

В глаза били лучи утреннего солнца, но Ульвадра не топилась открывать их, наоборот, ей хотелось уснуть надолго, навсегда, чтобы забыть всё то, что произошло ночью. Она несмело обернулась, и на её радость, Эльрик уже покинул супружеское ложе. Девушка прижала колени к груди и уткнулась лицом в мягкую подушку. Из глаз текли тяжёлые слезы, как бы она старалась не плакать, но это было выше её сил. В мыслях всплывали воспоминания в случившемся, и чем больше она думала об этом, тем больше ей становилось мерзко. Она начала трогать своё тело, исследуя его руками и вдруг резко подскочила, спрыгнув с кровати. На ней колыхалась тонкая ночная туника, которая едва скрывала её наготу, она была испачкана кровью, как и кровать. Ульвадра содрала с себя шелковую ткань и выбросила в тлеющий камин. Туда же следом отправились спальные принадлежности, которые задымилась, наполнив комнату белым дымом. Девушка села рядом с камином, наблюдая, как возгораются ткани, и ещё больше расплакалась. К горлу подступал ком, отчего стало тошнить. В голове не укладывалось, как она могла позволить

этому случиться. Но и противостоять сильному супругу она бы не смогла. Ей становилось обидно от бессилия, никто защищать её здесь не будет. Более того, она понимала, чего Эльрик хочет, и, если сейчас не получится, это будет повторяться. Но и выполнять свои супружеские обязательства она не хотела. Ей хотелось обратно домой, к родителям, в Замокнутый Лес, к сестре, но уже ничего не вернуть, и горечь утраты давила ещё больше. Сейчас ей как никогда захотелось прижаться к Асвиде, но оглядевшись вокруг, она подумала, что понятия не имеет где её искать. Наспех надев лёгкую накидку, босиком она выбежала из комнаты. Возможно, нянька на кухне вместе с придворными, это первое что, пришло в голову, и тут же помчалась вниз по лестнице, поискать её там. Но вперёд Асвиды, она столкнулась с Ормаром, который поднимался по лестнице вверх.

За время нахождения в замке Степных Вен, Ульвадра нечасто виделась со свекром, и последняя их встреча была в день её неудавшегося побега. Она смотрела на него испуганными глазами, делая шаги назад, хотела вернуться, но он схватил сноху за запястье, сильно сжав руку, и силой потащил за собой. Девушка старалась успевать за его широким шагом и не споткнуться, иначе бы он волок ее по полу. Не имея понятия, куда они идут и чего хочет, спросить его об этом и вовсе не смела, так как боялась безумно. Идя по длинному коридору, освещённому факелами, Ульвадра поняла, что ещё не была в этой части замка. Она вообще редко куда

заходила, кроме кухни, столовой и комнат нескольких придворных, и даже понятия не имела, в какой части замка находится её супруг, в целом эта мысль пришла к ней только сейчас, и она очень надеялась, что свёкор ведёт её в комнату супруга. Но все догадки были ошибочными. Ормар отворил тяжёлую дверь и впихнул Ульвадру в помещение и сразу же запер там. Девушка оказалась в оружейном хранилище. В комнату просачивался тусклый свет из небольших окон, что были высоко под потолком. Стены увешаны мечами и кинжалами. Самый большой меч висел отдельно от остальных, массивная белая рукоятка в виде головы волка, стальное лезвие клинка более метра длины. Ульвадра даже не решалась тронуть его, сам вид он был острым и устрашающим. Упругие луки и стрелы, копья и тяжёлые булавы, рыцарские пики, боевые топоры, всего было так много, что у девушки разбежались глаза, и от увиденного количества оружия ей стало дурно, и она присела на холодный каменный пол. Пленница даже не пыталась стучать в запертую дверь, понимая, что жалобными криками она вряд ли добьётся освобождения, поэтому решила просто ждать, когда её выпустят.

20. Оска

Время близилось к вечерней трапезе, но девушка не спешила покидать личные покои. Гуляя днём по саду, она несказанно удивилась, как ей стало легче дышать, она наконец смогла вдохнуть, почувствовать запах летнего тёплого дня, как давно она не замечала этого. Но прогуливаясь по

саду, почувствовала тяжесть в животе, острая боль пронзила всё тело, что она ненароком вскрикнула, чем сразу привлекла внимание для помощи. Служанка, шедшая на несколько шагов позади, подбежала и схватила женщину за плечи. Без посторонней помощи добраться до своего убранства Оска уже не смогла. Медленными шагами она и служанка шли обратно в дом, испуганная женщина приговаривала прислуге скорее довести её до комнаты, так сильно ей хотелось отдохнуть.

Добравшись до постели, она прилегла, но боль в животе не прекращалась, а моментами ещё сильнее усиливалась. Испуганная девушка прижала ладони к животу и нежно гладила его, старалась отогнать плохие мысли подальше, предполагала, что это видимо сказывается усталость от знойной погоды. Окна в комнате наглухо закрыты, входная дверь также заперта, и хоть летние дни дарят солнечную погоду, в камине рядом с кроватью потрескивают дрова. Служанка ни на минуту не покидала её, помогла снять тесное платье, делала тёплые накладки из ткани на лоб и дала выпить похлёбку из заячьего жира. От духоты и жара, что воцарилась в комнате, Оску клонило в сон, но служанка не давала уснуть. И когда время подошло к вечерней трапезе, женщина поняла, что не сможет присоединиться к супругу, так как резкие боли не проходят, и что, вероятнее всего, она родит ребёнка, хотя следившая за ней повитуха уверяла, что появляться наследнику очень рано, ведь прошло всего лишь половина срока,

она не стала тешить её надеждами, твёрдо сказав, что наследник родится мёртвым, иначе живой бы он радовался единению с матерью. Женщина испугалась за дитя, уже более 10 лет жизни с супругом Гамли она мечтала родить ему сына, но беременность всегда прерывалась. Лишь однажды Оска сумела выносить ребёнка до положенного срока, но рождённый мальчик прожил всего одну ночь. Гамли требовал наследника от жены и проклинал ее всякий раз, когда ее беременность обрывалась, он грозился сдать её в прислужницы в дом его родителей, если та не сможет выполнить свою главную функцию. Оска не боялась угроз супруга, любое его решение Оска примет с чистым любящим сердцем, но всей душой ей хотелось подарить ему сына, чтобы хоть раз смогла порадовать его. Как только их родители заключили договор брака, девушка сразу приняла решение любить своего мужа, как и её мать, чтобы быть счастливой с ним и быть с ним в добрых отношениях. Гамли же не разделял тех взглядов. Серая невысокая девушка с реденькими волосами и пухлыми руками не прельщала оваций со стороны, её трепетная молчаливость и покорность лишь вызывали раздражение молодого супруга. На любую просьбу она отвечала согласием, никогда не смела перечить или заговорить с супругом сама. Даже попытки зачать ребёнка она принимала за свой долг, при этом не принося наслаждения мужу. Гамли понял, что из супруги не выйдет ни хорошего собеседника, ни страстной жены, поэтому требовал выполнить хотя бы главное предназна-

чение, но и с этим она справиться не могла.

Доселе живот Оски был едва заметен под свободным платьем, но за несколько часов он вдвое увеличился в размере. Женщина, не прекращая, кричала от пронзающей боли. Все тело распухло, лицо покраснело, даже белки глаз налились багровой пеленой. Служанки не смогли спокойно раздеть её, она брыкалась и вырывалась из них рук, молодые помощницы разорвали дневное платье, чтобы освободить хозяйку из натиска шёлка и бархата. В комнате становилось всё жарче, по наставлению главной повитухи, в камине разожгли пламя, дабы не застудить малышей. Сморщенная старуха с серой прозрачной кожей тоже скинула с себя всю одежду и приготовилась принимать роды у своей дочери. Они обе не желали, чтобы Гамли узнал о случившемся раньше времени, для облегчения боли старуха дала выпить настой трав.

Оска успокоилась, повитуха обложила её тело мокрой горячей тканью, надавливала на живот, он стал ещё больше, что девушка уже не видела за ним старуху. Когда начал показываться малыш, она закричала громче прежнего, но мать уже не успокаивала её. Она выгнала всю прислугу, чтобы остаться с дочерью наедине, и строго настрого запретила кому-либо шептаться о происходящим. Как только молоденькие девочки покинули их, старуха не своим глубоким и гортанным голосом начала петь песни, наполняя жаркую душную комнату хриплыми звуками. Она приняла окровавленного крохотного младенца, что помещался у нее в ладонях,

он пищал еле дышал и задыхался от собственного визга. Но за первым младенцем появились ещё трое. Старуха испуганными глазами смотрела на них, тощие, размером чуть больше ладони, перед ней барахтались четыре крохотные девочки, с опухшим лицом и маленькими глазками. Их ручки и ножки были словно тростинки, а тельце с прозрачной кожей хоть и испачкано сгустками крови, не скрывала внутренностей младенцев.

Лишь после родов пронзающая боль отступила, живот спал и обмяк, но тревожное состояние доводило до паники. Она не представляла, как супруг, ждущий сына, воспримет новость о четырёх дочках, не посмеет прикоснуться к ним, лишь смотрела на крох из рук матери.

21. Вельвичина

Отныне верный подданный всегда находился рядом со своей королевой. Он сопровождал её на Государственных советах, на которых решались важные вопросы Верхних Холмов. И хоть советники были против его присутствия, по велению Вельвичины, Дагфар молча стоял по левую руку и хмурым взглядом рассматривал придворных, чем заставлял их нервничать. Королева лишь изредка оглядывалась на него и хитро улыбалась. С момента коронации прошло уже достаточно времени, для того чтобы молодая правительница вникла в суть дела, и даже издала свой первый указ, но до сих пор чувствовала себя напряжённо среди советников. Она боялась им доверять, не знала, будут ли они преданы ей, как

были преданы отцу, не сведут ли её с верного пути. Но как только над ней встал Дагфар, чувство уверенности в себе возросло вдвое. Сейчас она осторожно, но всё же брала бразды правления и даже смела перечить наставлениям советников. С каждым разом она ловила себя на мысли, что с прислужником ей легко и приятно. После смерти отца она осталась без теплоты, что он дарил ей, без поддержки и чувства защищённости. А рыцарь вновь вернул ей эти ощущения. Может дело в том, что он был знаком с Фредерикусом, и относится к ней по-отцовски, а может, и то, что сейчас на неё взвалили корону, и ей положено быть сильной, а с ним можно снова почувствовать себя девочкой, и не бояться показать свои страх и слабость. Осознание того, как много значил для неё отец, пришло слишком поздно, на те беззаботные годы будущая королева не обращала внимания на такие мелочи, как ей казалось, ибо это было и будет всегда. Лишь тот день перевернул мировоззрение, когда она поспешила в комнату отца, чтобы отговорить его устраивать поединок за сердце дочери, ибо она не была готова к замужеству, но сказать об этом не успела. Фредерикус находился на мягкой перине, его бездыханное тело было накрыто лёгкой шелковистой тканью, и дочь подумала, что отец спит. Попыталась растормошить его, её переполняла злость и негодование, и ждать, когда он проснётся, она не желала. Но все попытки разбудить отца не дали результатов. Вельвичина стянула с тела ткань и ужаснулась от увиденного. Это звонкого крика пробежало по

длинному тёмному коридору. Отец лежал, скорчившись на постели, глаза широко раскрыты, а подушка испачкана рвотой. Не было ни единого намёка на присутствие посторонних в королевских покоях, стража никого не подпускала без повеления короля. Лишь дочери могли беспрепятственно посещать отца, и те делали это не столь часто. Стражники короля сбежались в комнату Фредерикуса, растерянная девочка рыдала в стороне от кровати, отходя мелкими шагами всё дальше. Один из страж схватил девушку и увёл её прочь.

Вельвичина видела кровопролитные бои доблестных рыцарей, которые порой заканчивались печально. Это случилось, значит, так должно быть. Она знала историю семьи и также знала печальные события, что привели к той жизни, которую проживала. Прекрасно понимала, что отец не вечен, и однажды он уйдет. Но, как оказалось, принять данное это она не смогла. Огорчённая, озадаченная, не понимающая, как быть ей дальше, девочка пробыла в комнате весь вечер и ночь. И кто бы ни пытался приблизиться к ней, она отвергала. Даже сестру Дею она просила не беспокоить её. В голове же вертелась лишь одна мысль "Я-королева. Отныне Я-королева Верхних Холмов!", и эти слова разбивали состояние девушки до отчаяния. Она вспоминала беззаботную жизнь, которой жила до сих пор, и она не хочет ничего менять в ней. Но и отказаться от нависших обязанностей права у неё нет. Так она и уснула на своей кровати.

Разбудил её громкий стук. Словно целое войско намере-

валось проникнуть в покои, за дверью стоял шум и гул. Вельвичина уснула, не сняв с себя вчерашнее нарядное платье, чем изрядно помяла его, и не расплела сложную причёску, что делала ей Шестая поутру. Локоны растрепались, придавая ещё более помятый и трагичный вид. Свита ворвалась в комнату, семь прислужниц, советники, Дэя, но воцарился гул, голоса перебивали друг друга, и разобрать кто, что говорит было невозможно. Вельвичина не обращала на них никакого внимания и делала вид, будто их и нет вовсе. Вчера она была в смятении и не могла представить свою дальнейшую жизнь, проснувшись сегодня, она с твёрдой уверенностью чувствовала свои силы и была готова к любым испытаниям, что несёт за собой коронация.

22. Дагфар

Ранние годы Дагфар провёл в странствиях со своей матерью. Они скитались по городам и небольшим деревням, но всегда останавливались ненадолго. Несколько недель, и они снова отправлялись в путь. Практически везде их принимали хорошо, гостеприимный народ давали им работу, кров, еду. Отец Дагфара Кнёрр был моряком, он воспитал в сыне твёрдую выдержку и сильный дух, многому его научил. Сам же слёг от лихорадки, что подхватил в плавании, и до большой земли не дожил. Ушлая мать легко входила в доверие к людям, часто устраивая перед ними целое представление. Чаще всего она звалась вдовой капитана корабля, что трагически погиб в море, но тут ей врать практически не прихо-

дилось, только звание мужа чуть преувеличила. Но это становилось более трагичной историей, нежели бы если семья бедняков просила помощи. Маленький Дагфар был милейшим ребёнком, с большими голубыми глазами и каштановыми волосами, он не оставлял равнодушными местных тётушек, каждая стремилась накормить его и приласкать. Фьётра – его мать, не могла не воспользоваться этим, и часто малыш становился главным способом вызова жалости у горожан. И чаще всего люди жалели её и давали кров. Женщина с мальчишкой на руках мало кого оставляла равнодушным, и те бедняки, которые делили корки хлеба, готовы были разделить корочку и для неё с сыном, но, конечно, она благородно отказывалась, желая семье процветания и с доброй улыбкой, покидала дом. Но стоило ей нарваться на обеспеченную семью, то вышвырнуть её было уже сложно, она впиалась в хозяев словно паразит, когда те даже не догадывались о нажитой приспособленке. Хозяйки сочувствовали ей и сыну и пускали их в дом, сажали за стол, укладывали спать. Женщина пыталась отблагодарить радушных людей, говоря, как ей неудобно перед ними, и что она готова выполнить любую работу за их доброту. Но этим самым лишь тянула время пребывания в доме, чтобы обследовать его более тщательно. И как только находила то, что может нести какую-либо ценность, забирала вещь себе. На следующий день сразу же прощалась с добрыми людьми и покидала их.

Мальчишке исполнилось 6 лет, когда они с матерью впер-

вые пришли в город Верхних Холмов. Уже тогда город процветал, повсюду раскиданы мастерские лавки, кузницы, а торговых палаток и вовсе не счесть. Самым людным местом была торговая ярмарка, где каждый горожанин мог предложить свои услуги. Чего можно было только не найти здесь. Ценные меха и ткани, ювелирные украшения с драгоценными камнями, кружева и вышивки местных девиц. Особой популярностью пользовалась лавочка со специями, в которой закупались повара королевской кухни. А сортов мяса, рыбы, овощей, фруктов, прочей различной бакалеи было не сосчитать. И здесь всегда царила атмосфера суеты. Шум, крики, споры, а то и драки были обыденным делом. Тут торгаша перекрикивали друг друга, завлекая прохожего к своему прилавку, там женщины спорили, кому достанется лучшая выделка ягнёнка, с другой стороны, кричала дама, которую обсчитали и не вернули сдачу. Фьётре хватило и доли секунды, чтобы проникнуться атмосферой городка. Она наслаждалась шумом города, а крики, что доносились с ярмарки, были услугой для ушей. Обведя взглядом окрестность, она поняла, что искала именно это место. Здесь её мастерству будет где развернуться, а добрых отзывчивых втрое больше, чем в тех захудалых деревнях.

Дорога, что они проделали с Дагфаром, была тяжёлая и долгая, но Фьётра считала, что это им обоим на пользу. Сейчас они голодные и уставшие, и достоверность в их беде куда больше, нежели если бы они были сыты, бодры и веселы.

Но мальчишка не желал слушать указания матери и клянчил у неё хотя бы кусок хлеба, за это он обещал ей расплакаться при людях. Мать одёргивала сына, злобно шипя на него, дабы не отходил от задуманного плана, но её фырканье злило мальчишку ещё больше, и он трепал мать за льняное потёртое платье, прося еды. Так они дошли до самой ярмарки, где на них не обращал никто внимания. Все заняты своими повседневными делами, а за общим гулом, капризов Дагфара не услышал никто. Женщина прорывалась через толпу, таща за собой хныкающего мальчишку, который то и дело спотыкался, люди сдавливали его, не замечая, а он вопил всё громче. Женщина же не оглядываясь тянула его за собой, волоча по земле. Все же его капризы могут сойти для правдоподобности, мальчик действительно голоден, тут грех не поверить и отказать им. Они проходили мимо прилавков с ароматными каштанами, что перебивали все запахи и заманивали прохожих к себе, а благоухание свежей утренней выпечки заставляло забыть обо всех делах и прильнуть к хлебному прилавку. Дагфар захлёбывался слюной при запахе, что витал вокруг. Он вырвался из руки матери и рванул к лавке с тёплым хлебом. Растолкав народ, что собрался вокруг прилавка, мальчишка добрался до источающего аромат хлеба и вожаделенно осматривая различные булочки и пирожки со всевозможными начинками. Мать кинулась искать его, но заметила лишь как он просочился в толпу вокруг хлебной лавки и подалась за ним скорее, но чуть не успела. Мальчиш-

ка украл пирожок, пока отвернулся продавец, но зато его заметил стоящий в очереди грузный мужчина и поднял ор. Испуганный воришка пытался вырваться от него, пинался, но захватчик и не думал отпускать его. Продавец увидел картину и рассвирепел от злости. Он вышел из-за прилавка, схватил вора и начал трясти его за грудки. Мальчика висел у него на руках, заветный пирожок он даже не успел надкусить, от испуга уронил его, и ароматный хлеб тут же был растоптан ногами толпы. Увиденное до дрожи испугало Фьётру, кинулась к продавцу с кулаками и криком, чтобы тот отпустил мальчишку, но мужчина лишь отмахнулся от неё, но не рассчитал силу и оттолкнул её, что она упала на землю в грязную лужу. Только после этого его внимание было переведено от мальчика к женщине. Он отпустил мальчишку, и тот упал перед его ногами, а взволнованный продавец шагнул к грязной женщине и протянул ей руку, помогая встать. Он извинился перед ней, представился Сефуссом, поднимая её с земли. И без того пыльное платье теперь намокло, с него стекали грязные капли, а лицо измазано вчерашней сажей. Фьётра выдавила слезу, и дрожащим голосом еле слышно прошептала, что это голодный сын, ей жутко неловко, и тут же начала рыскать по карманам в поисках монеты за украденный пирожок. Крупное лицо продавца хлеба раскраснелось от стыда и гнева, не находя слова, стал заикаться, но всё же еле понятно произнёс, что не держит обиды на мальчишку, и пообещал накормить его. Женщина отказывалась от его щед-

рости, но тот настаивал на своём. Он завёл их за прилавок и закрыл внешние ставни. Сильные мужские руки старались нежно и аккуратно стряхнуть грязь с одежды женщины, от чего обоим было неловко. Сефусс сотрясался извинениями перед ней, хотя она даже не пыталась показать обиду или возмущение. Для неё самой это было неожиданностью, но от уступок мужчины отказываться не стала. Хлебник недоумевал, откуда взялась эта женщина, раньше не замечал её, и почему она так грязно одета. Извиняясь в сотый раз, предположил, что они с сыном очень голодны, раз мальчишка пошёл на такой шаг. Фьётра лишь слегка кивнула ему, не произнося ни слова. И тут же он выдал им два огромных куса вкусного пирога с мясной начинкой. Дагфар быстро умял отданный ему кусок и стоял в сторонке, наблюдая за матерью и их новым знакомым. Женщина же сразу обратила внимание на то, как выглядит упитанный мужчина. На нём свежевystиранная форма, но немного мятая, не поглажена у ворота и манжеток, его головной убор низенького котелка надета набекрень. Ткань самой формы явно была не из дешёвых и точно скроена, а начищенные сапоги завершали образ холостого мужчины с достатком. Тогда-то Фьётра поняла, что обычные уловки здесь не помогут, и надо действовать по-крупному.

23. Ормар

Времени тянуть уже не было смысла, с каждым днём народ и войско только ослабевали, а значит, каждая минута разнится с ценой победы. Ормар не мог допустить, чтобы

войско, направленное им на завоевание земель, принял поражение, иначе бы всему тогда пришёл конец. Всему, на что оставил свои силы, он не мог посрамить их память и остаться побеждённым. И тем более дожидаться появления наследника. Это время может стоить им всей жизни. Ормар принял решение выдвигаться с армией в следующую ночь, Эльрик останется в городе за правителя, пока не будет полной уверенности в том, что их род продолжается. А как только мальчик появится на свет, если в том будет нужда, сын примкнёт в битве. Но всё же он надеется, что к тому времени мирные жители Замкнутого Леса сдадут позиции и примут их власть. Запасы кухни истощены, но Ормар хотел с размахом проводить армию. Тем более шли они на завоевание лучших земель, и вскоре и вовсе забудут об экономии припасов. Край Замкнутого Леса испокон веков славились своим плодородием, а это именно то, чего не хватает им сейчас. Полководец долго и упорно выстраивал стратегию нападения, продумывал ходы с разных сторон. Делал всё, чтобы минимизировать потери своих людей, и максимально уничтожить чужих. Его советники часто были с ним несогласны. Мало кто желал идти войной на мирных жителей, но бедственное положение горожан Степных Вен диктовало свои правила.

За долгое время на кухне повара работали в полную силу, приготавливая самые лучшие яства, с погребов достали огромные бочки пива и вина, и как оказалось, это были последние запасы хмельного напитка. После чего некогда за-

полненный погреб опустел. Ормар раздал поручения всем слугам, и казалось весь замок загудел словно улей. Придворные торопились успеть к вечеру устроить грандиозный пир, придворные дамы с прислужниками разбежались по своим покоям для приготовления к вечернему ужину, выбирая самые лучшие наряды. Кто-то из них завтра проводит своих близких в дальний путь. Рыцари и воины организовали шуточный турнир поодаль от замка, особо не растрачивая силы, но и размяться перед завтрашним походом. Эльрик прибился к компании рыцарей. Хоть он никуда завтра не уходил, терять навык боя не собирался. Рыцарь славился своей техникой боя, и во многом превосходил многих воинов, что состояли в армии Ормара. За несколько дней до готовящегося события он предупредил супругу о том, что ей необходимо присутствовать на мероприятии, и быть рядом с ним, чтобы народ видел их единство. Сразу за этим последовал отказ, ей были чужды общие сборища незнакомых людей. Вообще, с момента её нахождения в королевском замке Степных Вен, Ульвадра редко выходит из своих покоев, почти ни с кем не общается, лишь с некоторой прислугой. Она даже отказалась от положенных ей личных прислужниц, Асвида заменяет ей всех. Но Эльрик настоял на своём, приказным тоном дал понять, что она не выбирает пойти на праздник или нет, выбор за ней лишь в выборе наряда, который будет лучше смотреться с его рыцарским обличаем. Но если она опозорит молодого мужа своим видом, не поздоровится ей

ещё больше. Единственное, она до сих пор не знала, чему приурочен знатный пир во время тяжёлого времени. По слухам, и мимолётом она знала о готовящемся войсковом походе, но остальное от неё тщательно скрывали, дабы не травмировать нежное сознание раньше времени.

Пока весь замок суетился, Ормар отправился в оружейное хранилище, осматривал припасы, которые вот-вот разберут войны. Уже несколько поколений прошло без кровопролития на Общей Земле, и спустя столько лет он сам начинает боевые действия. Сейчас не хотелось ни с кем общаться, обсуждать план нападения, не желал думать о том, что сегодня пирующие войны могут видеть своих близких последний раз, и, вполне возможно, последний раз ночует на родной земле. Он закрыл глаза и вспоминал, как проходило его детство. Вспомнил строгого отца, Харен всегда обходился с ним как с будущим воином, закаляя его характер и передавая навыки правления, ведь он знал, что сын однажды займёт его место. Как бы ему сейчас хотелось спросить совета отца, знать бы, правильно ли он поступает, верное ли решение принял идти войной на мирные земли. Все советники и придворные в один голос вопят о надобности наступления, но когда они смели послушаться своего правителя?

24. Мудольф

День близился к концу, и только солнце стало багрово-красным, Мудольф понял, как сильно устал за день. Урожай уже хорошо поспел и медлить со сборкой было нельзя.

Это лето было дарило много солнечных дней, но и тёплые дожди не обходили стороной Замкнутый Лес. Плодородные земли наградили земледельцев за их усердие, сборщики не могли не нарадоваться такому урожаю и благодарили небо за солнце и дождь. Освободившись ото всех дел, местные земледельцы решили отметить такое событие. Они собрались вместе в небольшом трактире, чтобы опрокинуть несколько рюмок горячительного. Каждый хватился удавшимся урожаем, один чуть не надорвал спину при попытке затащить гигантскую тыкву в телегу, у другого переполнена вся тара, что подразумевалась под яблоки, а он и половины ещё не собрал, третий хвалился вкуснейшим виноградом и уже мечтал о том, какое вкусное вино он из него сделает. Мудольф смотрел на них с широкой улыбкой. Каждый год происходило одно и то же, каждый нахваливал свой урожай, приукрашивая достижения, и каждый из них знал, что рекорды каждого преувеличены, но все делали вид, что верят ему, а после все громко смеялись от этого. Бывало, даже доходило до споров, которые могли закончиться потасовкой, но это происходило уже после изрядно выпитого вина. Но уже наутро никто обиду друг на друга не держал. Мудольф и сам вступал в перепалку, защищая свой урожай, но обычно спорить и грубить ему не решались.

Разошлись все уже затемно, и то, по той причине, что завтра с первым солнцем снова выходить на работу. Шумные улицы опустели, пьяные песни и крики заглохли, в город-

ке наступила тишина. Лишь редкие порывы ветра раздували листву на деревьях.

Колла уже глубоко спала, когда Мудольф присоединился к ней в постель и сразу же провалился в глубокий сон. В его сновидение он снова попадает на огромную плантацию, с которой нужно собрать весь урожай, сгребает с земли всё, что ему попадается под руки, скидывает в огромную телегу, но валяющиеся овощи не заканчиваются. Собирая их охапками, пытается собрать как можно быстрее и больше, в очередной раз набрав кучу овощей и уже подбегая к наполненной телеге, он обнаружил в руках гнилые овощи, они настолько обмякли, что растекались по его рукам и рубахе. Мудольф заглянул в набитую телегу, но и в ней вместо свежих овощей был компост, начал расталкивать повозку, но та не сдвинулась с места ничуть, даже наоборот обратная тяга отталкивала его от нее. Как оказалось, не телега толкала его во сне, а Колла пыталась разбудить супруга. Ещё пару часов назад улочки городка Замкнутого Леса опустели и стихли после гуляний пьяных работяг, а сейчас снова оживились, но уже тревожными воплями, алое зарево от пламени пробилось в окна домов и разбудило жителей. Ещё не проснувшиеся до конца, с заспанными глазами, зевающие люди выходили во дворы, чтобы посмотреть, в чём дело, но тут же приходили в себя, как только увидели полыхающие дома рядом. Они кидались на помощь соседям, стараясь помочь, но не успевали добежать до горящего дома, как в людей вонзились острые

стрелы. Колла не сразу смогла разбудить ещё хмельного Мудольфа, он начал бурчать во сне и отталкивать её и отодвигаться, дабы не мешала ему, но супруга не отставала и уже криком стала будить его. Мужчина открыл глаза и буквально расвирепел, и хотел силой оттолкнуть жену, но тут же услышал крики на улице. Не произнося ни слова, они переглянулись и Мудольф, укутавшись в меховое покрывало, вышел из комнаты. Укутавшись плотнее в тёплую тяжёлую ткань и проходя по тёмным коридорам, осторожно ступая и прислушиваясь к уличному шуму, направился к выходу. Подойдя в большой зал, заметил Марвул. Волчица забилась в угол, она напугана шумом и криками, шерсть ее встала дыбом, вертела головой в тех сторонах, где раздавался шум и негромко рычала. Брат подошёл к ней ближе, протянул руку, желая успокоить его, но она оскалилась на него и чуть не схватила зубами руку, но едва успел отдёрнуть пальцы от клыков. Они пристально смотрели друг на друга, и Марвул резко сорвалась с места, поджав хвост, убежала от него прочь в тёмном коридоре. Мужчина вышел на улицу, тот хмель, что оставался ещё в голове, сразу же улетучился. Знакомые улочки были охвачены огнём и паникой. Люди пытались тушить свои дома чем, только могли, но особого прока это не давало. Но среди знакомых и близких людей Мудольф заметил чужеземцев, многочисленной толпой проходя между домами, он даже не сразу смог понять, помогают ли они паникующим людям или нет, но, когда заметил, что один из чужаков до-

стал лук из-за спину, натянул стрелу на тетиву, и пустил её в пробегающего мужчину, его ноги подкосились. Оперевшись о стену, он вытер выступивший пот с лица. Судорожно оглядывался по сторонам и вышел в центр улицы. Только сейчас заметил, что помимо домов полыхают поля и деревья, а у горящих жилищ лежат тела с воткнутыми в них стрелами. Дрожащими ногами он неловко делал шаги, всё дальше отдаляясь от дома и приближаясь к толпе чужаков. Он пытался разглядеть их с надеждой узнать в них знакомые лица, но тёмная ночь скрывала их, а полыхающее зарево освещало лишь размытые фигуры. Медленными шагами приближался к враждующей толпе, стараясь держаться, демонстрируя силу и уверенность, но дрожащие руки и ноги предательски выдавали его, а бегающие глаза открыто показывали его панику и испуг. Чем меньше сокращалось расстояние между ними, тем больше страх одолевал разум. Крики вокруг звенели все громче и эхом раздавались в голове. На лбу выступил пот, то ли от тревоги, то ли от жара полыхающих крыш. Ещё несколько шагов, и он приблизился к горящим избам, и своей спиной загородил еще не тронутые дома, в их окнах лишь отражались красные языки огня. Мудольф с трудом переставлял ноги, делая тяжёлые шаги. Он заставлял двигаться вперёд, но тело будто затвердело, чувствовал себя каменным, даже пальцами шевелить уже не мог. Армия чужеземцев приближалась куда стремительнее, и сейчас Мудольф заметил человека, что возглавляет непрощеных гостей. Высо-

кий, крепкий мужчина с головы до ног закутанный в рыцарское железо. Металлическая одежда сияла красными и жёлтыми отливами, передающимися от огненного зарева домов. Они шли навстречу, пристально смотря друг на друга. Мудольф пытался рассмотреть лицо надвигающегося противника, но тусклый свет, расстояние и мерцающий огонь мешали ему понять, что за человек перед ним. И как только расстояние между ними значительно сократилось, он вдруг узнал в нём знакомое лицо, что прежде доводилось видеть ему не столь часто. В этот миг его тело словно пронзила молния, что не он смог двигаться вовсе, а звенящий будто где-то вдалеке гул заглушил людские крики. Всё что, он видел сейчас – это его лицо. Лицо предателя, захватчика, ворвавшегося на мирных безоружных людей. Непреодолимая злость овладевала им, затмевая прежние чувства страха и паники. Плотнее сжал губы, его глаза налились кровью, не моргая, он вглядывался в наглуую ухмылку Ормара.

25. Ульвадра

Асвида приготовила самое новое платье, невероятной красоты красный бархат, нежно облегающий плечи, грудь и руки, талию же сжимал так, что глубоко вздохнуть было практически невозможно. Расшитое золотыми нитями, узоры сплетались в цветы и раскрасили все платье. Пышная юбка была столь неудобной, что Ульвадра с трудом делала тяжёлые шаги. Нянька плотнее затянула корсет на талии, сдавив всё внутри. Девушка отвыкла от них, при замужестве она

не утруждала себя ношением изысканных нарядов, даже наоборот, надевала самые простые платья, не делая сложных причёсок, ограничиваясь тугой косой. И сейчас она снова почувствовала те ощущения, что последний раз испытывала в свадебный день. То был самый несчастный день в жизни. Несколько дней прошло с того момента, как Ульвадра стала невольной невестой, её поселили в шикарную комнату со всеми удобствами, к ней были представлены несколько служанок, но строптивая девчонка сразу отвергла их, оставив с собой только Асвиду. Никто из новых подчиненных ей был ни в милость. Нянька помогла вплести белые ленты в волосы, украсив длинные косы собранными на заре цветами. Ком в горле не давал дышать, но и заплакать она не могла. Девочка не хотела быть слабой, так бы она сразу приняла своё поражение. Такое преимущество давать будущему супругу она не хотела.

Пиршество состоялось поздним вечером, когда уже луна ярко сияла над землёй. Огромный костёр пылал на пустынной площади, изредка потрескивая сухими дровами. У очага находился Эльрик, нервно расхаживая в несколько шагов вперед-назад, и степенно твердо стоял Ормар. Больше на площади никого не было. Асвида помогла девочке спуститься по лестнице и проводила её до площади. Дальше ей идти запретили. Ульвадра пыталась укротить пышную юбку, но несколько слоёв не поддавались ей, маленькие и неуверенные шажки медленно вели Ульвадру в новую жизнь. Если

супруга бояться она себе запретила, то в присутствии Ормара она совладать с собой не могла. Ком в горле пробирался всё ближе, душил ее, в глазах выступали слёзы, мерцающие в свете луны, а ноги отказывались слушаться, стопоря на месте. Ей казалось, что расстояние между ними увеличивается с каждым её шагом, она бы и рада оттянуть сей момент, но прекрасно понимала, что даже убежать не сможет сейчас. Эльрик двинулся ей навстречу, и всего несколькими шагами почти сравнялся с ней. Он протянул ей руку и мило улыбнулся ей, пристально смотря в глаза. Она попыталась улыбнуться ему в ответ, хотя не разделяла его радости, но не сумела выдавить из себя и тени улыбки. Девочка подала ему руку в тонкой кружевной перчатке, и он нежно обхватил её пальчики. Его касания были тёплыми и ласковыми, но для неё же они причиняли ей дикую боль. Эльрик повёл девушку за собой ближе к пламени, где их ждал Ормар. Они стояли напротив кострища, их лица освещали их ярко-красным огнём. Правитель встал спиной к костру, держал в руках ветхую книгу. Он был облачён в чёрную тунику с длинными рукавами и подолом до самого пола. На его лице не было никаких эмоций, словно его мысли были далеки от этого места, а пустой взгляд смотреть сквозь подошедших сына и снохи.

Он заговорил так быстро, что Ульвадра вздрогнула от его голоса, но даже прислушавшись, не смогла разобрать его речь, будто говорил на ином языке. Её глаза бегали, рассматривая площадь вокруг, но голову одолевали мысли, вызыва-

ющие сорваться с места, вырвать ладонь из руки Эльрика и пуститься бежать, при этом скинув себя бархатные оковы. Речь Ормара прекратилась так же резко, как и началась, после чего Ульвадру стал одолевать страх. Всё это ей казалось страшным ритуалом, нежели свадьбой. Внутри все переворачивалось, доводя до тошноты, тугой корсет стал давить еще сильнее, дыхание перехватывало в груди, а воздуха категорически не хватало. Но она вмиг забыла о неудобстве, как только заметила надвигающихся людей, что движется к ним. Паника охватила полностью, и она силой сжала руку Эльрика до боли. Толпа приближалась и окружала их. Напуганная девочка вертела головой, оглядываясь вокруг, с ужасом понимая, что люди идут на них со всех сторон. Мельком взглянув на супруга, она удивилась, видя его радость и безмятежную улыбку. Люди подходили все ближе, Ульвадра уже могла разглядеть их лица, но она и не ожидала узнать в них кого-либо. Костёр полыхал всё выше, отпуская пламя высоко в небо, обжигая кожу, стоящих рядом Эльрика и Ульвадру. Подходящий же народ вынуждал делать мелкие шаги ближе к огню. Сделав уже несколько шагов, она заметила, что стоявший перед ними Ормар пропал. Люди стали подходить все ближе и окружили молодых людей. Когда девочка почувствовала на себе их прикосновения, не смогла сдержать визг. Десятки рук обхватили все её тело и стали тащить на себя. Как бы крепко она ни сжимала ладонь мужа, не смогла удержать, и они разъединились. Ею овладевал страх, когда толпа

подняла её над собой. Они держали невесту за спину, трогая ладонями бархатистое платье, другие касались прядей волос, стоящие сзади подхватили пышную юбку и подняли. Оглядываясь на мужа, она видела, что его так подняли на руки, но он и не пытается сопротивляться, даже наоборот, полностью отдался им. Неся молодожёнов, толпа пошла равными шагами к небольшому каменному склепу. Они донесли их до ворот, поставили на ноги и вмиг исчезли. Эльрик видя шокирующую реакцию, супруги мило широко улыбнулся ей, и первой предложил войти. Снаружи мрачный склеп оказался уютно освещённой комнатой внутри. Десятки свечей полыхали внутри, в которой по центру находилась широкое ложе застеленное различными тканями. Мелкая дрожь побежала по телу девочки. Легонько державший ладонь, Эльрик почувствовал её страх, но поспешил успокоить жену. Он понимает, что Ульвадра не готова к взрослому браку, и не будет торопиться, и лишь попросил попытаться полюбить его. И тогда в любви они будут счастливы.

26. Дагфар

Продавец хлеба плотно покормил Дагфара и его мать, и также помог им с ночлегом, сам попросил за них у местной тётушки, что сдавала комнаты постояльцам. Та была его давняя знакомая, частенько брала буханку в долг, и не смела отказать ему. Дафф добрейшая женщина преклонных лет, по молодости часто скиталась по разным городам, пока не вышла замуж и не обосновалась на земле Верхних Холмов.

Они с мужем построили добротный пансион, который в своё время стал очень популярный среди приезжих гостей. Сейчас дом уже обветшал, но всё же постоянно занятые комнаты говорят о прибыльности заведения. Тётушка приняла мальчика и его мать как достопочтенных гостей. Она очень расстроилась, что не может поселить знакомых хлебника в лучшую комнату, но они были согласны на любой угол. Её даже не интересовало, сколько пробудут нежданные гости, но была рада им как родным, но очень удивило что вещей у них с собой не было, но спрашивать об этом не стала, лишь обмолвилась о горячем чае, который подаст им по первому зову. Хлебник покинул их, отправившись в свою лавку, там наверняка скопилась огромная очередь, а Дафф проводила постояльцев на самый верхний этаж, который ранее был чердаком, но из-за былого наплыва жильцов, был переделан в спальню. В небольшой тёмной комнате стояла узенькая кровать, а у самой стены – полуразвалившейся комод. Мать легла на мягкое ложе, вдвоём им было на ней не поместиться, а Дагфар улёгся на полу, рядом с ней. Крыша над головой радовало его больше, чем отсутствие мягкой кровати. Уснули они сразу. Усталость с дальней дороги и съеденный сытный пирог нагнали на обоих глубокий сон.

Проснулся мальчишка от исходящего снизу аромата душистого чая. Видимо, им хвалилась тётушка. Тихонько поднявшись, на цыпочках спустился по лестнице вниз. Недолго блуждая в поисках кухни, где вероятнее всего заваривали

травы, забрёл в очень уютную комнату. Вся мебель в ней сделана из светлого дерева, и повсюду были развешаны занавески. Сразу стало ясно, что попал в покои хозяйки. Осторожно, он переступил через порог и оказался в мягкой комнате. Ему ни разу не доводилось бывать в таких покоях, наоборот, привычнее были зашарпанные стены, где их и поселили. Мальчишка не удержался и прошёл дальше, ему так захотелось прикоснуться к мягкой ткани, почувствовать нежность и уют. Ещё несколько аккуратных шагов, он потянулся и кончиками пальцев дотронулся до шелковистой ткань, словно тёплое молоко потекло по его венам, ему стало так приятно внутри, что осмелился провести ладонь по нежной материи. Его словно встрепенулась неожиданная мысль, что ему бы не хотелось покидать это место никогда. Он больше не хочет скитаться под промозглым дождём и кланяться кусок хлеба у прохожих, в угоду матери. И чем дольше находился в комнате, тем больше уверенности остаться в нём прибавлялась. Дагфар осторожно огляделся, убедившись, что рядом никого, позволил почувствовать всем телом эту нужность и залез на кровать. Тело словно провалилось в мягкое облако, перина обняла его, окутав нежностью и теплом, впервые удалось ощущать такие эмоции, никогда прежде не чувствовал внутреннего тепла, что грело его душу. Ему представлялось, как каждый раз приходит в свой дом, и его дом точно такой, как вся эта комната, и ему не хочется уходить никуда. Мечтая и углубляясь в свои желания, мальчик уснул. Разбудило

его касание по щеке. Дагфар проснулся, но не стал открывать глаза, ему хотелось понежиться здесь ещё, но вдруг осознал где находится, раскрыл глаза и испугался. Перед ним на кровати присела тётушка Дафф и мило улыбалась ему. Мальчишка попытался резко встать, но мягкая обволакивающая перина не отпускала его, как бы он не вертелся. Глядя на него, женщина захихикала и снова погладила его по щеке. Её взгляд был таким же мягким, как и кровать, как и вся комната. Хоть мальчишка испугался, но Дафф не ругалась на него, ещё немного посидела рядом с ним, молча встала и вышла из комнаты. Парень решил быстро сбежать, пока она ушла, смущать хозяйку ему хотелось меньше всего, тем более злоупотреблять добротой. Еле выбравшись из пышной перины, только он собирался выскочить из комнаты, как тётушка снова вернулась, а с собой принесла удивительно ароматный чай, который остановил решительный шаг мальчика. Дафф протянула ему жестяную кружку, он аккуратно взял её и отхлебнул. Это был вкуснейший чай из ягод, что когда-либо доводилось пробовать ему.

Так они прожили в пансионе несколько дней. Дагфар каждый раз приходил в комнату тетушки, и они вместе сидели на кровати. Она рассказывала истории о своем муже и сыне. Они были мореплавателями. Впервые услышав этот рассказ, он не поверил ей, так как его мать рассказывает грустные истории о муже-герое, погибшем в море. Но Дафф говорила

все иначе. Улыбка не сходила с её лица, она мыслями пропала в том времени, когда ждала мужа и сына с моря, времена молодости. Тетушка гордится своими мужчинами, и хоть давно потеряла их, она бесконечно любит и чтит их.

27. Ормар

Десятки лошадей стояли у ворот замка, защищённые железной кольчугой, с боков которой выступали множество острых шипов. Головы их покрывали тяжёлые шлемы, оснащённые длинными пиками спереди на лбу. Лошади запряжены в деревянные повозки, в которых хранился основной оружейный запас. Мужчины постепенно выходили из ворот и собирались в отряды. Обмундированные с ног до головы, каждый из них имел различное оружие: лук и стрелы, мечи, булавы, пики и арбалеты. Пехота ждала отмашку полководца, но Ормар пока ещё не появился, чтобы возглавить армию.

Правитель же не торопился присоединиться к воинам, до этого он рано утром собрал в своих покоях сына и его супругу. Эльрик разбудил Ульвадру среди ночи, и она никак не могла понять, зачем свёкру потребовалось видеть их обоих в столь ранний час. Молодой принц помог ей надеть лёгкое платье поверх ночной туники, волосы же она заплела в неопрятную косу. Супруг взял сонную девушку под руку и повёл в покои отца. Ормар ждал их в полном обмундировании. Железная кольчуга покрывала его торс, ноги защищали латы, в руках держал блестящий начищенный шлем. Он

был спокоен и вежлив с ними, пригласил их подойти к нему ближе. Ульвадра, не зная чего ожидать, начала заметно нервничать, и на его мягкую улыбку смотрела с отвращением и страхом. Эльрик подтянул испуганную супругу ближе к отцу. Король рассуждал о грядущем новом мире Степных Вен, когда они уже и вовсе перестанут быть степью, а вместо этого вновь появится жизнь и изобилие. Но ничего не бывает просто так, и чтобы этого достичь, нужны решительные действия. Свёкор протянул ладонь к девушке и нежно дотронулся до её щеки, плавно проведя по ней, затем его рука коснулась легонько живота. Он улыбнулся ей. Не понимая его намерений, девушка чуть отстранилась.

Ормар объявил о военном походе, но опять Ульвадра не могла понять, ведь все об этом знали, проводили их пышным ужином, чего же нужно теперь... Тот же же рассуждал, что отныне Эльрик занимает его верховный пост, и до тех пор, пока не вернётся, именно сын будет вершить и править землями Степных Вен. А Ульвадра станет его королевой, и теперь сама должна выполнить свою главную задачу – это родить наследника.

Эльрик принял последнюю попытку napроситься в путь с ним, но отец сразу отстранил его. Его место сейчас это Степные Вены, его народ и жена. Как только Ормар узнает о рождении здорового наследника, и если в том будет необходимость, Эльрик прибудет на подмогу, сейчас же он поможет всем здесь.

Ормар подошёл ближе к Ульвадре и приобнял её за плечи. Такого поведения от свёкра она никак не ожидала, удивилась, и даже попыталась сделать шаг назад от него, а тот лишь крепче прижимал к себе и благодарил за внука. После добрых слов стал вдруг извиняться перед ней, тихо просить прощения, но и сейчас она не понимала, что именно нужно простить, дабы несколько случаев сразу всплывают на её памяти, где свёкор был несправедлив к ней. После недолгих объятий, они с Эльриком покинул его комнату. В недоумении, девушка еле сдерживала порывы, что не расспросить о произошедшем у мужа, но чуть сторонилась его, не решаясь заговорить. Он взял её под руку и повёл обратно в покои. Идя молча по коридорам замка, Ульвадра пыталась понять столь необычное поведение Ормара. Проходя мимо высокого окна, выходящего на обратную сторону замка, она увидела накапливающихся воинов, лошадей, оружие. С опаской глянув на супруга, вырвала руку от него. Эльрик удивился резкой смене её настроения, а она лишь убежала вперёд его в свою комнату. Супруг недоумевающе смотрел ей вслед.

Раннее утро веяло прохладой ночного дождя, прибавшего столбы пыли к земле и разводя грязь у ворот замка. Лошади, перешагивая с ноги на ногу, топтались по глине, увязая в ней копытами. Ормар вышел из замка в сопровождении трёх советников, взобрался на своего скакуна и крикнул армии, схватил борозды коня и погнал на нём вперёд. Пехота ринулась за ним.

28. Фредерикус

Молодой король созвал совет, в состав которого, как обычно входили его помощники и близкие придворные, но сейчас впервые на него были приглашены ученики судоходства, матросы и те, кто были с ним в его первом плавании. Они впервые присутствовали на подобном собрании и недоумевающе переглядывались между собой, задавая друг другу один и тот же вопрос. Фредерикус принялся хвалить их энтузиазм, идеи как по отдельности, так и всех вместе. Он был горд за своих учеников, каких успехов те достигли за короткий срок. Команда была рада услышать его отзывы и ждали дальнейших указаний, установки той даты, когда все отправятся в новый путь. И хоть король похвалил их успехи, в голосе его проскальзывала грусть. Он давал последние напутствия, желал покорения новых земель, удачи и силы духа. Моряки непонимающе смотрел на него, и чтобы предотвратить последующие вопросы, он объявил, что в предстоящее плавание они отправятся без него. Окончив свою речь, в комнате советов начался гул голосов перебивающие друг друга, моряки не могли вразумить, как так вышло, что они остаются без капитана. Он лишь встал со кресла во главе стола и молча покинул зал. Советники и придворные не скрывали радости от его решения, а морские последователи не могли сдержать негодования. Понять, как Фредерикус смог так резко поменять решение, ведь это он собрал их, лично готовил каждого к плаванию, они видели, как горят его гла-

за, как ему это не безразлично, оглядывались и перешёпты-вались между собой, но его решение было неоспоримо. Тягучие шаги короля эхом разносились по залу, а оставшиеся в нём ещё несколько минут не смели сдвинуться с места и произнести хотя бы звук.

Фредерикус ушёл в тронный зал, но велел убрать всех оттуда. Усевшись на высокий стул, оглядел зал со всех сторон и попытался устроиться удобнее на троне, но принять удобную позу никак не удавалось, что раздражало только больше. Огромный зал с высокими стенами давили на него, и как он не пытался заставить себя принять это место, принять свои обязанности, принять навязанный статус и обязанности, резонанс между Фредерикусом-королем и Фредерикусом-капитаном разнился всё больше. Душа его рвалась прочь из замка, покорять морские просторы, разум же тормозил и заставлял заняться главным делом. С каждой минутой, проходившей здесь, он ненавидел его ещё больше. Но возвращаться в свои покои ему было нелегко, огромные витражные окна открывали вид на беспечные дали голубого моря. Он боялся, что не совладеет с собой и сорвётся в путь вместе с командой. В его глазах выражалась досада, печаль, и как бы ни пытался переубедить себя, ничего не получалось. Единственный выход, что смог придумать – это обзавестись семьёй, которая бы удержала его на родной земле. Но брат в жены достопочтенную девушку из знатной семьи он категорически не желал, ему хотелось полюбить её, чтобы любимая

супруга заполнила его пустоту внутри. Фредерикус вызвал одного из советника для принятия указа. Король ищет жену, и любая особо может стать ею. Старший советник попытался было возразить ему, но тут же король осадил его. Будущая королева может быть, как из простого народа, так и знатная дама. Дело лишь за его чувствами к ней. Советнику ничего не оставалось, как издать новый указ.

29. Вербер

В последнюю встречу с матерью Вербер не проронил ни слова. Его поместили в комнату прислуги, где он находился уже несколько дней. Поварихи пытались приласкать мальчика, но придворные строго запретили приближаться к нему. Ему доставались последние объедки со стола, и то несколько вечером обходилось без всего. Мальчишка слонялся по тусклой кухне, в которой всегда трещал огонь и кипели котлы с готовящейся похлёбкой, но на просьбу покормить его, получал однозначный отказ. Женщины-поварихи старались тайно подсунуть ему хотя бы кусок хлеба, но старший надсмотрщик пресёк любые попытки, сначала словесно, но если это повторялось, то на его месте окажется одна из них. И всё же Вербер не голодал при дворе, он не привык, что теперь еда даётся ему в определённое время и в небольших количествах. Ормар стремился свести к минимуму расходы на прислугу, а тем более кормить чужого мальчишку и вовсе не хотел.

Мальчику объяснили для чего он здесь, и хоть особо не

понимал ничего, что от него хотят, ему было очень интересно познакомиться со своим новым хозяином. Но шли дни, а долгожданной встречи всё не наступало. Он беззаботно слонялся рядом с поварами, служанками, они в свою очередь, старались подбодрить юнца, пока не смотрел надзиратель. Спал там же на кухне, для него накидали соломы, уверяя, что этого ему вполне достаточно. Тётки-поварихи хотели бы отдать старое тряпье, но и это им запретили делать. Мальчик лежал практически на голом полу, а ночью, когда огонь в печи погас, трясся от холода, что пробивал все его тельце.

Разбудили его ещё с ночи, даже кухарки не приступили к своим обязанностям. Надсмотрщик повёл его по длинному коридору, выйдя из кухни, спустился по крутой лестнице. Вербер еле успевал за его широкими шагами, со спороном запинался и падал, надсмотрщик же продолжал тащить его за собой, и мальчишке приходилось на ходу вставать на ноги и бежать дальше за ним. Он привёл его в свою отдельную комнату. По сути, она находилась рядом с кухней, но вход в неё был с главного зала замка. Мужчина завёл мальчика в комнату и только сейчас отпустил его руку, которая уже болела. Сухим и тихим голосом он приказал мальчику раздеваться. Вербер испуганно глядел на него и медленно стал снимать с себя грязную разодранную рубаху, которая покрылась сажой от жизни на кухне. Он медленно копошился, стягивая одежду и держа её, прижав к себе, стоял перед ним нагишом. Надсмотрщик вырвал из рук грязное тряпье

и откинул её в сторону. Сам же показал ему на деревянный бочонок с водой, велел ему тщательно помыться. Маленький прислужник сполоснул руки и лицо. Мужчина стоял молча и смотрел на его неумелые действия, не выдержав, схватил его за шею и окунал в воду с головой, обрызгал его тельце, взял кусок мягкой ткани и вытер его. Мальчик податливо стоял и смиренно смотрел на него. Грозный надзиратель сунул ему новенькую чистую рубашку и велел скорее одеваться. Мальчик выполнил его просьбу, стараясь влезть в белую блузу, что доходила ему почти до пят. Далее мальчишке вручили маленькие сапожки из чёрной кожи, и Вербер тут же влез в них. Сказать о том, что сапожки ему значительно малы, он не решался. После всех процедур мужчина достал из кармана мягкий ломоть хлеба и, разделив его пополам, отдал часть мальчику. Вербер осторожно взял кусок из его руки и мигом проглотил, чем вызвал лёгкую улыбку на лице надсмотрщика. Мальчишка, еле прожёвывая кусок тоже улыбнулся ему. Мужчина рассказал, зачем он поднял его так рано и к чему были все процедуры. Сегодня ему предстоит познакомиться со своим хозяином. Отныне он всегда будет сопровождать его, быть его прислужником, но самая важная его деятельность будет заключаться в том, что он будет принимать на себя все наказания, которые заслужит его юный хозяин. Мальчик слушал его, а сам боялся, но и не понимал, почему ему будет доставаться за чужие проступки. Неспешно поговорив, они оба встали и направились в комнату Эльрика. На-

следник как раз к этому времени должен уже проснуться, у него утренние занятия с мечом. Они вместе зашли в комнату принца, но тот ещё спал. Рядом с ним уже копошились придворные служительницы, подготавливая для него наряд для занятия с отцом. Одна из нянек распахнула тяжёлые шторы, впустив утренний свет в просторную комнату. Спавший мальчик прищурился и нехотя открыл глаза. Он был недоволен присутствующим и не пытался скрыть его. Юный рыцарь бурчал на них, периодически зевая, но всё же выполнял их поручения, ибо знал, что на встречу с отцом ему опаздывать нельзя. Вербер испуганно смотрел на мальчика, не смея пошевелиться, стоял у двери и молча наблюдал за ним. Эльрик даже не сразу заметил его присутствие. Няньки поспешили собрать его и отправили на встречу с отцом. Мальчики столкнулись в проходе. Прислужник стоял на пути наследника короля, боясь сделать шаг в сторону, чтобы уступить ему место для выхода. Принц опешил от его поведения и силой оттолкнул его от двери, и поспешно вышел. Прислужник упал на каменный пол, ободрав колени, и запачкал белую тунику кровью. Няньки, находившиеся рядом, накинулись ругать мальчишку, а он молча поднялся, пытаясь стряхнуть капли крови с ткани, но ещё больше размазывал её, чем вызвал гнев тёток.

30. Вельвичина

Дни летели стремительно, Вельвичина и не заметила, как осень сменяет лето, и холодные ветры достигли вершин

Верхних Холмов. Слуги с каждым прошедшим днём утепляли замок, разжигая камины, поддерживая их теперь весь день. На город надвигалась зима, что несли с собой не лучшее время для него. Сильнейшие ветра и штормы обрушивались с моря, заметая снегом узенькие улочки и дома. Не все жители города могли позволить себе поддерживать огонь в камине круглые сутки на протяжении всей зимы, грелись тем, чем могли, тряпками затыкали щели, забивали окна. Нередко, бывало, что сильнейшие порывы ветра сквозили в домах, заметая его снегом.

Волчица Дэя ютилась в подвальной конуре вместе с волком Бальдаром. В Верхних Холмах они были единственной стаей, все остальные хищники селились в глубине леса, к югу от большого холма. Относились к ним соответствующие. Они редко выбирались за пределы стен замка и его территории, выход в город был по крайней необходимости. Несмотря на принадлежность к королевской семье, волков не любили и прогоняли с любых многолюдных мест. Кто-то считал их опасными, другие боялись их как разносчиков заразы. Не утихали легенды, что именно волки занесли "Чёрную кровь" в народ Земли Вен, после которой погибло много жителей, а всё из-за их мести людям.

В замке им тоже не были рады. Молодая королева принимала в тронном зале лишь свою сестру, Бальдара она пускать отказывалась, объясняя, что действует в угоду людям, которые боятся их. И как бы Дэя ни пыталась доказать обратное,

Величина была неумолима. Отныне она не может действовать безрассудно, исходя из личных побуждений, она руководствуется мнением народа, и дабы не вызывать лишние волнения, решила оставить всё как есть. Хотя в дальнейшем, когда она закрепится на троне ни как наследница, а как истинная правительница, она изменит их жизнь к лучшему. Дэя не могла послушаться или оспорить решение сестры, не желая, но ей приходилось мириться с ним. Бальдар был недоволен унижением со стороны королевы, некогда гордая стая жила в подвале замка, прячась ото всех, хотя в былые времена именно они нагоняли страх на народ, их боялись и уважали. Сейчас от бывшего величия не осталось ни следа.

Время проживания в замке тяготило не только волков. Королева и сама каждый раз засыпала с тяжёлыми мыслями. Прошло несколько месяцев с момента коронации, а семейных обязанностей она не выполнена. Не было даже того, с кем бы она могла завязать союз. Все, кто приходили просить её руки и сердца, казались ей недостойными и жадными до власти, что не импонировало ей. Советники и придворные приводили своих кандидатов, но и их она отвергала, как бы те ни пытались давить на неё. Но позиция королевы была непоколебима, хотя и были моменты, когда она была готова сдаться. В минуты наибольшего давления и отчаяния она оставалась совсем одна. Сестра хоть и приходила утешить королеву, но и тогда пыталась замолвить слово о своей небольшой стае, что лишь выводило Вельвичину из

себя. Ранее только в ней она видела свою поддержку, сейчас не осталось и её.

Дагфар – личный прислужник и защитник, наблюдал за всем со стороны, но никогда не смел нарушить личную границу. Он всегда стоял позади, наблюдая за ней, не произнося ни слова. Молодая королева чувствовала его присутствие, но в отличие от всех, оно её не тяготило.

Вельвичина была взбешена от всеобщего давления и непонимания. Всё, что свалилось ей на плечи за это время, она с трудом тащила на себе, не полагаясь ни на кого. Даже опытные советники, по её мнению, были ушлыми проходимцами, которых по неизвестным причинам держал Фредерикус. Камерарий не мог дать чёткого ответа по расточительству казны, и куда уходят деньги и золото, ей оставалось только догадываться, что совсем не устраивало. Днями напролёт она изучала книги учёта, датируемые ещё началом правления прежнего короля, но и там была полная неразбериха, отчего ей закралась мысль, что эти люди грабят городскую казну, прикрываясь несуществующими делами.

До поздней ночи Вельвичина не могла сомкнуть глаз. Каждый день приближал к тому, что скоро выбора супруга не будет, и решением совета её выдадут замуж за лучшую кандидатуру, но только лучшая она для них. Также не давала покоя ежедневные дела города и его горожан, которые часто приходили жаловаться к ней на свою жизнь. Решив не тратить драгоценное время на сон, она снова принялась изу-

чать старые записи о казне города, и каждый раз она находила мелкие не состыковки, которые тянутся уже долгие годы. Вельвичина в срочном порядке созвала совет. На их памяти это был самый ранний сбор. Советники были крайне недовольны и не пытались скрыть своего пренебрежения перед королевой. Она же заявила, отныне все траты из казны будет через личное одобрение, будет происходить полный контроль и доклад по финансовым делам. Придворные остались недовольны, примеряя недоверие на себя, и как бы ни убеждали Вельвичину в ошибочном мнении, она стояла на своём, чем яростнее злила их. И только старый совет начал было расходиться, королева остановила их, объявляя ещё одну новость. Суровый взгляд девушки говорил о том, что очередная весть для них не будет смягчающей, в чём оказались правы. Вельвичина издала указ о снятии камерария с должности и попросила покинуть замок Верхних Холмов навсегда. Старый казначей, словно ошпаренный кипятком, начал вопить и размахивать руками, а его лицо покраснело от негодования и злости. Советники также подняли шум и просили королеву одуматься, но она молча и гордо встала с неудобного стула и направилась к выходу из зала. Но теперь советники не желали покидать комнату, дабы добиться решения, которое устроит всех, и пока они бубнили между собой, Вельвичина покинула их. Вместо неё у пустующего места королевы появился Дагфар и грозно рыкнул на стариков, заставив их тут же замолчать. Они оглянулись на него удивлённо, а он

в доброжелательной манере повторил просьбу королевы об изгнании камерария сию секунду.

31. Оска

Дрожащими руками, девушка прижимала четыре плотных свёртка к себе, стараясь заглушить плач малышей, но у неё ничего не получалось. Новорожденные барахтались, пытаясь выбраться из неудобного кокона. Обеих рук ей не хватало, чтобы удержать всех четверых сразу. Молодая мать просила помощи прислужниц, но те, после принятия родов устранились от нее. Она смотрела на дочерей и не понимала, что с ними делать, что с ними будет? Крохотные ручки пытались высвободить тельце из-под ткани, и сколько бы мать ни заворачивала их, они выбирались снова. Глаза слезились хотя она пыталась сдержать их, но сегодня силы оставили её, и она расплакалась навзрыд, со страхом ожидая появления Гамли, а он должен быть уже с минуты на минуту. Женщина пыталась найти слова, оправдания, что скажет на его упрёки, примет весь его гнев на себя, лишь бы он принял дочерей. Она смотрела на каждую из них сквозь слёзы, жалея их, восклицая на несправедливость Богов, что дали им такое испытание с младенчества. Малышки не могли успокоиться, мать шептала им ласковые слова, нежно поднося каждую головку к губам, на которые текли соленые капли.

Щемящий скрежет открывающейся двери вмиг прервал общий детский плач. Малютки замолчали, как только Гам-

ли вошёл в королевские покои. Оска испуганно смотрела на него, она хотела было утереть мокрые щеки, но руки были заняты детьми, и она сильнее прижала их к себе. Молодой отец равнодушно обратил на нее грузный взгляд, подошёл ближе, и не говоря ни слова всё понял. На ворочающихся младенцев он не обратил даже внимания, молча развернулся и вышел. Девушка хотела было крикнуть ему в след, но тот быстрым шагом удалился из комнаты, оставив дверь распахнутой настежь. Она так и замерла с приоткрытым ртом, слова не вырвались из неё, словно застряв в горле. Не шелохнувшись смотря в открытую дверь, она будто ждала чьего-то прихода. Три девочки к этому моменту заснули, лишь одна ещё ворочалась, слабо всхлипывая, тянула ручками к волосам матери.

Слёзы высохли с лица молодой девушки. Она положила девочек на мягкую кровать рядом с собой, приобняв их, легла и тут же провалилась в сон.

Оска проснулась нескоро. Глубокий сон продлился больше суток, но для неё эти часы прошли как мгновение. Она открыла глаза, но понять какое время суток она не могла. Тяжёлые плотные шторы закрывали окна, не давая пробиться в ни лучам солнца, ни свету луны. Сумрак окутал комнату в уютную темноту, размывая грань стен и потолка. Девушка всматривалась в кромешную пустоту, пытаясь разглядеть предметы вдаль, как вдруг вздрогнула и начала руками рыскать по большой кровати, но нащупала мягкую ткань, пре-

рывающую её. Оглядывалась по сторонам, но лишь темнота была ей в глаза. Вскочив, она попыталась нащупать свечу, что должна была быть рядом с кроватью, но найти ничего не могла. Тяжело дыша, осторожно шагала по комнате, боясь споткнуться обо что-либо, подошла к большому столу, там же нашла свечу и попыталась зажечь её, что получилось у неё не сразу. Тусклый мрачный свет распространился по большой комнате, скрывая сумрак. Ооска оглядывалась по сторонам, куда доходил огонек одинокой свечи, ища глазами малышей, но в тёмной комнате она была совсем одна. Самые дурные мысли терзали голову, от которых ей становилось не по себе. Она крикнула прислугу, но на её голос никто не откликнулся. В спешке она выбежала из комнаты, направившись в покои супруга в тонком ночном платье, а расчёпанные волосы, рассыпанные на плечах, падали на лицо, чем очень мешали ей.

Гамли находился во главе стола с пиршествами. Рядом с ним суетились высокие мужчины, в грязных одеждах и лохматыми космами. Они держали в руках большие кружки и весело распивали терпкое вино. Стол ломился от яств, что, казалось весь город можно прокормить за этим столом. Мужчины громко разговаривали, грубо перебивая друг друга, что внятно понять суть их речи не было возможным.

Хозяин дома же сидел молча и изредка отхлёбывал из кружки и каждый раз морщился. Блюда, стоявшие рядом с ним, так и остались нетронутыми, зато бочка с вином опу-

стошилась всё быстрее. Крепкий мужчина выделялся среди присутствующих, хоть и был ниже ростом своих гостей, выглядел очень крепким и сильным. Его широкие плечи покрывала сетчатая накидка, сделанная его благоверной супругой. Каждая частица длинного плаща до самого пола сделана из тонких косточек диких птиц, за которыми он охотился. Ярко-зелёные глаза сверкали в свете огоньков свечей, делая его взгляд манящим и чарующим. Лохматые пряди темных волос падали на лицо, и сколько раз он не убрал их, рукой зачёсывая их назад, они, не послушно топорщились и снова лезли ему в лицо.

Оска неспешно вошла в обеденный зал и смутилась от шума и криков пьяных гостей. Не решаясь пройти во внутрь, она потянула шею выше, пытаясь разглядеть мужа, но среди высоких гостей, найти его глазами оказалось невозможно. Она уже сделала короткий шаг назад, желая покинуть зал, но на неё обратил внимание один из гостей супруга. Высокий, косматый с густой короткой бородой, тучный мужчина крикнул ей и пригласил присоединиться. Девушка лёгкой улыбкой ответила отказом, но такой ответ не устроил гостя. Он встал и, сделав три больших шага, приблизился к ней, взяв за нежную ладонь, потащил за собой к общему столу. Она попыталась высвободиться, но чем больше она сопротивлялась, тем сильнее мужчина сжимал руку. Захмелевший гость потянулся за кружкой с вином, разом проглотив содержимое, силой посадил хрупкую девушку рядом. Пленница ста-

ралась возразить ему, указав, чья она жена, но он пропускал слова мимо ушей, сильнее прижимаясь к ней. Оска испугалась и старалась высвободиться из крепких объятий, но все попытки не увенчались успехом. Мужчина обхватил плечи рукой и сжимал сильнее и громко смеялся, глядя на попытки высвободиться. Девушка лишь сумела выкрикнуть, что является женой хозяина дома. Это рассмешило его ещё больше. Он резко встал, схватил её за запястье, до боли сжимая его и потащил к Гамли. Истинная хозяйка дома только и ждала этого, но еле поспевала за ним, запинаясь, плелась, трясясь от страха и скуля от боли. Короля отвлекал один из его гостей, с упоением рассказывая об охотничьих подвигах, хотя все присутствующие знали, что в охоте ни один из них не сравнится с правителем Верхних Холмов. Мужчина окликнул его, и он сразу узнал в нём давнего знакомого, почитаемого человека, это оказался никто иной, как сам правитель Земли Вен – Харен. Гамли был обескуражен его появлением, и удивлён, что узнал о его присутствии практически под конец пиршества. Он даже не сразу обратил внимания на девушку, робко стоящую с ним, но как только взгляды супругов встретились, тут же отвёл глаза. Харен, смеясь, спросил, действительно ли эта девушка его – любимая супруга, либо же она наглая лгунья? Ни секунды не колеблясь, король ответил, что это прислуга, которая к тому же плохо выполняет свои обязанности. Они оба громко рассмеялись. Также добавил, что его благовоспитанная и достопочтенная дама никто

не явится не к незнакомым мужчинам без сопровождения супруга, да ещё и в непотребном виде. Оска слушала его слова, но не верила услышанному. Её удивлённый взгляд сменился на недоумение и страх, она крикнула ему, что любит его, ищет их дочерей, но Харен тянул бедняжку уже за собой, идя на прежнее место. Последнее, что пленница услышала от супруга, чтобы тот незнакомец забирал её себе. Она пыталась вырвать руку из кулака Харена, но сил не хватало. Непокорность незнакомки нравилась ему. Он отпустил запястье, но тут же начал сжимать шею и плечи. Девушка испуганно клялась в правдивости своих слов, но он будто не слушал вовсе. Глядя по лицу толстыми пальцами, касался длинных спутанных волос, шеи, плеч, и одним движением разорвал на ней тонкое платье, оголив грудь. Оска вскрикнула, пытаясь прикрыть наготу, но он лишь громче смеялся, раздирая тунику все больше. Их действия заинтересовали сидящих рядом гостей, девушка вздрогнула, почувствовав на спине уже другие руки. Она оглянулась, слезящимися глазами посмотрев в центр огромного стола и лишь заметила уходящего из зала своего мужа, который злорадно улыбнулся ей и закрыл за собой дверь.

32. Эльрик

Конница и пехота выдвинулись ранним утром, дабы сбросить силы, не изнурять войско жарой. Полководец пустил их вперёд, чтобы те могли делать привал, пока конница догоняет их. Практически все мужчины Земли Вен присоедини-

лись к военному походу. Каждый из них счёл долгом спасти своих родных и близких от неизбежного голода, который грозит жителям Вен. На военный поход были затрачены практически вся казна города. Погреба королевского дома опустели, лишь по углам ещё можно найти ранее заготовленные овощи, которых с каждым сезоном всё меньше. Бочек с некогда отменным вином опустели полностью. Осталась прохудившаяся бочка, с щелей которой вытекало красное пойло. Скотный загон был целиком истреблён. Крупных коров и овец пехота тащила за собой, чтобы зарезать их в дороге. В полуразрушенных покосившихся сараях в деревянных клетках осталось не более трёх десятков свиней, и те были изнеможённо худыми, кормить их было почти нечем.

Отныне Эльрик стал полноправным правителем Земли Вен, и будет являться им до возвращения отца. Сам же юный наследник никогда не рвался к власти, в отличие от Ормара, и во многом не разделял его взгляды. Хоть и прекрасно понимал, что город близок к разорению и голоду, он был против захвата территории Замкнутого Леса. Лишь когда молодой правитель провожал взглядом удаляющуюся вдаль пехоту, в его сознании просочился страх, и напыщенная спесь, что он пускал перед отцом, растворилась, как рассвет, что поглощает солнце.

После отбытия истинного короля с родных земель, Эльрик и Ульвадра вместе посещали приёмы совета, точнее его часть, что осталась в городе в помощь юному наследнику.

Они вместе пытались распределить те крупницы, что оставил им Ормар, но не падали духом и старались сделать все, чтобы народ не поднял массовый бунт, а продолжал работать в полную силу. Общее дело сблизило супругов как никогда, они дополняли идеи друг друга, и хоть возникали споры, но сглаживали их быстро. Ульвадра ловила себя на мысли, что ей становится приятно присутствие рядом супруга, уже нет былой скованности и злости. Впервые, с момента их замужества, она добровольно принимала супруга в своём ложе. Когда они оставались наедине, он рассказывал о детстве, о прислужнике Вербере, об отношениях с отцом, лишь одно он не мог сказать ей, о том, что тот идёт захватывать земли её родителей. Эльрик замечал блестящие глаза, наполненные ярким игривым блеском, всё чаще губы придавались улыбке и с уст вырывался звенящий девичий смех. Муж впервые видел её такой, с тех пор как она появилась в его жизни. И это только больше терзало душу супруга. Сомнений не было, что второй раз Ульвадра ему не откроется, а зная, что его отец разорит её семью, и вовсе надеяться на взаимные чувства не приходится. Ранее не испытывая такого трепета к ней, девушка была для него принуждённой женой, но сейчас его чувства обострились, и глядя на неё, понимает, что это становится взаимно. Их неосторожные касания рук, нечаянные взгляды друг на друга подогревали внутреннюю теплоту, граничащую с ледяным содроганием, вызывающие озноб по всему телу.

Ульвадра пыталась отогнать от себя приятные мысли о супруге, она боялась признаться, что отныне перестала быть пленницей в этих стенах, а присутствие мужа рядом вызывает робость и непреодолимый мандраж, только теперь это не исходило от ненависти и бунта, а наоборот, её глаза сверкали яркими кристаллами, лишь стоило их взглядам встретиться. Она не понимала и боялась подобных изменений во взглядах, и пыталась не принимать их и подавить, но терзать юные чувства оказалось куда сложнее. И лишь Асвида смогла утешить трепещущую душу.

33. Вельвичина

Оставшейся совет таил злобу на королеву, каждый из них старался придраться к словам, действиям и поступкам, не упуская возможности позлорадствовать, если что-то могло пойти не так. Не было ни единого дня, чтобы они не напомнили ей о сроках выбора супруга и рождения наследника. Более того, все замечали, что их гнёт действует, и как бы королева не противилась, подавляют всё больше, и тогда, возможно, полностью передаст им власть.

До оглашения официального короля оставалась всего одна ночь, и уже завтра утром неуёмные советники сразу привяжутся к ней с расспросами, а после и вовсе сделают выбор за неё, что казалось еще страшнее. Одна лишь мысль, что будущего мужа будут выбирать эти падальщики, сводила её с ума. Всю ночь, не сомкнув глаз, молодая королева боялась восхода солнца, мысли крутились в голове, причиняя ей

боль, будто железные оковы сжимают череп, лишив возможности даже двигаться. С большим трудом она прошла от скомканной постели до окон спальни, что выходили видом на весь город. Вглядываясь в тёмные улочки, смотрела, как туман слетится между маленькими домами горожан, окутывая его в прохладный зябкий шёлк, отчего по коже прошлись мурашки.

Свечи на окне уже потухли, полностью растопив воск, когда комната еле осветилась пасмурным утром. Девушка, казалось, только заснула, как её разбудила прислужница, чтобы помочь собраться ей на совет. Обычно, если Вельвичина просыпалась в плохом настроении, она не жалела брани в адрес прислуги, но сегодня она не вымолвила ни слова. Взгляд казался совершенно пустым, тусклым и безликим, как туман, что расстелился по городу Верхних Холмов.

Сегодня королева не желала надевать наряд, в который обычно облачалась на совет. Несколько минут разглядывая церемониальную мантию, что была на ней в день коронации, вспомнила, что больше не трогала ее. Привычный сбор в узком зале она так же решила перенести в тронный зал. Сегодня ей как никогда хотелось показать всем чинный статус, самой насладиться своим положением. Последний день свободы – с такими мыслями она провела это утро. Как бы сегодня ни закончился совет, других подобных дней уже не будет. Прислужница послушно принесла пышное платье, украшенное жёлтыми и зелёными камнями. Другие девушки со-

бирали в высокую причёску, умело обуздав густые, длинные волосы. Вельвичина смотрела в изумительное отражение, вертелась у него дольше обычного. Она медлила выходить на встречу с советом, но время неумолимо шло, и она была вынуждена покинуть уютные покои. Дагфар уже сдал у входа и громким дыханием напоминал о своем присутствии. Он не ожидал девушку увидеть в таком наряде, и был немного ошеломлён, что даже заметила сама королева. Эта мелочь заставила её на миг улыбнуться. От увиденного рыцарь растерялся, чуть заикаясь пожелал своей королеве доброго утра, и вызвался сопроводить в зал советов. Вельвичина ухмыльнулась ему в ответ, сообщив, что идут они в тронный зал, и понадеялась, что дурёхи-прислужницы уже успели оповестить советников, а если и нет, то сегодня она не расстроится от их забывчивости. Дагфар жестом, сделал реверанс перед королевой, и она вышла из комнаты. Её шаг был твёрдым и тяжёлым, стук каблуков звенел по каменному полу, словно был уличный колокол, знаменующий праздничный либо траурный день.

Пять советников значительно опоздали в тронный зал, сурово возмущаясь нарушению их кодекса, многословно высказывая королеве недовольство переменой места проведения совета. Она сидела на троне, гордо держа спину. Правой рукой она гладила макушку головы сестры Дэи, по левую сторону стоял Дагфар. Советникам оставалось только подойти ближе к трону, но уже удобно расположится, как в зале со-

ветов, было негде. Стоявший на подмостке трон возвышал королеву над ними, она смотрела на них сверху вниз, и практически не моргала. Невероятная уверенность и сила духа вдруг воспарили в ней. Сейчас именно она, королева, стоит над своими подданными, и какими бы не были их помыслы и намерения, она была выше их, и уверенность в том, что она справится с этим, становилась всё больше.

Советники, зная её негодование по поводу выбор супруга, сразу начали обращение с того, что сегодня настал день, когда королева уже должна была определиться с выбором супруга. Вельвичина, кивая им в ответ, соглашалась с ними. Каждый из советников был уверен, что эта тема выбьет самоуверенность из королевы, и подчинит волю им. Один из них зачитал приказ о том, что после коронации, вступивший или унаследовавший престол человек, обязан вступить в законный брак, если ранее в таковом не состоял. Если же за отведённый период будущий король или королева не находят себе подходящего супруга самостоятельно или с помощи ближайших родственников, доверенных лиц, советники сами назначают кандидатуру на супружество. Данная вариант не подлежит отвержению со стороны будущего правителя, и свадьба между ними проходит в кратчайшие сроки. После свадьбы король или королева обязаны обзавестись наследником, дабы продолжить знатный род.

Вельвичина не произносила ни слова, пока советник зачитывал уже устаревший закон, по ее мнению. Он же продол-

жил свою петицию. Король или королева не могут расторгнуть брачный союз самостоятельно, без помощи совета, либо же родителей истинного правителя, если те ещё живы на тот момент, а корону передали наследнику по собственной доброй воле. Советник демонстративно обернулся несколько раз, показывая, что из данных вариантов только они сами могут принять это решение. И на это королева спокойно кивнула ему. Старый советник, видя тихую покорность, осознал, что время выбора вышло, и теперь только они могут решить, кто будет королём. Его голос стал более уверенным и четким. Он произносил эти фразы и ликовал, хваля себя за победу над негласной войной с непокорной девчонкой. Глашатай дошёл до того момента, когда он должен был узнать имя будущего супруга, но лишь пробубнил эту часть, опять же обернулся вокруг зала, удостоверившись, что никакого супруга здесь нет, произнёс, что совет вынес решение, что лучшим вариантом станет ранее уволенный камерарий. Жёлтые глаза Дэи округлились от удивления и испуга, она мельком глянула на сестру, но та, похоже, даже не моргнула. Стоящий так же рядом Дагфар смотрел злым взглядом как на стервятников, ещё миг и он готов был перебить их всех. В это же время в тронный зал, распахнув настежь вошёл старый камерарий. Вельвичина не видела его с тех пор, как прогнала с совета, она открыто возмутилась его присутствию, в ответ лишь увидела его дерзкую, надменную улыбку, что сияла на его лице. Советники переглядывались между собой,

негласно празднуя свою победу, и не скрывали этого от королевы. Их общую радость прервал строгий голос правительницы города. Она искренне удивилась выбору супруга, язвительно высказав негодование, что придворные явно желали видеть королеву вдовой, ибо старый камерарий вряд ли уже сможет встретить грядущее потепление. Её слова стёрли наглухо улыбку с лица камерария, он пристально смотрел на неё, то переводил взгляд на стариков. Королева же продолжила свою речь. Она согласилась с ними, что действительно затянула поиски супруга, но, как и подобает королеве, свои задачи она выполняет безукоризненно и всегда успешно, и, выбирая нового короля, она ориентировалась не только на личные отношения, но и на преданность, честность, мужество и отвагу человека. И колко заметила, что ни один из советников этими качествами не обладает. Лица упомянутых помрачнели, от бывшего ликования не осталось и следа. Камерарий, подошедший ближе, неуверенно, всё же, не веря в её слова, спросил, кто же этот великолепный мужчина, подходящий под запросы королевы? Вельвичина спокойным, но гордым голосом победительницы лишь сказала, что он давно уже рядом с ней, и то что, она чувствует к нему, уверена, что это взаимно. Это служитель Дагфар. Дзя теперь удивилась ещё больше, чем от ранее представленного кандидата. Удивился и сам Дагфар. Пылко посмотрев в сторону королевы, но говорить что-то не стал. Все советники открыли рты. Никто из них и предположить не мог такой исход.

Королева же продолжила свою речь. Она действительно намерена сыграть скорую свадьбу, но предупредила советников, что они не смогут появиться на королевском торжестве. Более того, отныне она не нуждается в совете вовсе, они будут изгнаны вслед за камерарием. И добавила лишь, что огорчена, что её отец доверял им. После этого она взяла рукой ладонь Дагфара. Она понимала, что и для него это заявление стало неожиданным, и тем более не могла знать заранее, согласится ли он на это, верно ли она чувствовала его. Рыцарь нежно сжал пальцами её руку, она встала с трона, и они вместе покинули тронный зал.

34. Колла

Ярость переполняла мужчину, глаза налились кровью, а руки крепко сжимали пальцы в кулаки. Тяжёлое дыхание вздымало его грудь, а сердце билось внутри, словно рвалось в бой вперёд него самого. Правитель Замкнутого Леса передвигал ноги, шагая навстречу с врагом, шаркая ступнями по пыльной земле, и не сводил с него глаз. Сейчас он не думал о своём страхе, о том, что бессилён против вооружённой конницы и пехоты, ему хотелось ближе подойти к Ормару, чтобы взглянуть в его бесчестные глаза. И с каждым его движением, всё чётче мог разглядеть его. Ормар не скрывал своего превосходства над ним и его людьми. Налетчик величественно восседал на сильном, высоком скакуне, обмундированный в прочные доспехи, вооружённый мечом и острой пикой. Их взгляд не прерывался ни на миг, оба будто

гипнотизировали друг друга. Постепенно расстояние между ними сокращалось. Люди бегали и кричали вокруг, пытаясь помочь друг другу потушить пожар и защититься от нападающих. Мудольф же будто не замечал и ничего не слышал. Его глаза и уши заглушала самая язвительная ухмылка соперника. Вдруг его мысли окутал невообразимый ранее его страх, такого, что он не испытывал никогда. Если сейчас Ормар пришёл сюда с недобрыми намерениями, что же он мог сделать с его дочерью, которая не сможет противостоять ему. Этот страх бил его до дрожи, и как бы ни пытался он совладать с ним, ничего не получалось. Страх лишь разжигал ещё большую злость внутри него, и он был готов кинуться голыми кулаками на вооружённого противника. Ормару же доставляло удовольствие смотреть, как ненависть закипает в глазах Мудольфа. Они подошли ещё ближе друг к другу, и Ормар крикнул, что зря он не послушал его сын, и не отдал земли Замкнутого Леса добровольно. Тогда бы всего этого можно было избежать, ведь ни к чему безнравственные налеты и убийства. Но сейчас вернуть назад ничего нельзя. Свирепость правителя Замкнутого Леса заглушила все остальные чувства, и он кинулся бежать на Ормара, громко скандируя его подлое имя, после чего, разом, в него полетели десятки зажжённых стрел, которые пронзили его тело и подожгли ткань. Полностью загоревшись, Мудольф упал замертво. Конь Ормара медленно подошёл ближе к горящему телу. Король Земли Вен смотрел на него сверху, и силой вонзил

в него острую пику, после чего поднял её вместе полыхающим убитым. Грозным, звонким и устрашающим голосом он крикнул всем: «Сдавайтесь! Вам правитель мёртв! И если вы не будете глупы так же, как он, останетесь живы! В ином случае все последуют за ним! Мне никого же жалко! Пожалейте сами себя!» Эти слова прозвучали в полной тишине. Паникующие люди вдруг остановились и замолкли. Стих плач, крики, стоны. Каждый, кто находился на улице, обернулся на него, внимательно слушая. Ормар отбросил тело Мудольфа в сторону его дома, когда он уже почти догорел. Обугленная кожа дымилась, истощая невыносимый запах плоти, а в горелом теле уже было невозможно узнать прежнего человека. Люди снова завопили, голоса стали ещё громче, и суета лишь увеличилась. Мужчины и женщины таскали воды, пытаясь потушить огонь, помогали выносить раненых из пожара. Маленькие дети бегали в ночных платьях, плача и ища своих родителей. Кто-то, пытаясь спастись, наткнулся на вооружённую конницу и был застрелен, кто-то погибал от полученных ожогов.

Ормар слез с коня, приказав пехоте присмотреть за ним, и сам направился в дом Мудольфа. Колла, напуганная криками с улицы попыталась спрятаться в подполье, но не смогла поднять тяжёлую крышку, принялась искать Марвул, но никак не могла найти в тёмном доме, решила, что волчица вероятнее убежала на улицу вместе с супругом, но сама покидать дом побоялась. Когда же услышала шаги, с тревож-

ным камнем в груди, ожидая возвращения мужа, подбежала к порогу дома, но вошёл в неё Ормар, что заставило её шарахнуться от него назад, и сделав неловкий шаг, она упала на спину. Она смотрела на стоящего в дверном проёме мужчину, лицо которого озаряло пламя рядом горящих домов, делая его более устрашающим, а в руках он держал длинную окровавленную пику. Его взгляд ей казался суровым, но спокойным, лицо, чуть запачканное сажей, выражало скорбь, но вот сочувствия она не почувствовала. Он подошёл ближе к ней и подал руку, решив помочь подняться ей. Колла попыталась отползти от захватчика, но он силой поднял её на ноги. Она ощущала, как он сильно сжимал ладонь, сдавливая руку до боли, а как только она встала, силой потащил заложницу на улицу. Женщина увидела тот ужас, что творится во круг. Практически все дома в округе полыхают пламенем, а какие-то уже развалились. Люди суетливо бегают, каждый из них что-то кричит, говорит, но что именно, она понять не смогла. Ормар подошел вместе с ней к середине дороги, и остановил у дымящегося на земле тела. Он практически прижался губами к её уху и полушепотом произнёс поздравления новой правительнице здешних земель, следуя закону наследственности.

Словно дождем, вдовьи слезы окропили бледные щеки. Колла смотрела на тлеющее тело супруга и отказывалась верить в происходящее. Несколько минут она не могла оторвать от него взгляда, затем обвела глазами горящую ули-

цу, на людей, которых она знала почти всю жизнь, которые теперь борются за неё. Люди стреляли в безоружных мужчин и женщин, чужаки поджигали дома, выкуривая на улицу как можно больше народа. Краем глаза она заметила, как несколько рослых мужчин зашли в её дом. Тут же послышался грохот разбившихся окон, а через мгновение из них повалил густой дым. Пламя постепенно охватывало стены изнутри и снаружи, вырываясь из окон. Спустя минут, выбив дверной проем, выбежала волчица. Марвул, испуганная, спряталась в доме, но с началом пожара спасалась бегством. Колла лишь заметила, как дымилась на ней шерсть. Теперь она поняла, что осталась совсем одна. Удивляясь сама себе, она не испытывала страха и тревоги, а в голову лишь закралась мысль, как же ей быть без дома и всего, что сейчас горит, когда ей предстоят похороны супруга. Что могут подумать люди, ведь она всегда была благородной женой, и обязана проститься с мужем, соблюдая все почести. Все эти вопросы словно вскружили ей голову, что думать о другом ей просто не хотелось. Она вырвала руку из сжатой ладони Ормара и медленным шагом пошла от него прочь, вдоль полыхающей улицы. Кричащий народ, зовущий на помощь, бегающий во круг, перестал существовать, она не видела и не слышала их. Погруженная в личные мысли, она ушла прочь.

35. Фредерикус

Указ короля был выполнен со всей ответственностью, и по всему городу разнесли слухи о том, что король ищет свою

королеву. Многих жительниц взбудоражила данная новость, ведь конкретных указаний, по поводу, какой должны быть и кем будущая королева, не оговаривается, а значит, на роль супруги Фредерикуса может подойти любая. Все незамужние девушки и достойные дамы, да и не только, принаряжались, прихорашивались, надевали самые красивые, изысканные платья, которые, по их мнению, подчёркивают их фигуру и нрав. Некоторые из них старались показаться скромными девами, готовые покориться будущему супругу, покрывая тело слоями платьев, застёгивая наглухо тугий ворот. Другие, наоборот, старались показать королю то, что он в один миг может занять, а именно их тело. Уже бывалые жёны бросали никчёмных мужей, дабы познать лучшей жизни, а некоторые из них придумали хитроумный план, втереться в доверие к королю, получить доступ к городской казне и помогать своей прошлой семье, незаметно от него, разумеется. Так или иначе, практически половина жительниц Верхних Холмов засобирались замуж.

Сам же правитель, хоть и стал инициатором указа, радости от новой потенциальной супруги не испытывал. Каждая приходящая девушка была краше предыдущей, талантливее и умнее, мудрее, прекраснее, и Фредерикус первое время с удовольствием принимал девушек, да только быстро понял, что ни одна из них не сможет удержать его сердце в этом замке.

Он просыпался, когда уже луна правила на небе, шёл че-

рез весь город к берегу моря, где стоял корабль, готовый к отплытию, и ждал считанные дни, начнёт своё путешествие. Фредерикус мысленно корил, за то, что, ему суждено было родиться королём и править на этой земле, и в его мыслях, лучше бы он был простым матросом, но на корабле, исследуя новые земли, борясь со стихией, даже голод его не пугал, он готов был пожертвовать всем, лишь бы отправиться в плавание вместе со своими учениками. Но королевский совет был категорически против подобных путешествий, считая это опасным и безрассудным делом, к тому же, по их мнению, довольно бесполезным. Зачем им знать о существовании новых других земель, если жить и умирать они планируют в своем городе, а учитывая первый неудачный опыт Фредерикуса в море, и вовсе не верили в успех от последующих попыток.

Утешить его могла лишь старая Асвида, которая так же ждала отправления корабля. Фредерикус приходил к ней после посещения порта, нежно будил няньку, и она желала его, как того мальчишку, который вырос на её глазах. Король жаловался на свою злосчастную судьбу, что он заперт в этом проклятом замке, ведь даже немощная старуха сможет выбраться далеко за пределы города, а он прикован короной к трону. Нянька лишь гладила его рукой по голове, проводя его волосами между пальцами, говорила, что его священный долг перед великими предками находится здесь. Она помнила, сколько жизней было отдано за тот мир, в котором

сейчас живут, и эти знания он должен передать своим детям, даты и они чтили предков. Сама же старуха была готова отправиться на родную землю и гинуть там тотчас, лишь бы снова ощутить тот запах, то ощущение, те чувства, что испытывала она последний раз, находясь там. В её памяти уже стёрлись многие картинки из той жизни, она могли вспомнить некоторые очертания дома и ближайших улочек, своих родителей она вспомнить уже не могла, ни их имён, ни лиц. Она с трудом вспоминала свою сводную сестру Ульвадру, мать Фредерикуса, часто путая её имя или путая с кем-то другим, но душевную безмятежность, оставленную в Закрытом Лесу, она забыть не могла.

Несколько раз в неделю в королевский замок приходили все новые претендентки в супруги, но уже на последние встречи Фредерикус не посещал сам, демонстрируя протест своим советникам. Те же только сильнее напирала на короля, стараясь выбить мысли о морских приключениях и заменить их на любовные утехы. Но королю это стало чуждо. И чем больше его заставляли смотреть новых девушек, тем больше они казались ему отвратительными. Всё изменилось в ничем не примечательное для короля утро.

Фредерикус ожидал отправки корабля на следующую зарю, и решил напоследок ещё раз в одиночестве повидать свое детище. Столько сил было вложено в это дело, его сердце горело и трепетало от одной мысли, что все случится без него. Король знал своих предков лишь по рассказам Асвиды, и ему

в юном возрасте гордился или, восхищался и ценил то, что является представителем знатного рода, сейчас проклинал его, и всех, кто были до него. Злость закипала в ней, но он знал, что его мечтам не суждено сбыться, и чтобы не терзать сердце, лучше оставить это прямо здесь. Выразив в слух своё негодование и обиду, не стесняясь в выражениях, уверенный в том, что находится здесь один, и никто не сможет услышать и обвинить в измене короне. Но сегодня это было не так. Со стороны берега, прячась за пустым полуразваленным домом, за ним тайком наблюдал Дагфар.

36. Дагфар

Мальчишка навещал её к тётушке всё чаще и чаще. Одна мысль, что сейчас его угостят вкусной выпечкой, занимательным рассказом и разрешат забраться на мягкую перину, невероятно радовала его. Дафф, в свою очередь, стала привязываться к мальчишке. Ей давно не доставало того ощущения, что давал ей Дагфар, спеша каждый день к ней, и она полюбила его как сына. Она понимала их бедственное положение с Фьётрой, и, если сначала делала поблажки по оплате жилья, предоставляя хорошую скидку или ожидая деньги после срока, а вскоре и вовсе перестала брать с них аренду. Женщина несказанно удивилась щедрости тётушки, и дабы не спугнуть её расположения, позволяла сыну находиться вместе с ней. И каждый раз, когда они вдвоем покидали пансион по своим делам, она замечала, как хозяйка провожает их, и по глазам было понятно, что она скорее уже ждёт воз-

вращения Дагфара. Это настораживало и тревожило, ведь сын никогда не был близок с ней, хотя они вместе прошли через многое, но по-настоящему родными у них стать не вышло. С каждым новым днём она всё меньше брала сына с собой, когда раньше он был главным помощников в делишках, а он с радостью отрывался, оставаясь с новой нянькой. Ранним тёплым утром Фьётра проснулась раньше мальчика, ей всю ночь не спалось, она то замерзала, то становилось невыносимо жарко, поэтому была рада наступившему утру. Она покидала в большую сумку, как обычно, готовясь к рабочему дню. Надела грязное платье со рваным подолом, прохудившиеся сапоги, которые уже были похожи на половую тряпку, и повязала голову чёрным платком. Она разбудила сына и сказала шёпотом, что сегодня тот может остаться дома вместе с тётушкой, а она справится сама, его помощь сегодня не потребуется. Дремлющий мальчик был только рад этим словам и снова провалился в сон.

Дагфар проснулся, когда солнце уже во всю светило в комнате, и когда вспомнил, что мать оставила его сегодня дома, заулыбался во весь рот и даже подпрыгнул от радости. Наспех одевшись, он бегом спустился на кухню, где уже царил аромат свежей выпечки. Дафф не заметила присутствия мальчика, возилась на кухне, гремя жестяными тарелками, и он, подкравшись сзади, напугал её, от чего из женщины рук выпала посуда, загремев на весь дом, а после чего звонкий смех ещё долго не стихал. Домовладелица усадила маль-

чишку за стол, накормив его и рассказав ему историю, которую он слышал уже ни раз, но ему было интересно, как и тогда, в первый раз. После он помог ей прибрать дом и комнаты постояльцев, которых стало чуть меньше, но это никак не огорчало домовладелицу. Всё время, проведённое вместе, они разговаривали, ведая друг другу весёлые истории, произошедшие с ними, не обходилось без грустных историй, и слушая их, они прониклись друг другом ещё больше.

Оба и не заметили, как пролетел весь день. На улице стало темнеть, и уже некоторые жильцы возвращались домой после рабочего дня. Дагфар вызвался помогать тётушке приготовить ужин, чем, несомненно, обрадует её. Мальчишка рассказал, что им с мамой не всегда было что поесть, и когда им удавалось раздобыть еду, она становилась самой вкусной, которую он ел когда-либо, будь то чёрствый кусочек хлеба, будь то порция похлёбки. Но сейчас всё по-другому, он узнал вкус настоящей еды, и безумно рад, что у них есть возможность наслаждаться этим. Дафф тоже говорила ему, что были и такие времена, что о сладких пирожках не приходилось и думать, а лишь бы чем-нибудь набить живот, тогда вкусным казалось все, даже если потом рвало, выворачивая желудок. Этим и ценно то, что имеешь сейчас.

Они уже приготовили ужин на всех постояльцев, многие из них вернулись домой и с ответной похвалой отведали приготовленные блюда. Дагфар как никогда ждал маму, чтобы похвастать ей, что сам приготовил ей ужин. Он ждал ее на

кухне, чтобы самостоятельно усадить за стол и накормить, слушая, как прошёл тяжёлый день. Но та не возвращалась. Конечно, не было единого времени, когда они с сыном возвращались домой, но настал поздний вечер, и в это время они всегда уже были дома. Тётушка ушла по своим делам, пройдясь по комнатам постояльцев, которые задолжали ей оплату жилья, а мальчик остался сидеть один на кухне с накрытым столом. Он периодически выбегал на крыльцо, чтобы посмотреть, вдруг мама идёт уже где-то рядом, но Фьётры все не было. Не вернулась она и под ночь. Дафф заглянула на кухню и увидев одинокого мальчика, обняла его и отвела в свою комнату. Эту ночь он провёл рядом с ней.

37. Ульвадра

До Эльрика быстро дошли новости о происходящем в Замокнотом Лесу, ему, как временному правителю города, посыльные доносили все известия. Слухи о том, что отец лично убил Мудольфа, глубоко задела его, и деяний отца он не разделял. Узнав всю жестокость и беспринципность Ормара, потерял к нему доверие, ушло прежнее уважение и трепет перед ним. Если ещё некоторое время назад сын сам рвался на поле боя, сейчас он был рад, что не видел этого своими глазами, иначе бы встал на защиту безоружных горожан, вопреки воле отца. Самое же тяжелое ему было теперь видеть свою молодую супругу, от которой утаивал всё, что творилось на родной земле. И если раньше он бы с лёгкостью скрыл эмоции, ведь виделись они довольно нечасто, то после

того, как тот покинул город, Ульвадра стала сама искать с ним встреч, как бы нечаянно натыкаясь на супруга. Принц, в свою очередь, стал холодеть к ней, и если встречи их состоялись, то проходили очень быстро, супруг не мог взглянуть в глаза девушке, даже пытаясь что-то сказать или ответить на вопрос, говорил что-то непонятное и старался быстрее расстаться с ней. Его поведение смущало, и понять корень его апатии она не могла. Сначала она считала это волнением с новой ответственностью, что возложил на него отец, либо переживания за то нестабильное время, что проживают они. Лишь после ей в голову пришла мысль, что ему надоели терзания с супругой, скверный нрав и твёрдая позиция, возможно, она добилась того, чего хотела изначально, он избегает и не обращает внимания. Только изменилось отныне то, что его внимания хотелось ей, и каждая минутная встреча с супругом переполняла её душу таинственным теплом, которое раньше не испытывала она. И его кроткие взгляды, ужимки и отвлечённость доставляли ей жуткую боль. Будто тугой корсет стягивали на груди, сдавливая лёгкие, забирая последний воздух.

Ульвадра снова мимолётно встретила с мужем ранним утром, когда тот торопливо лишь пожелал ей приятного дня. Супруга только ответила ему взаимностью, он откланялся и быстрым шагом удалился прочь. Девушку обидело его поведение до слёз, и вместо завтрака, она вернулась в свою комнату, и громко зарыдала. Успокоение нашла лишь у люби-

мой няньке. Положив голову ей на колени, распустила длинные непослушные волосы и стала чесать их. Асвида же приговаривала, что отныне нужно будет забить напроочь окна и двери, сильнее разжигать камин, дышать тёплым воздухом и пить воду. Ульвадра не пыталась понять смысл бормотания, она лишь хотела заглушить свою боль и обиду, и когда подняла голову с колен няньки, увидела улыбающееся лучезарное лицо, всхлипнула, вытерла слёзы пальцами, но успокоить себя не смогла и разрыдалась еще больше. Нянька же, не обращая внимания на плач, приложила ладонь к животу девушки, нежно водя по ткани платья. “Всё случилось” чётко произнесла она.

38. Вельвичина

Перед вынужденным замужеством Вельвичина стала часто вспоминать отца, он являлся ей во снах. Чаще всего было лишь блёклое отражение, тонкое очертание человека, через которое проходил блеклый свет. Девушка шла к нему навстречу и там с ним беседовала. Рассказывала так, как этого не было при его жизни, делилась с ним переживаниями и обидами за несправедливость и предательства, что свалились на неё, после того как ей пришлось взойти на трон. Даже в сестре-волчице не могла найти ту отдушину, ибо Дэя отстранилась от королевы из-за гнетущего образа жизни в замке. А постоянные жалобы и просьбы граждан и вовсе сводили её с ума. Порой она готова сдаться и отречься от звания, и пусть мелкие хапуги-советники разгребают то, что наворо-

тили сами же. Но гордость не позволяет ей отступить и бросить, на чем стояли предки. Лишь во сне ей было хорошо и легко. В сновидениях к ней приходил отец, которому дочка жаловалась на несправедливость и трудность. И хоть Фредерикус никогда словесно не отвечал ей, она замечала его небрежную улыбку или чувствовала огорчение. Иногда он кивал, всегда слушал внимательно, как в детстве, когда она могла поделиться с ним самым сокровенным, и знала, что отец всегда поймёт. Она отчаянно рассказывала о предстоящем нежеланном браке, о королевском совете и их неприязни ее как правительницы, за которыми тот недоглядел в свое время. Отец в ответ ей на слёзы и обиды лишь ласково проводил бледной, прозрачной кончиками пальцев волосам, едва касаясь их, как она любила, и тогда она понимала, что справится и с этим.

После объявления будущего принца Верхних Холмов, состоялся торжественный пир в честь Вельвичины и Дагфара, на котором они объявят себя супругами, а жители города станут участниками церемонии посвящения его в королевскую семью. Весь день, ночь, утро и снова день самые лучшие кухарки, повара и пекари готовили изысканные блюда, не жалея ни средств, ни сил. Замок двое суток гудел в подготовке к торжеству. Лишь молодая правительница эти дни провела в затворничестве. Она не выходила из личных покоев, отказывалась от еды и воды, чем сумела морить себя, металась по углам спальни, размышляя и укладывая в голове произошед-

шие события. Сны больше не приходили к ней, а ночь пролетала очень быстро, на утро ощущала себя еще более уставшей. Никто не смел тревожить королеву, и все указания взял сам будущий принц Верхних Холмов. В частности, ему на помощь пришла Дэя, которая больше знала в торжественных пирах, чем Дагфар. Он вовсе не был против помощи. Таквместе давали указания, контролировали, создавали указы от лица королевы на приглашения всех жителей города. За это время им удалось проникнуться друг другом, что очень удивило волчицу. Ей давно не приходилось общаться с людьми и чувствовать себя на равных, а не как неугодную сестру более величественной сестры, которую стыдятся показать народу. Дэя жаловалась на чёрствость Вельвичины, особенно после коронации, считая зазнавшейся особой, и хоть любя, секретничала обиженная. Она сетовала на несправедливую судьбу, разрядившуюся родиться сестре лишь с волчьей губой, а ей досталась вся остальная шкура. А после замужества и вовсе она пойдёт к ней в прислужницы. Дагфар старался внимательно выслушивать, и даже искренне сочувствовал ей. Он, конечно, не знал полных его полномочий, будучи супругом королевы, но обещал, что постарается изменить отношение к сестре и всем волкам, в частности, дав им свободную жизнь, как и у людей, она имеет полное право находиться в замке, а не в сыром подземелье, и лишь отираться на кухне с прислугой, а быть полноправным хозяевами королевского дома. Дэя очень прониклась его пониманием, показала, где живёт

вместе со старым волком, с которым остались вдвоём во всей окрестности. Провела его в свою конуру, и крупный мужчина еле пролез в узкий проход под замком, что ведёт в волчью конуру. Сестра правительницы уверяла, что жилище ей нравится, большего она не просит, и хоть места в замке полно, оно ей не нужно. А вот видимо места в сердце сестры уже не осталось, и пожелала будущему принцу отвоевать себе хотя бы скромный уголок.

Пир вышел отменный. Размещённые на главной площади города столы с яствами приглашали к себе всех желающих, от которых не было отбоя. Во главе длинного стола, что огибал весь периметр площади, восседали молодые правители. Каждый житель счёл своим долгом наесться вдоволь, дабы уважить королеву и её выбор. Сама же Вельвичина и Дагфар восседали в тронном зале. На ней надета белоснежная мантия, расписанная золотыми нитями лепестками цветов в виде солнечных, пышное платье путалось в слоях и складках, накрывая королевский трон нежнейшим золотым шёлком. Голову венчала громоздкая, неудобная корона, которая также напоминала лепестки огромного цветка. Величественное украшение то и дело сползала на лоб, и девушка нервно поправляла её обратно. Рыцарь сидел на небольшом стуле, искусно вырезанный из крепкого дерева самым лучшим мастером города. Узоры ножек маленького трона и спинки практически идентично повторяли украшенный королевский трон. Каждый житель подходил к сидящим во гла-

ве пиршества правителям и словесно поздравлял их с замужеством. Любые дары молодым супругам принимать было воспрещено, поэтому жители не скупились на слова.

Долгая церемония несказанно вымотала Вельвичину, добрые пожелания, что звучали в их адрес от городского люда, пропускала мимо ушей, мечтая скорее закончить пир и вернуться в свои покои. Дагфар чуть поглядывая на неё, заметив утомившейся взгляд, не произнося ни слова, схватил её за руку и увёл прочь с городской площади. Веселящиеся жители не сразу заметили пропажу, а лишь когда дело дошло до очередных добрых слов.

Принц уводил супругу все дальше от площади к замку, и если первые шаги Вельвичина делала рефлексивно, то потом одёрнула его, стараясь вырваться, и требуя объяснений. Они нарушили церемонию их свадьбы, а это недопустимо! На что мужчина рассмеялся, заметив, что рассчитывал на благодарность в честь спасения от самой скучной и назойливой смерти, что ей предстояла. Улыбнувшись и разделив с ним шутку, почувствовала внутри задор, который не испытывала с тех времен, как королевские полномочия взваливались на неё. Шагая вслед за ним, она поняла, что направляются они не в личные покои, а, по-видимому в его комнату, в которой ей до сих пор бывать не приходилось.

Дагфар никогда не жаловался на свои удобства, но вид его скромной спальни, показался схожей с тюремной каме-

рой, в которой отсутствовали лишь кандалы. Тяжелый влажный воздух, вперемешку с сырым запахом, толстым слоем обволакивал бледную кожу Вельвичины. Она прошла в комнату, пренебрежительно озираясь по сторонам, ощущение промозглости сковывало тело под слоями платья и мантии. Осторожно ступая по каменному полу, королева обернулась вокруг, и встретившись взглядом с супругом. На ее губах застыл вопрос, но спросить вслух она не решилась, и лишь позже заметила на поваленном в дальнем углу стого сена. От изумления Вельвичина прикрыла рот руками, ей захотелось поскорее уйти отсюда, обернувшись ещё несколько раз, она стала искать глазами выход, но дверь перегородил собой Дагфар. Молодая супруга решила покинуть его комнату, делая шаги навстречу ему, но он лишь сжал её в руках и прижал к себе. Дыхание перехватило, как бы ни попыталась возразить ему, но не смогла вымолвить ни слова.

39. Эльрик

Эльрик в это время проводил тренировочный бой на мечах вместе с Вербером. Оба, разгорячённые, никто не хотел уступать друг другу, скрежет металла разносился далеко за пределы двора. Парни вкладывали всю силу в удар, успевая уворачиваться от меча противника, но при этом они смеялись друг над другом, отпуская колкие шутки. Наступая сильнее, принц прижимал противника к углу забора, не давая ему возможности для манёвра, но тот не сдавался и, проявив ловкость, вывернулся из закрытого места, сильнее

ударил по мечу оппонента, тем самым выбил оружие из его руки. Принц проиграл этот бой.

Уставшие, она расположились в пустой конюшне в стоге сена, запыхавшиеся, тяжело дыша, прислужник подшучивал над проигрышем юного правителя, на что второй раздосадовано высказался, чтобы тот не забывался и знал своё место. А именно здесь, в стоге сена, в вонючей конюшне. Вербер удивился его словам, ведь и раньше, хоть и нечасто, такие ситуации уже возникали, и хозяин всегда шутил по этому поводу. Принц поднялся, упиравший локтями в сено, но лишь больше провалился в стог и не смог встать самостоятельно, тем самым рассмешив мальчишку ещё больше. Парень же злился на него, огрызался и старался задеть его, унижая и крича, но тот невозмутимо смотрел на него, пытаясь понять, в чём же дело, и его молчание злило оппонента ещё сильнее. Хозяин поднялся на ноги, взяв с пола меч, и чуть было замахнулся на лежащего подчиненного. Тот лишь опешил, ловко увернулся, тут же вскочил, быстро обойдя Эльрика со стороны и выхватил у того оружие. Тот откинул его в дальний угол и пристально посмотрел на нападающего, но ничего кроме страха в его взгляде не увидел. Пустые прозрачные глаза наполнялись слезами, а губы начали дрожать, и как бы он ни пытался совладать с собой, ничего не получалось. Прислужник подошёл ближе к нему и протянул руку, погладил по плечу. Молодой правитель же отпрянул, и уже не в силах сдерживаться, разрыдался в голос, он прижался

спиной к стене и закрыл руками лицо.

Вербер не стал подходить ближе, но и не покидал его. Впервые он видит его таким беспомощным и отчаявшимся. А парень всё громче всхлипывал, и уже не стесняясь присутствующего, плакал при нём. Чуть успокоившись, юный правитель рассказал о своей тревоге. Он знал, что прислужник единственный, кому может довериться и полноправно назвать своим другом. И кроме них, об этом не узнают придворные и горожане. Вербер внимательно слушал, и хоть серьёзно не воспринимал его слова, такие почётные, всё же улавливал себя на мысли, что действительно, ведь хозяин всю жизнь прошёл под строгой и бдительной опекой отца, а теперь он сам оказался на месте правителя, но совсем не готов к этому. Эльрик же продолжал сетовать, что его силой заставили жениться, без его на то мнения. Понимая, что Ульвадра его никогда не будет принимать таким, каким видит себя в супружеской жизни. Он рассказал о том, что супруга уже ждёт его наследника, а это значит, что ему придётся ехать на войну, вместе с отцом, и это лишь дело времени, когда Ормар вызовет его на поле боя. А учитывая известия о том, что народ Замкнутого Леса не сдаётся без кровопролитного боя, обе стороны понесли значительные потери. А значит, ему придётся биться с ними на равных, никто из них не отступит, не убирает меч от его шеи, как это бывает на тренировочных боях. А уж тем более по глумиться над слабаком, сыном их главного врага, и вовсе выстроится целая

очередь.

Вербер молча присел рядом с ним. Он не пытался подбодрить друга, не успокаивал его, сейчас ему нужен был дружеский совет, а ни слова сочувствия, но подсказать что-то дельное он ему не мог. Эльрик рыдал взахлёб, как тогда, в детстве, когда обижался на отца, когда тот отчитывал его за проказы, за слабые бои, за то, что он не стал таким, как отец.

40. Оска

Король Верхних Холмов смотрел на четыре плотных свёртка белой ткани. Лицо не выражало ни радости, ни горя, ни добра, ни злости, ему было совершенно всё равно. Крепкой ладонью легонько провёл по одному свёртку, ненароком чуть раскрыв его, из него вылезла маленькая ручка, которая тут же ухватила его большой палец. Что-то дрогнуло у него в тот момент внутри. Более пристально посмотрел на раскрывшегося ребенка, открыл его ещё больше, обнажив голову и маленькое тельце. На его смотрели два голубых глаза, не отрываясь и не моргая, он тоже вглядывался в них, будто пытался в них найти что-то. Что-то для себя, что-то своё. Едва заметно уголки губ Гамли поднялись вверх, как ему в ответ появилась лучезарная, весёлая, игривая улыбка, отчего и усмешка мужчины спала гораздо более выразительной. Правитель широко улыбнулся в ответ. Но долю секунды спустя, радость младенца сменилась громким плачем, который разбудил остальных детей, и ещё двое из них закричали. Раздражающий ор тут же сместил нечаянную улыбку на

хмурюю гримасу. Лишь одна малышка из всех не проснулась от крика и не закричала сама. Молодой отец подхватил спящую девочку на руки и ушёл с ней прочь. На выходе из комнаты ему по пути попался один из его прислужников. Джо с самого детства был его верным слугой, и за все проделки хозяина, ему доставалось сполна. Гамли подошёл к нему и хмуро приказал, чтобы трое детей были всегда с их матерью. А где её место, он и так знал. Уже дойдя до своей комнаты с крохой на руках, раскрыл ребенка, убрав ткань, и тут же его лицо было искажено от изумления. Верхняя губа девочки была немного надорвана, открывая её десну. Он ненароком отвёл руки от себя, держа дочку на расстоянии, но тут же подумал, что возможно это со временем справится и она станет нормальной девочкой.

Оска проснулась в крошечной тьме от младенческих криков. Она ни сразу могла определить, спит она или уже проснулась, темнота поглощала всё, и не было понятно, открыты ли глаза. Лишь плач младенцев подтверждал реальность. Она, опираясь на колени, ползала по полу, руками ища детей. Встать на ноги во весь рост она не решалась, боясь удариться ненароком головой, а может, боясь осознать то, что находится в маленькой тесной комнате. Шаря руками, она на ощупь нашла троих детей. Девочки не переставая, кричали, и даже когда Оска взяла их на руки, не могла их успокоить. Она решила покормить их, стала пытаться стянуть с себя одежду, и комкая пальцами, поняла, что ткань

влажная и изодранная. Она обнажила грудь, и как только одна из девочек жадно присосалась к ней, молодая мать закричала от пронзающей боли и отбросила ребёнка от себя. На другом конце комнаты раздался лишь глухой удар. Она осознала, что помещение совсем небольшое, и от одной стены к другой она могла дотянуться обеими руками. Грудь и соски нещадно болели, ей даже невыносимо было дотронуться до них. Но детские крики не прекращались, и всё же решила кормить их. Кусая от боли нижнюю губу, она терпела, пока малышки насытятся дочки молоком, но они не переставали есть, причиняя ей страдания.

Как только две малышки наелись, сразу заснули или притихли. Хоть Оска уже начала привыкать к темноте, примерно ориентируясь в комнате, она могла разглядеть очертания свёртков младенцев, увидеть закрыты ли у детей глаза или нет, она не могла. Оставив двоих в сторонке, она подползла к третьей девочке, что тихонько лежала у стены. Она осторожно взяла её в руки, но та уже не кричала и не шевелилась, а ткань, что оборачивала кроху была влажной и липкой.

Сколько времени прошло, она не понимала. Постепенно охватывал страх и паника, и как бы она ни старалась успокоить себя, то и дело теряла самообладание. Младенцы периодически кричали, прося молоко, но ей уже не хотелось кормить их, она сама была голодна, хотелось пить, и в какой-то миг, она поняла, что привыкла к их крикам, либо они стали кричать тише. Но всё же через боль, давала им грудь. Девуш-

ка перестала понимать разницу между сном и явью. Вскоре комната наполнилась нестерпимым смрадом, отчего Оска чувствовала себя ещё хуже. К обширной слабости прибавилась постоянная тошнота. Сколько прошло времени с того момента, как она оказалась здесь, она не знала. Она перестала вовсе кормить младенцев, сил на это не было совсем, а скорее они перестали просить есть, и она успокоилась.

Кромешная темнота уже стала привычной и не вызывала страха. Свежего воздуха не хватало, ужасная вонь усилилась еще больше, не давая ей глубоко вздохнуть, от чего она не переставая кашляла. Пленная разорвала на себе всю одежду, перевязав ей больную грудь, чувствовала, как зудит кожа, и чем больше она чесалась, раздирая ногтями, тем больше болела. Оска заставляла себя спать, закрывая глаза, и когда совсем не получалось, она билась головой о твёрдую стену, падая без сознания. Но с каждым разом просыпаться становилось всё тяжелее. Она задыхалась, тошнота подступала к горлу, кашель раздирал глотку, а кожа ошметками сезала с тела.

Она привыкла к темноте. Глаза могли разглядеть скомканные свёртки у стены. Они уже давно не шевелились, просить есть уже давно перестали. Дети и не беспокоили Оску совсем. Ей было легче от того, что они крепко спят, не чувствуют того, что чувствует она.

Мысли начал одолевать голод и жажда. Уже не обращая внимания на боли по всему телу и усилившийся кашель,

пленица лежала на полу, покрытому отходами, закрыла рот руками и начала жадно кусать их, вскрикивая при этом. До крови искусав руки, слизывала текущую кровь, но утолить жажду это не помогало.

Девушка сидела, облокотившись спиной о стену, смотрела в сторону младенцев, которые не шевелились уже давно. Боясь и терзая себя, она медленно подкрадывалась к ним. Протянула руку, чуть растормошила один из них, но никакой реакции не последовало. Еще сильнее потрясла свёрток и из него вывалилось тельце младенца, после чего вонь ещё больше распространилась по комнате. Ооска шарахнулась назад, ударившись головой о каменную стену и закрыла рот рукой, она только пыталась закричать, но вышел лишь глухой писк и тут же замолчала. Она смотрела на тельце, видела тёмное очертание. Молодая мать протянула трясущуюся руку к младенцу, едва задев кожу, резко одернула обратно.

41. Гамли

Без тени сожаления Гамли жестоко наказал свою супругу за принесённых ею дочерей. За эту провинность он решил закрыть её в подвале на четыре дня вместе с детьми. Лишь одну девочку он пощадил от наказания, оставив на свету, но сразу же передал на воспитание прислужникам и сёстрам. Они заботились о малышке как о родной, пытаясь заменить ей мать. Но как только правитель замечал, как те нежат его дочь, тут же наказывал нянек, не позволяя им обращаться

ребенком как с наследницей. По его плану из неё должна вырасти примерная жена, способная удовлетворить любое пожелание супруга, и для этого с самого младенчества нужно приучать покорности. Послушницы не могли поспорить с хозяином, сёстры также не имели слова, они лишь подчинялись ему, а если и сделают наперекор, то знают, куда он может отправить их.

Прошло четыре дня и Гамли приказал прислужнику вывободить супругу из заточения, а заодно и его дочерей, тут же уточнив, если там ещё есть кого спасти, при этом хитро ухмыльнулся. Джо сразу повиновался его приказу и отправился в самую глубокую комнату замка, куда обычно попадали люди, что не угодил хозяину дома. Здоровяк еле отворил тяжёлую дверь и сразу же отбежал прочь. Вонь из комнаты пронзила его до тошноты, глаза заслезились, закружилась голова. Лишь едва заметил свёртки у стены и скрюченное тело девушки, едва напоминающее отдаленно супругу правителя. Она не шевелилась и не реагировала на его присутствие. Собравшись духом, через силу Джо вошёл в маленькую комнату, для этого ему пришлось нагнуться почти наполовину. Он растормошил лежащую девушку, но заметив на её голове кровоподтёки, понял, что спасать больше здесь никого.

Сёстры были в ярости, узнав о том, что их брат погубил супругу, и при этом объявил, что теперь ему нужна новая, нормальная, здоровая жена, которая сможет дать ему сына. Сам же Гамли принял известие о смерти супруги как долж-

ное. Другого он и не ожидал, больше бы удивился, если бы Джо привёл Оску к нему, а так всё вышло по его плану. Отец также не принимал участия в воспитании дочери, и даже имя малышке выбрала одна из его сестёр, назвав девочку Вигдиса.

42. Вигдиса

Девочка росла в строгости отца, не позволяющий ей никаких вольностей. Она с детства знала, что рождена для того, чтобы выйти замуж и родить супругу сына, быть послушной дочерью, а затем прилежной женой. Ей и в голову не приходило, что может быть по-другому, и всегда относилась к наставлениям нянек с полной ответственностью и серьёзностью. Она практически не покидала стены замка, лишь изредка прогуливаясь по саду в сопровождении нянек или тёток. Они обучали девочку всему, что должна знать и уметь прилежная супруга. В те же дни, когда Гамли покидал замок, они старались побаловать девочку, отменив занятия, дав ей вольность поиграть с тряпичными куклами, позволить прогуляться в саду самостоятельно, но Вигдаса категорически отказывалась отступать от правил и сама грозилась рассказать всё отцу. Услышав это обвинение, больше никто из них не предлагал смягчить девочке её существование.

Вигдиса стала замкнутой, она практически ни с кем не общалась, а если и обращалась к нянькам или прислуге, чтобы дать им поручение. Она никогда не интересовалась, чем так занят отец, что они видятся очень редко, она просто зна-

ла, что у него есть важные дела, и других объяснений она не требовала. Когда она познакомилась уже с более дальним окружением города, узнав своих горожан, познакомилась со сверстниками, даже общалась с ними, но не принимая это как развлечение, а лишь для открытия у себя новых навыков. Но даже после общения с другими семьями, в голову не закралась мысль узнать, почему в семье только отец и куча нянек, прислуги, тёток, но нет матери. Это её совершенно не волновало, она считала, что так и должно быть.

Едва девочке исполнилось 6 лет, отец сразу же познакомил дочку с будущим супругом. Все эти годы он тщательно подбирал подходящую пару для дочери, боясь продешевить и прогадать, но вариант с сыном Хальса – Ормаром был идеальным во всех отношениях. Это позволило бы объединить два крупных и сильных клана, и пусть Вигдаса является последняя из рода Гамли, она станет достойным продолжением семьи Ормара.

Спустя ещё 6 лет юная особа уже была полностью готова к замужеству и трепетно ждала считанные дни, когда отец Ормара приедет за ней, чтобы забрать её на Землю Вен. Каждое утро она поднималась на самую верхнюю комнату, из которой открывался вид на дорогу, что вела к их городу, и ожидала путников. Но шли дни, и обещанного сватовства так и не происходило. Девочка, не отчаиваясь, каждый день ждала будущего супруга, при этом не забывая оттачивать свои способности в рукоделии, пении, стихах. Дальняя дорога, что

открывалась из самой высокой башни, пожелтела от опавшей листвы, а вскоре и вовсе была замечена белоснежным настилом, но за Вигдисой так никто не приехал.

Её терпение было вознаграждено, и весенним днём в их породе появился незнакомый наездник, известивший, о приезде короля Земли Вен. Взбуродраженные горожане ринулись к высокому забору, что обрамлял границы города, чтобы лично посмотреть на него. Десятки лошадей стремительно приближались все ближе. Молва о гостях быстро дошла до Гамли, и он приказал приготовить дочь на смотрины. Няньки направились к Вигдисе, громко бубня, сетуя на то, что девочке ещё рано замуж, но высказаться напрямую её отцу не решались, никто из них не хотел тревожить его, злить, а значит обрекать себя на жестокое наказание. Девочка же, наоборот была рада, что наконец случилось то, чего она так ждала и готовилась. Едва услышав, что за ней приехали, она бегом начала собирать вещи, что уже ранее были собраны, но постепенно, она доставала их. Пока она судорожно искала всё необходимое, в комнату вошли тётки. Три большие женщины, с покрытой головой мягкими серыми платками, в платьях настолько тугих, что им было сложно дышать, а если они позволяли себе сделать глубокий вдох, ткань трещала, издавая характерные звуки. Их большие глаза были всегда удивлены, а рты закрывались только когда те спали. Болтать между собой и обо всех они могли без умолку, и для каждого нашёлся бы совет. Но окружающие уже давно поняли,

что никто в их советах не нуждается, тем более что от трёх сестёр поступает сразу три разных мнения, и каждая твердит о своей правоте.

Когда-то давно самая старшая из них, будучи ещё молодой девушкой, вышла замуж, и с мужем ей повезло, хотя изначально их семьи свели будущих супругов почти детьми. Супруг полюбил всем сердцем, она была на равных с ним, он обращался с ней как многие и мечтать не могли. Но старшая сестра не принимала его чувств, а всё больше тосковала по родным сёстрам. Они могли общаться, лишь написав письма друг другу, но с каждым прочитанным письмом, старшая сестра понимала, как ей их не хватает, и никакая любовь не может заменить ее тоски. Суженный же старался сделать всё, лишь бы она была счастлива, тогда она, набравшись храбрости попросила вернуть в родную семью. Так он и сделал, навсегда отпустив её. Девушка воротилась к родителям с глубочайшим позором, и немногие желающие взять в жены остальных сестер тут же отказались от них. Так они и остались на попечении родителей, а затем и старшего брата Гамли.

Вигдиса вышла к жениху в наряде, что уже давно мечтала надеть, шелковистое лёгкое платье небесного цвета, с цветочными бутонами, вышитыми ею вручную. Голову покрывал бежевый чепчик, пряча под собой жиденькие светлые волосы. Харен встретил девочку с пренебрежением. При всём её нарочно милым виде она казалась ему странной и напори-

стой. Он всегда знал Гамли как сильного лидера городка, который не станет мямлить, а молча возьмёт своё, и как полагается, дочку воспитал в семейных традициях. Бойкая, уверенная в себе, смотря в её глаза, он видел в них яркое пламя, что жгло его взгляд. Но это отошло на задний план, когда девочка подошла ближе, и сумел её разглядеть лучше. От внешнего вида опешил, что совсем забыл слова, что хотел произнести. Волчья пасть поразила его. Теперь точно знал, что не ошибся с выбором для сына, и принцесса Земли Вен станет самой лучшей для него супругой. Он стеснялся спросить своего друга, знал ли тот о происхождении девочки, кем была ее мать, ведь в ней течёт та самая древняя кровь волков, а за Гамли такой крови замечено не было. Вигдиса быстро стала полноправным членом семьи Харена, вскоре как вышла замуж за Ормара, и уже чуть позже она принесла ему единственного сына Эльрика.

43. Вельвичина

Королева всё реже появлялась на глазах подданных и своего народа. Целыми днями она не покидала покои, и лишь самые верные и близкие ей слуги приходили к ней не более чем несколько раз в день. Чаще всего они выполняли поручения, касательные королевских дел, но и также служили по личным вопросам. Семь молоденьких девочек выполняли все, что раньше королева делала сама. Они лично готовили ей еду, на что была очень зла повариха, что служила в королевском доме более десятка лет. Но девочки не реагировали

на высказывания, а порой и то, что она пыталась выставить их из кухни, и также молчали на встречные вопросы о состоянии королевы. Физическом и душевном. Как и следовало, ответа никто не получал. Семь прислужниц были верны своей королеве, и раскрывать её секреты не смели под страхом смерти.

Совет, что был создан Вельвичиной совсем недавно, остался без правительницы, и все интересы и поручения были переданы устами супруга Дагфара, который также хранил тяжёлое молчание, и с каждым встречным вопросом о состоянии королевы, глаза его чернели, разум свирепел, но тут же он разворачивался и молча уходил. Люди заподозрили неладное. В замке стало тихо, мрачно. Все, живущие в замке, старались как можно реже покидать свою территорию. Даже при разговорах между собой, они говорили тише, будто боялись разбудить уснувший замок.

Вскоре мрачное настроение королевских покоев перешёл на весь город. Люди общались почти шёпотом, а если уж речь шла о здоровье Вельвичины, и вовсе старались сказать это под ухо, чтобы никто лишний не слышал разговора. Однако, слухи разлетелись быстро, и народ стал молиться о здравии своей королевы. Некоторые, кто особенно любил посплетничать, и вовсе утверждали, что правительница не просто так держит себя затворницей. Может, и не по своей воле. Или вовсе нет уже их королевы. И хоть за такие сплетни им гро-

зили тумаклами, люди сами начинали верить в худшее.

Изменение в своём состоянии Вельвичина почувствовала сразу. Еле успев открыть глаза, она уже хотела заснуть снова, хотя проведённая ночь в крепком сне должна была придать ей сил. Ей стали отвратны обыденные яства, что ещё вчера она ела с удовольствием. И с каждым новым днём неприятные ощущения только увеличивались. Старые прислужницы сразу обратили внимание на изменения, что они видели в повелительнице, и с радостью сообщили ей, о том, что скоро случится то, чего они так ждали. Молодая королева не сразу смогла понять, чему так рады. Старушки же потянулись руками к её животу и мягко гладили его. Ошалевшая королева отпрыгнула от них и громким тоном приказала больше в жизнь не прикасаться к ней. Счастливые улыбки сразу сошли с лиц пожилых прислужниц, и они удалились прочь. Сама же Вельвичина ушла в свои покои, предварительно выгнав из неё всех прислужниц.

Оставшись одна, она медленно стала снимать с себя всю одежду, и тут же пожалела, что не оставила хотя бы одну помощницу. Но ей категорично хотелось сейчас быть самой. С трудом справившись с тугим корсетом и пышной юбкой, она сбросила с себя бельё. Оставив вещи на полу, подошла ближе к окну, чтобы солнечный свет озарял её тело. Нежными ладонями она гладила свой живот, который совсем не был похож на тот, что был ещё вчера.

Первым, кто узнал о долгожданной новости, стал супруг,

который был несказанно счастлив. Уверовав в то, что он зачал в королевском чреве наследника, погряз в мечтах о том, как воспитает настоящего рыцаря, достойного и храброго мужа. Вельвичина слушала рассуждения Дагфара и невольно улыбалась. Было приятно погрузиться в фантазии с ним и придумать его жизнь, на кого будет похож. Это веселило обоих, и больше сблизило супругов.

Правительница приняла решение отстраниться от своих полномочий на это время, и по наставлению повитухи – самой старой прислужницы из рода волков и вовсе ограничиться от лишних перемещений. Она строго-настрого запретила ей хвастать своим счастьем, иначе недобрые люди наведут на неё чёрных волков. Но и сторониться хищных тоже нельзя.

По наставлению повитухи, просторные окна в комнате были завешены тяжёлой тканью, что не пускала солнечный свет, но и не выпускала тепло, сохраняя его для здоровья королевы-матери. От этого комната наполнилась тягостной духотой, которая при вдохе, застревала в горле. Но вдыхать прохладный воздух ей не велела всё та же старуха. Старая уже много лет славилась лучшей повитухой, почти никого из младенцев она не потеряла. А тех, кого не спасла, и вовсе была не её вина. Она тут же вспоминала нерадивой матери, что нужно было слушаться только наставницу, и не сметь перечить. И даже не думала жалеть мёртвого ребёнка, считая это лучшим исходом для него. До королевской семьи она добралась быстро, и сразу же ввела новые порядки и даже по-

чувствовала себя выше королевы.

Самым ранним утром, когда солнце только показывало свои первые лучи, старуха разбудила беременную, небрежно потрепав за копну волос, и велела надеть льняное платье с глубоким капюшоном, что мог закрыть лицо от нечестивых глаз. Наспех собравшись, она потянула за руку из комнаты, быстрыми шагами они вместе покинули замок. Впервые за несколько дней Вельвичина вышла на свежий воздух, тут же вдохнув его полной грудью, но от этого у неё закружилась голова, и она припомнила слова повитухи о вреде прохладного воздуха, и уже старалась тихонько вздыхать, чтобы не насолить себе. Они шли быстрым шагом, при этом сторонясь окрестностей города, будто боялись попасться людям на глаза. Королева не перечила старухе и не спрашивала о том, куда они идут, но сердце начинало биться сильнее, когда она поняла, что старая ведёт её к лесу.

Темнота чащи завораживала и пугала, но как поняла Вельвичина, смешанные чувства испытывала сейчас только она, молча следуя за старухой. Та шла уверенно, чётко зная направление и цель. Они прошли вглубь, повитуха ловко уклонялась от веток деревьев, что норовили хлестнуть, а молодая королева лишь успевала закрыть лицо ладонью, но это не уберегло от хлёстких ударов. Пройдя ещё немного, она было хотела наконец возразить старухе, одёрнуть её и пойти обратно, или хотя бы узнать суть пребывания их здесь. Старая будто чуяла негодование своей спутницы и впервые

нарушила молчание. Она поведала, что здесь она должна встретить сестру. Королева прищурилась, разглядывая миимику повитухи, пытаясь понять, шутит она или нет. Но на лице старухи не возникало ни тени улыбки. Весь народ знает, что у короля Фредерикуса была одна-единственная дочь, никто не уличал его в разгульном образе жизни, чтобы могли появиться незаконнорождённые дети. Старуха снова прочла немой вопрос в глазах королевы, и чуть тихонько, почти не раскрывая губ, прошипела «Волки!». Вельвичина вздрогнула и не отрываясь, смотрела испуганными глазами, вмиг же закричала. Старая кинулась к ней и прижала свою ладонь к её губам, приказав молчать ей, но девушка не могла совладать с собой. Та схватила испуганную за волосы, и выше ростом девушка, наклонилась так, что старуха прошептала ей на ухо, чтобы она не смела обидеть их. Королева подавила в себе крик, но тело начало трястись от страха. Она оглядывалась по сторонам и замечала, как совсем рядом шевелятся кусты и из них выходят волки. Семь хищных зверей окружили их, не давая шанса на отступление. Их глаза сверкали, а злобный рык заставлял сердце биться чаще. Вельвичина сильнее сжала в своей руке ладонь старухи, что явно не понравилось той, и мысленно стала проклинать её и винить себя, что послушалась эту сумасшедшую. Она оглядывалась и понимая, что круг сужается, просто закрыла глаза. Ничего не происходило. Лесную тишину едва нарушал ветер, качающий кроны высоких деревьев. На каком расстоянии от неё

звери, она уже не понимала. В какой-то момент её одёрнула повитуха, и снова зажала ей рот, из которого только начал вырываться писк. Она приказала ей молчать и слушать. Королева вела себя так, будто те слова были обращены не ей, и не переставала оглядываться по сторонам, ворочая головой и ступая с ноги на ногу. Старуха снова одернула ее. Девушка осуждающе глянула на неё, но сказать ничего не успела. Только она хотела выразить своё негодование, как услышала тяжёлый хриплый голос. Звук раздался из темноты и сложно было понять, откуда идёт он. Королеве показался этот голос очень уставшим и явно принадлежал очень старому человеку, а от его хрипоты, даже не могла определить, кто с ней говорит – старый мужчина или женщина. Но любые догадки не были оправданы. С ней говорила самая старая сука стаи. Волчица поведала ей, что уже очень давно предки людей заключили мир между людьми, которым позволено добывать себе пропитание на территории леса, и волками, которым люди приносят подаяние в виде скота, и тогда хищники не нападают на людей. И предрекая встречный вопрос, волчица сказала, что её род обязан продолжиться, дабы союз был нерушим. Сука вспомнила, как старуха приводила к ней ещё маленького мальчика, что только-только вступил на трон, и как он полюбил приходить к ним в стаю, чтобы играть с их волчатами. Вельвичина вспомнила, как отец рассказывал о том, как в детстве играл с добрыми волками, но она всегда думала, что это сказки, чтобы она не боялась их. Она осла-

била хватку, выпустив руку старухи, в её теле чувствовалась тяжесть и слабость, что ей захотелось опереться на что-либо, и лишь успела она пошатнуться, как рядом с ней оказалась большая волчица, которая сумела придержать лесную гостью. Старая сука глянула на них, сверкнув глазами, и сказала, что Дзя сбережёт королеву и дитя до его рождения и после. И это станет новым периодом соглашения мирного союза. Вельвичина не могла подобрать слов, волчица в них и не нуждалась, она поняла всё по тусклому взгляду.

44. Эльрик

Мрачный, встревоженный, принц сидел на том самом месте, на котором всегда видел отца. Высокий массивный трон, увенчанный острыми рогами животных, чёрный и такой ненавистный. Когда Ормар был на нём, мальчишка даже не смел подойти к нему, строгий отец всегда выгонял его из зала, чтобы тот не мешал ему. Позже, более взрослый Эльрик уже не стремился без ведомой причины заходить сюда, но тогда король призывал его прийти, рассказать о том, что придёт время, и именно он возглавит Землю Вен, и поведёт народ за собой. Юный наследник понимал, что не годится для роли короля, но сказать об этом правителю-отцу приравнялось к смертной казни. Конечно, Ормар не перехваливал сына, здраво смотря на происходящее и видя, что тот слаб и робок, но всегда верил, что ещё немного, и в нём проснётся истинный гордый житель Земли Вен, суровый и справедливый правитель и жестокий противник. Шло время, ничего

не менялось. Одинокому отцу было некогда постоянно тренировать Эльрика в рыцарском деле, и тогда на его смену вызвался Вербер, который уже далеко опередил своего хозяина, хотя если и сражался, то всегда тайком. Мальчишка не мог допустить, чтобы отец знал о его неудачах, и тогда предложил своего верному прислужнику всегда поддаваться ему, чтобы в глазах короля, он не выглядел так ничтожно, как себя тогда чувствовал. Ему не хотелось думать, что однажды придёт день, в котором ему предстоит показать все свои навыки владения мечом в бою, надеялся, что мирное время продлится дольше, а если и наступит смута, его мудрый отец формирует боевой отряд, естественно, без его участия, дабы не рисковать единственным наследником. Но сейчас он нужен был отцу.

Ормар не ожидал получить столь сильный отпор от мирных жителей. Уже вскоре они приравняли силы, перебив войско противника, а после и вовсе брали над ними верх. Правитель Земли Вен не мог отступать, да и было некуда, жители Замкнутого Леса настигли бы их в любом случае и силы у них уже было наперевес. Оказавшись добровольно в смертельной западне, отчаянный и униженный Ормар велел собрать все силы, что ещё остались на родной земле, и атаковать повторно Замкнутый Лес. А возглавить пехоту назначил своего сына. На тот момент до него уже дошли новости о том, что Ульвадра готовится подарить ему наследника, поэтому решил пойти на риск.

Настоящий правитель, получивший известия о намерениях отца отослал всех от себя, оставшись наедине со своими мыслями, а подумать было о чём. То войско, что ещё оставалось на Земле Вен, охраняли границы от чужаков, и покинь они свою службу, город останется уязвимым. Сын отказал в просьбе отца, и как бы ни высказывали своё негодование рыцари и воины, готовые пойти на бой, Эльрик приказал им остаться здесь.

45. Ормар

Сопrotивление горожан оказалось более, чем достойным, чего явно не ожидал Ормар. Люди Замкнутого Леса не сдавались без боя, и вскоре, силы их сравнялись, а потом и вообще они пошли наперевес. Уставшие воины Земли Вен не могли достойно противостоятъ набирающим противникам, и постепенно сдавали позиции. Ормар значительно растерял армию на поле боя. Голодные и замёрзшие солдаты с трудом выполняли приказы полководца, а сильные и уверенные в своей непобедимости жители Леса с каждым разом атаковали все более агрессивно и беспощадно, значительно сокращая численность противника. Та сила духа и вера в себя, вера в свою несокрушимость и правильность действий, что двигали правителем по сей день, сменились страхом и тревогой. Он не боялся боя, в ходе которого мог лишиться своей головы, больше его страшило униженной чести, и неизбежных упрёков и осуждения со стороны советников его двора, горожан, которые отправляли своих мужей завоёвывать но-

вую землю для лучшей жизни. Ночами и днями напролёт, когда удавалось ему спокойно уединиться, Ормар разрабатывал планы и ходы, которые могли стать победным маршем и вскоре, как ему казалось, он нашёл путь из бедственного положения. Пехота и конные воины начали постепенно отступать от городских поселений Замкнутого Леса. Защитники своей земли настороженно провожали непрошенных гостей, следуя осторожно за ними, пытаясь предугадать их дальнейшие действия. Никому из них не верилось в то, что они одержали победу, одолев нагрянувших завоевателей. И, как оказалось, были правы. Ормар начал отводить назад свои войска, да только не в сторону, с которой пришли на Замкнутый Лес, а правее, на север, в сторону Спящего моря, которое омывало берег Верхних Холмов.

Полководец Земли Вен начал отводить своё войско, постепенно меняя ход направления, сбивая с толку преследовавших их воителей Замкнутого Леса. А у самого края Общих Земель, поверженного Ормара уже дожидался его давний друг Гамли, с которым они часто наведываются для решения важных государственных дел. Но и путь на земли Верхних Холмов оказался нестабильным. Знойное палящее солнце, что встречало войско Ормара по прибытии в Замкнутый Лес, постепенно сменялось промозглым дождём, а сейчас и вовсе провожает их попутным ледяным вихрем, заметая снежные сугробы выше их роста. Суровая зима оказалась многим не под силу, и снова войско понесло значи-

тельные потери. Полководец понимал, что численность его армии настолько мала, что он не сможет потягаться ею даже незначительную деревушку, не говоря уже о захвате Замокнутаго Леса. Правитель Земли Вен со скорбью глядел на опустевшие ряды своей армии, и после долгих раздумий, решился на отчаянный шаг – вызвать на подмогу сына Эльрика и войско, что ещё оставалось на страже родного города.

Преодолев бури и холода, обмельчавшая армия Ормара с трудом добралась до города Верхних Холмов. Еле передвигая ноги, отступивший правитель шёл вперёд, подставляя раскрасневшееся лицо ледяному морскому северному ветру. Его конь следовал за ним, изрядно хромя на переднюю лапу, что была ранена в бою. Город встретил их лишь сквозным ветром. Все площади и улицы пустовали, а ставни на окнах домов были наглухо забиты. Уже слабо ориентируясь в ранее хорошо знакомых улочках, правитель еле вспомнил, как верно и быстро можно добраться до самого верхнего холма, где и ждал его друг Гамли. Он взял с собой лишь нескольких подчинённых, которые более уверенно ещё держались на ногах, и направился в нужный дом, остальные же разбрелись по городу, стараясь спрятаться от лютого ветра. Кто-то пытался стучаться в запертые двери, с надеждой, что их пустят на обогрев, но все было тщетно. Никто из жителей города не решился помочь незнакомым войнам, впустив их на порог тёплого дома.

Правитель Верхних Холмов и сам неохотно принял дав-

него друга, ссылаясь на небывалую занятость в это суровое время, сам же всем видом показывал, что Ормар оторвал его от весёлых дел, что проходят в горячей парной. Правитель Верхних Холмов скривился в натянутой улыбке, оказывая честь гостеприимства. Уставший полководец же, чувствуя не особо дружескую атмосферу, припомнил, как он любил и дорожил его дочерью, своей супругой Вигдисой. Но не сумел пробудить в нём родственные чувства, даже натянутая улыбка пропала с лица. Гамли чуть хриплым голосом, едва слышно, пробормотал прислужнику, чтобы тот организовал пристанище для правителя Земли Вен, и чуть более громче прозвучало, что ему всегда тут рады, как человеку, избавляющего его от обузы.

46. Вельвичина

Месяцы беременности дались королеве крайне тяжело. Она с трудом переносила изменения, что касались её организма, стала более нервная и раздражительная. Но ещё сложнее пришлось подданным, что старались угодить королеве. Вельвичина требовала к себе ежеминутного внимания со стороны каждого, кого она могла поймать в поле зрения, а если таковых не находилось, принималась сама разыскивать свою прислугу или других жителей замка. Придворные старались угодить правительнице, но, чтобы они не делали, удовлетворить прихоть королевы им не удавалось. Лишь Дагфар мог справиться с буйным нравом супруги, но и тот старался как можно реже сталкиваться с ней. В те нечастые встречи,

что они могли себе позволить, супруга снова преображалась в ту спокойную и тихую девушку, кой знали все жители замка и города. В одну из таких встреч Вельвичина, не сдерживая слез, жаловалась мужу, как тяжело ей даётся управление делами Верхних Холмов. Новый совет, что она набрала, совсем не сравним с теми, от кого она пожелала избавиться. И хоть менять советников в ее планы не входит, ей одной остается искать ответы на самые важные вопросы, что делать она уже не в состоянии. Дагфар предложил ей единственное, на его взгляд решение – отступить на это время от королевских дел и полностью посвятить себя наследнику. Ведь самое важное для них сейчас – это здоровый малыш, который сможет продолжить их дело. Молодой принц, который когда-то тоже займёт трон. И хоть это идея не снискала единодушно-го согласия, королева всё же сдалась и отдала полномочия в руки супругу.

Месяцы шли, живот королевы становился больше, и ей сложнее было передвигаться по замку, поэтому супруг предложил ей оставаться в стенах её покоев до рождения наследника, при этом вся прислуга будет в постоянном подчинении. Все семь прислужниц всегда находились рядом и выслушивали все капризы Вельвичины, которые с каждым разом становились все более изощрёнными. Чтобы они не сделали, она оставалась недовольна ими. Она либо отказывалась ей то, что ей приносили, могла специально опрокинуть чашку на прислужницу, ошпарив ту горячим супом, и та с криками

выбегала из комнаты, а потом и вовсе получала наказание за то, что кричала в присутствии королевы. Еда, что передавали ей, не нравилась, она нехотя ела, показывая всем видом, как ей неприятно, и ест она только для того, чтобы накормить ребёнка. Сама бы она казнила того повара, что сделал это. Она даже несколько раз просила супруга отрубить голову практически каждому из прислужников, который так или иначе, не смог угодить королеве. Дагфар не спорил с ней, соглашался, но никогда не выполнял приказы в жизнь, а лишь велел слугам больше не попадаться ей на глаза.

Помимо прислуги, в комнате беременной всегда находилась волчица Дэя, и она оказалась единственной, кто не раздражал её. И хоть изначально никаких просьб к ней не выдвигалось, правительница была уверена, что сестра справилась бы с ними куда лучше этих растяп. Та, в свою очередь, была довольна такой расстановкой и всячески поддерживала решения королевы, какими бы абсурдными они ни были. Так, она уверяла, что достопочтенной особе действительно стоит иметь дегустатора. Вельвичина не сразу смогла уловить суть мыслей, ведь она знала, что в замке её любят и чтут, и супруг ни за что бы не позволил слугам воплотить какой-либо заговор против королевы. Волчица охотно согласилась, но и те доводы были не на пустом месте. Она припомнила все капризы сестры, что терпели слуги, а ведь у них тоже есть чувства. Чувства обиды и злости в частности. А главенствующему на троне Дагфару может так понравиться иг-

рать в короля, что, когда действующая правительница города вернёт свои полномочия, он не захочет отдавать их. Вельвичина отнекивалась от каждого довода, но зерно сомнений было посажено.

Как-то утром, когда королеве был подан лёгкий завтрак, она долго не желала прикасаться к еде, разглядывая со всех сторон. Волчица не могла не заметить странного поведения и заинтересовалась у неё, в чём же дело? Вельвичина оставила от себя тяжёлый поднос с едой и предложила волчице стать тем самым дегустатором. Дэя пристально смотрела, не зная, что ответить. Она постаралась ей объяснить, что волки менее невосприимчивы как к еде людей, так и к отраве, которая там может быть. Но все слова королева пропустила мимо ушей, твёрдо стоя на своём решении. Нехотя, Дэя дала согласие, вспоминая угрозы, которые она сыпала в адрес прислуги лишь за то, что она долго решали поручения, на которые было отведено меньше пяти минут, а отказ становиться личным дегустатором, на которого волчица сама долго и упорно намекала, мог и вовсе лишить её головы. И в этом случае, Дагфар бы не стал ограничиваться отстранением от королевы.

Последние дни беременности Вельвичина оставалась одна. Лишь изредка в покои заходили слуги, чтобы покормить, и тут же прощались, дабы не вызывать гнева. Даже волчица покинула комнату, хотя всё чаще до этого не отходила от королевы ни на шаг. Вельвичина сама распорядилась о сво-

ём уединении. Она чувствовала приближение родов и хотела эти дни посвятить будущему наследнику. Она ждала непременно мальчика, по-другому она и думать не хотела. Перед родами с ней в комнате оставались лишь старуха-повитуха и волчица. Двери и окна были закрыты наглухо, свежий воздух почти не попадал в помещение, отчего он становился липким и тяжёлым. Девушка со стойкостью переносила наступающие схватки, и дабы унять эту боль, повитуха велела принять ей несколько капель красной воды.

На счастье королевы, роды прошли легко, хотя она почти ничего не помнила, так как потеряла сознания при последних схватках. Наследник появился в полночь, но лишь с наступлением утра Вельвичина пришла в себя, и тут же потребовала принести ей ребёнка. Старая повитуха, охранявшая покой королевы всю ночь, тихо попросила не пугаться, чем вызвала негодование у молодой матери. Старуха принесла крупный свёрток и передала ей в руки. Девушка почувствовала его тепло, прижала его к груди, и беспокойные мысли улетучились из её головы. Она подняла взгляд на повитуху, осуждая за слова, но та, не отводя глаз, не произнося ни звука, лишь губами сказала раскрыть свёрток с ребёнком. Вельвичина убрала с младенца ткань, что пеленала его, и от удивленного, чуть не выронила его из рук. Мальчик по имени Петрус полностью покрытый коричневой шерстью, тихо сопел в её руках.

С этого дня изменилось всё. В замке воцарилась смиренная тишина. Придворные боялись нарушать покой королевы. И уж тем более тревожить юного наследника. Даже Дагфар ощущал на себе недобрые взгляды Вельвичины, когда приходил навестить супругу и сына. Она еле слышно, повелевала вести себя тихо, даже если малыш не спал. Перечить супруге он не пытался, и так бесшумно удалялся из комнаты. А вскоре его визиты становились все более редкими. Но молодую мать это совсем не тревожило, всё время она посвящала своему сыну, даря ему тепло и безграничную материнскую любовь, и опеку. Но одна бы она не справилась, и в её спасение повитуха давала ей советы. Она на своём веку приняла на свет много детей, что даже не могла запомнить всех, ведь какие-то из них уже сами обращались к ней. И королева прислушивалась к ней, душевно полагаясь на благородный опыт. Старуха снова привела в знатные покои волчицу, наказав, что первые недели материнское молоко пагубно для младенца, и она, как личный дегустатор, будет отсасывать грудное молоко. Дэя не стала возражать, не веря в присказки старухи, ведь сама она выносила несколько волчат, вскормила их грудью, и они выросли крепкими волками. Она присела на кровать к с лежащей матери, зубами стянула свободную рубашку с неё и устроилась рядом. Но лишь стоило ей присосаться к груди Вельвичины, и её пасть наполнилась молоком, как все тело пронзала ноющая боль, словно яд разливался по крови, что она едва терпела, чтобы не стиснуть зубы на соске

королевы. Выпив молоко, она отстала от груди и тут же без чувств свалилась с кровати. Прерывистое дыхание стало замедляться, посиневший язык вывалился из пасти, выпуская наружу густую пену. Повитуха, стоявшая подле, лишь кинула взглядом на неё и спокойным тоном предупредила королеву не давать грудь принцу.

Это повторилось и на следующее кормление, тупая боль молниеносно распространялась по телу волчицы, вызывая все новые приступы, которые продолжались все больше и больше. Вскоре королева приказала одному из придворных уносить ослабшую тушу волчицы после кормления на своё место, примечая, что полуживая сестрица – не лучшая сиделка для наследника. С каждым разом Дэя тяжелее приходила в себя, боль отпускала, но чувствовалась всё острее и дольше. Волчица просыпалась в конуре, ощущая тепло своих деток. Семь малышей жались к её горячему животу и мордочками рыскали соски, чтобы вдоволь наесться, пока она снова не покинула их. Дэя закрывала глаза, и не придавая значения боли, чувствовала, как волчата едят, набираются силы, представляла, как те вырастут и отправятся в стаю, и как их примут сородичи. «Они же примут их как своих» – уверяла она себя мысленно, по-другому и быть не может. Но стоило ей только забыть о королеве, как прислужники тут же напоминали о ней, созывая волчицу снова идти в покои правительницы.

Дэя заняла уже привычное место у груди королевы, един-

ственное, что Вельвичина сама освободила от одежды. Волчица осторожно, едва смыкая пасть, принялась сосать молоко, как тут же в глазах потемнело...

И снова измученная волчица очнулась в своей конуре. Она долго не решалась открыть глаза, так как ей казалось, что даже это может причинить боль. Но когда полное сознание вернулось, она резко подскочила на лапы и стала оглядываться по сторонам. Низкая и широкая комната, которая служила её логовом, была слегка уложена соломой, в остальном оставались лишь каменные стены. Дэя прошла по всей комнате, лапы спотыкались, передвигалась чуть не падая, она вдруг поняла, что волчата не просят грудь, а они уже должны были проголодаться, и даже если нет, то тишины от них дождаться очень сложно, но видимому не сейчас. Она заметила, как волчата улеглись в углу логова, чуть зарывшись в солому, забравшись друг на друга. Спокойно вздохнув, она вернулась на своё место и моментально провалилась в глубокий сон. Но выспаться ей не предвиделось. Едва придя в себя, она уже ждала, что волчата вот-вот прибегут к ней, как только проголодаются. Дэя перевернулась набок, поёрзав, устроившись поудобнее, и чтобы деткам было удобно подобраться к груди. Но шло время, а щенки все так же лежали, единым комочком не шелохнувшись. Дэя открыла глаза и сразу заметила, что они лежат так же, как она видела их перед сном. Осторожно поднявшись, она подошла к ним, сунув морду между ними. Они никак не реагировали

на появление матери, не шевелились, не ёрзали и не дышали. Волчица начала пастью брать их по-одному и раскидывать на полу, но никто из них не проснулся. Она смотрела на лежащих бездыханных щенков сквозь кромешную тьму и не могла заставить себя шевельнуться. Из ступора вышел шум за пределами комнаты. Распахнулась дверь, и прислужница приказала волчице в покои королевы. Дзя лишь повернула голову в ту сторону и ещё долго присматривалась к ней. Служанка громче вскрикнула на неё, сгорбив спину, залезла в конуру, и за шкирку потащила волчицу за собой. Она не в силах была сопротивляться ей, еле перебирая лапами, плелась за ней. Только один их щенков стал брыкаться лапами, услышав скуление матери.

Королева находилась в постели, удобно в ней расположившись. Облачённая в белую свободную рубашку, набухшая грудь была полностью оголена. Вельвичина лежала и молча смотрела в потолок и лишь чуть отвлекалась, когда прислужники привели волчицу. Искоса глянув, взгляд снова вернулся к потолку. Она вдруг подумала, что никогда не обращала внимания на роспись стен своей комнаты, позолоченные узоры воплощали в себе невероятно красивые цветочные мотивы, которые росли в саду под окнами.

Прислужники не смели потревожить покой королевы, они легонько ступали, но едва уловимый скрип пола выдавал их движения. Волчицу держали за шкирку, но та и не думала сопротивляться. Она едва перебирала лапами, путалась в них,

то и дело спотыкаясь, поэтому прислужник продолжал волочить по полу. Пустой взгляд выдавал её отстранённость. Волоком затащили на королевскую кровать и тут же все покинули комнату. Вельвичина оглядела волчицу, произнеся несколько слов о своей усталости, но продолжения диалога со стороны сестры не последовало, что вдруг удивило королеву. Теперь всё внимание было приковано к незадачливой собеседнице. Она любила разговаривать с ней, и та всегда отвечала и поддерживала разговор, а теперь и подумать не могла, что она перестала разговаривать. Переспросила вопрос ещё несколько раз, но ответа не последовало. Сначала Дзя вовсе не слышала голоса, но с каждым разом королева повышала тон, и голос скрипуче звонко раздавался в голове. Её раздражение нарастало с каждым звуком, она чувствовала, как злость и гнев начинают преодолевать мысли, зрачки разлились в глазах, сделав их полностью чёрными, а в пасти поблёскивал острозубый оскал. Вельвичина приказала снова сосать молоко, взяв в руки свою полную грудь. Пасть волчицы приоткрылась, она чуть прикусила сосок, и почувствовала густую жидкость на языке. Открыв глаза и оглядывая королеву, она чувствовала, как с молоком прибывает ненависть к ней. Это было чем-то новым для неё, ещё ни разу она не испытывала такого чувства в себе, ярость и злость переполняли её разум, а здравый смысл не мог противостоять новым ощущениям. Она сильнее подалась к груди и разом вцепилась острыми клыками в мягкую кожу. Визг королевы

раздался далеко за пределами покоев. Пасть волчицы окрасилась алым цветом и по всей королевской постели разлилась густая кровь. Придворные, что отреагировали на крик, ворвались в покои молодой матери и поразились ужасному зрелищу. Дэя трепала грудь Вельвичины зубами как кусок пойманной дичи. Слуги закричали от страха, никто не осмеливался подойти ближе, и лишь старая повитуха пробилась сквозь толпу слуг и подошла к волчице. Нежной рукой она коснулась макушке, прошла ладонью по ушам, немного почесав её. Хватка Дэи ослабла. Повитуха продолжала гладить по голове, вторая рука прошла по шее и спине, она чуть нагнулась к ней и шепча приговаривала, что в случившемся с щенятами сестра никак не виновата, а сама волчица, преданная королеве, доказала ей свою преданность. Но нападение на неприкосновенную особу грозит им всем страшной трагедией. Дэя окончательно разжала клыки и отстранилась. Она смотрела на окровавленное тело королевы, которая на тот момент потеряла сознание от боли. Не было понятно, жива она или нет.

48. Эльрик

С каждым днём принц становился более мрачным, чем был вчера, и это начинало заботить его супругу, но он же был холоден с ней. На её нежные порывы отвечал грубостью. Вскоре Ульвадра перестала просить его внимания и одной из ночей, тот вдруг понял, что не встречал девушку уже практически месяц. Но эта мысль не тяготила его, к ней не тяну-

ла, наоборот, он вдруг понял, что так ему легче. Его интерес не пробуждался жизнью супруги и будущего сына. Совсем обратную реакцию вызывали новости о его отце, и каждая из них давила невероятным грузом. Малейшая мысль о том, что ему суждено отправиться на поле войны, приводила его в бешенство и страх. Оставаясь наедине с собой, он всё чаще пытался продумать план, который бы помог избавить его от неминуемого боя. И к его же ужасу, планы у него возникали, один который был мрачнее другого. Причинять вред себе или семье он всё же не смел, опять же здесь сказывалась не доброта его сердца, а трусость. Трусость провалить план, быть пойманным и быть наказанным за злодеяние. Ни мириться со своей участью в его планы не входило.

Утро Вербера ничем не отличалось от остальных. Оно начиналось ещё глубокой ночью, когда даже слуги не приступали к своим обязанностям. Он обходил территорию, проверял орудия, что были установлены на защиту, на высоких стенах замка. Бывало, сам нёс караул, так как со времён похода войскового отряда на Замкнутый Лес, они все опасались встречного нападения, и на их удивление, этого пока ещё не происходило. Уже после всего этого, прислужник отправлялся в покои наследника, который как раз только просыпался. Но это утро стало особенным.

Принц явно ждал его прихода. На нём была всё та же одежда, что и вчера, но совсем немная, за ночь она не потеряла свой лощёный вид, как и причёсанные волосы. Он

сидел на краю постели, будто не смея коснуться или позволить себе прилечь. Его взгляд также выдавал его бессонницу. Как только прислужник вошёл в комнату, Эльрик тут же заговорил. Сначала он расспрашивал его о том, как прошло его утро, всё ли в порядке, были ли известий от отца. В ответ он не получил ничего нового, хотя в его глазах мелькнула надежда, что следующий день мог принести ему решение на наболевший вопрос. Он пригласил прислужника подойти к нему и присесть рядом. Вербер немного отпрянул от его предложения, но мешкать не стал. Тот присел на кровать, но уже занял гораздо больше места на ней, чем её хозяин. Молодой правитель пытался продолжить свою речь, но постоянно путался в словах, стараясь подобрать правильные, и никак не мог решиться высказаться. Тратить время на бесполезную болтовню Верберу совершенно не хотелось, тем более его ещё ждали дела, поэтому он перебил принца на полуслове, который заикаясь, пытался выговорить длинное и, видимо, малознакомое ему слово. Он был ошарашен дерзостью прислужника, хотя и давно не считал его таковым, всегда искренне огорчался, когда тот переступил границы дозволенного. Но сегодня принц закрыл глаза на это, и после уставшего вздоха слуги, продолжил речь. Всё же, немного смущаясь и даже боясь, хозяин рассказал прислужнику свой план, который он строил на протяжении долгих дней, и чем больше тот вникал в его суть, тем больше удивления читалось в его глазах. Эльрик и сам понимал, что план не идеаль-

но продуманный, но ничего ему в голову не приходило.

49. Ульвадра

Беременной девушке трудно давались мысли о том, что супругу она более неинтересна. Она вспоминала все последние встречи с ним, и чувствовала, как с каждым разом нарастает холод между ними. И если бы в былые времена она была только рада этому, сейчас – гложет и терзает душу. И здесь ей на помощь приходила Асвида, которая могла утешить девушку и поддержать напутственным словом. Ещё совсем недавно Ульвадра и слушать бы не стала старуху, зная её жизненный опыт, которого по сути не было, но сейчас совсем другое дело. Она вслушивалась в каждый звук, что доносили уста няньки, и даже очевидные вещи открывались для неё, с другой стороны. Старуха пыталась донести, что супруг как хищник, добился расположения, и отныне она не интересуется его как добыча. Самое страшное, что он может позариться на новую дичь, совсем забыв о старой. Этого Ульвадра допустить никак не могла. Супруга решительно была готова объяснить в чувствах с Эльриком, и только собралась отыскать его, как он опередил ее. Зайдя неспешно в покои супруги и ласково обняв, провел ладонью по выступающему животу. Впервые за долгое время молодой муж проявлял к ней нежность, и та забыла обо всех тревогах, слова Асвиды выветрились из головы, освободив от беспокойных мыслей. Принц, чувствуя свою вину, просил прощения, оправдывая себя нестабильным временем и постоянным на-

пряжением. К тому же он жутко переживает за отца. Ульвадра понимающе кивала, ей и вовсе не нужны были его оправдания, ей хватало того, что он сейчас с ней, как это было и раньше. Лишь его взгляд не мог избавиться от тревоги, и она подумала, что эту мелочь стоит простить ему. Принц, держа за плечи, пообещал, что больше не станет пренебрегать ей и будущим наследником, ведь это самое дорогое, что у него есть. И в честь своих извинений позвал Ульвадру присутствовать на его тренировочном бою с прислужником Вербером. Он, будучи верным рыцарем, заслужит прощения дамы своего сердца победой в бою. Девушка не могла противиться такому предложению, и как только супруг оставил её, она сразу начала собираться на предстоящий турнир, ища подходящий наряд.

В полдень сего дня Ульвадра сидела во главе главной арены, все остальные места были заполнены жителями городка, среди которых в основном были женщины. Они переговаривались между собой, слабо понимая, зачем их позвали сюда, ведь раньше только их мужьям было позволено присутствовать на подобного рода поединках. К тому же они и сами никогда не любопытствовали происходящему на сражениях. Все разом замолкли, когда в центре арены появились две фигуры. Женщины слабо могли разглядеть, кто именно затеял дуэль, лишь самые зоркие из ближайших рядов смогли признать в одном из них молодого короля. Это сразу распространилось через все ряды, сопровождалось неодобритель-

ными возгласами. По мнению многих, биться в дуэли, в такое время – это чистый вздор, а тем более рисковать собой вышел сам молодой король. Её с ними никак не совпадало. Ей льстило то, что супруг отстаивать честь любимой жены в поединке.

Начался бой, зазвучал звон бьющихся мечей. Оба соперника были практически на равных, никто друг другу не уступал. Когда один шёл в наступление, второй усердно отбивался, а затем проявлял инициативу и набрасывался на противника с мечом. От некоторых моментов Ульвадра непривольно морщилась, прикрывая лицо руками. Меч Вербера бывало, касался железных доспехов Эльрика, в эти моменты девушка сразу же отворачивалась. Но и принц наносил сокрушительные удары, отбивая дуэлянта. Бой уже длился довольно долго, и по противникам было заметно, что они оба выдохлись, но уступить никто из них не собирался. Удары становились все тяжелее, звон металла раздавался всё громче, соперники кричали друг на друга, пытаясь пробить доспехи. В какой-то момент Вербер сбил шлем с головы принца, и его меч проскользнул по его лицу, мгновенно окровавив его. Глубокая рана прошла ото лба до носа, острый металл вонзился в его кожу и безвозвратно повредил его правый глаз. Душераздирающий крик Ульвадры раздался в мертвецкой тишине замершей арены.

Девушка слабо помнила, что происходило после. Здоровое сознание вернулась к ней, когда она уже была в своих поко-

ях, а рядом с ней, как всегда была Асвида, готовая пожалеть и поддержать. Она тут же кинулась с расспросами к старухе о супруге, но та лишь пожимала плечами, молчали в ответ. Конечно, старая ожидала этих вопросов и уже пыталась расспросить о состоянии молодого короля, но все словно канули в бездну. Ни единая душа, населявшая замок Земли Вен, не знала, что произошло с их королём.

Ульвадра не хотела дожидаться плохих новостей о супруге, поэтому решила разузнать всё сама. Молодого мужа она нашла в его покоях. Тот отдыхал в постели, но будто дожидался её прихода. Его лицо было перемотано белой тканью, которая уже окрасилась в алый цвет. Лишь волевой подбородок и губы были свободны от повязки.

Супруга тихонько вошла в комнату. Вид принца пугал её, тревожил. Она переживала за его дальнейшее состояние, но показать свою тревогу и слабость она не имела права. У сильного мужа должна быть сильная жена. Ульвадра неслышно прошла вглубь комнаты, присела рядом с ним, наклонилась к его лицу. Прикрыв свои глаза, она нежно коснулась его губ. Его губы поцеловали в ответ. Девушка резко открыла глаза, понимая, что человек с повязкой на лице – это не Эльрик.

50. Вельвичина

Растерзанное тело лежало на залитой кровью кровати. Багровый ручей стекал медленной струёй и растёкся по каменному полу. Собравшиеся придворные толпились у входа, дрожали и боялись подойти к королеве. Лишь появление

Дагфара вывело их из ступора, но никто из них не ступить и шага ближе к окровавленному телу. Супруг подошёл к ней и легонько подхватил на руки. Понять дышит она или нет, он не мог. Пытаясь ощупать её, гладил пальцами по шее и запястьям, стараясь ощутить пульс. Его грубые руки скользили по холодной коже. Испуганными глазами, совсем не моргая вглядывался в неё. Чувство вины переполняло его за случившееся, ком застрял в горле, делая его дыхание частым и тяжёлым, голова закружилась, предательски помутнело в глазах. Дагфар пытался совладать с собой, как тут заметил, что его пальцы испачканы кровью, и сейчас он чувствует, как тёплые капли стекают по его лицу.

Повитуха тихонько подошла ближе к мужчине и слегка приобняла его, отчего тот вздрогнул. Старуха провела ладонью по его макушке и еле слышно прошептала, чтобы он оставил их, и забрал с собой толпу придворных, что любопытствуют у входа, да зря. Он старался прислушаться к шёпоту, но сразу понял и сделал как та велит. Начал подниматься с кровати, ноги не слушались и совсем не хотели подчиняться его действиям. Собравшись духом и последние силы в себе, Дагфар покинул покои супруги и выпроводил испуганных слуг.

Повитуха глядела на Вельвичину и не произнося ни звука, шевеля одними только губами, повторяла "Живая... живая...". Ходила вокруг кровати и всё время беззвучно повторяла: «Живая... живая...». Она даже не смотрела на неё, гла-

за блуждали по разным углам комнаты, везде, где она могла не видеть кровь. Из такого состояния вывел ворох, который она услышала у постели. Резко оглянувшись, она заметила, как из-под кровати королевы вылезла волчица с окровавленной пастью. Напуганная с трясущимися лапами, она вышла и глянула на королеву, затем взгляд устремился на старуху, который напугал её. В глазах женщины не было ни страха, ни ненависти к преступнице или осуждения. Губы старухи перестали шептать, и она громко спросила волчицу, не жалеет ли она о содеянном? На что Дэя помотала головой в стороны. Она не хотела смерти сестре, не хотела причинить ей вред, и тем более ребёнку, но просить её истребление потомства она не могла. Она лишь об одном жалела, что яд подействовал на волчат, а не на неё саму. Повитуха попросила хищницу лишь об одном, чтобы та зализала окровавленную рану королевы. Этим она может спасти её.

51. Вербер

Суэта и крики переполняли трибуны. Толпа ревела, люди вставали со своих мест и вглядывались, что там происходит на арене, и понять было несложно. Окровавленный принц лежал на спине, сжимая меч в руке. Вербер склонился над ним, решив осмотреть нанесённую рану. Лицо искажил страх, а тело пробивала лихорадочная дрожь. Он корил себя, что не рассчитал удар. Лицо принца было залито кровью, было заметно, что правый глаз повреждён, обильно кровоточит глубокий порез, ведущий от самого лба, раскрыл

бровь и щеку. Принц лежал без сознания, и прислужник решил лично отнести хозяина в его покои. Осторожно подняв его на руки, раненый принц издал тугой вздох, будто последний воздух вышел из его груди. Этот вздох слышал только он, и это было понятнее любого слова о помощи. Уже уходя с арены, Вербер, чуть оглянувшись, заметил напуганную толпу, которая стекалась к месту боя. Тогда же поспешил унести своего хозяина прочь.

Испуганная Ульвадра дрожала, будто от самого холодного ветра, что пронзал её тело и не могла заставить себя сдвинуться с места. Пытаясь осознать увиденное, она никак не хотела поверить в происходящее, была уверена, что, если бы ей рассказал кто-либо о случившемся, она бы приняла всё за злую шутку. Постепенно зрительские места опустели, и девушка осталась одна. Мысли путались, страх пленил тело, отчего ей становилось больно. Казалось, что каждый вдох сопровождается ударом по груди.

Вербер с легкостью подхватил тело Эльрика и поспешил с ним в замок. Но понёс его не в личные покои, а в оружейную, где сам часто ночевал, устроившись на соломенной перине. Там его уже ждали припасы, которые помогли в дальнейшем залечить раны. По пути прислужник всё время извинялся, и хоть тот не слышал его, он продолжал вымаливать прощения у своего хозяина. Принц сам просил провести бой, который бы выглядел правдоподобно, чтобы никто и подумать не мог, что прислужник поддаётся своему хозяину. Вербер

сам следил за пригодностью орудия, поэтому все мечи, что хранятся в оружейной, настолько острые, что могут прорезать человеческую кость, словно провести им по воде. Зайдя в тёмную оружейную, он положил хозяина на солому, и зажёл несколько факелов, чтобы самому хорошо осмотреть раненого. Бережно умыв его лицо чистой водой, прислужник содрогнулся, увидев последствия их боя. Лицо Эльрика разделял шрам, правый глаз был глубоко рассечён, что вряд ли он сможет видеть им. Его пальцы, едва коснулись кровавого рубца, и тут же раненый открыл левый глаз и взвыл. Он вопил и кричал, то ли от боли, толи оттого, что всё пошло не по плану. Помощник пытался успокоить его, но никакие слова не могли заставить принца умолкнуть. Молодой правитель едва дотронулся пальцами до лица, и пройдясь легонько по свежей ране, понял, насколько она глубока. Проведя указательным пальцем по месту, где ещё недавно был его правый глаз, и чуть углубившись в образовавшуюся ямку, принц закричал ещё громче, а после упал без сознания на солому.

Прислужник всё же решил действовать по ранее оговорённому плану, посчитал, что отступать уже поздно, и не зря же прошли все эти жертвы. Он раздел лежащего Эльрика, подстелил на соломенную перину мягкий бархат, что прихватил из спальни принца, обмакнул кровоточивые раны белой ветошью, укутал его в тёмно-бордовую ткань и закидал сверху соломой. Так, даже если кто-то и заглянет в оружейную, не найдёт принца. Сам же он надел испачканные кровью

вещи Эльрика и тихонько пошёл в его покои. На его удачу по пути не встретил ни единой души.

Зайдя в комнату хозяина, он внезапно задумался о том, что впервые находится здесь без его присутствия, и сейчас он уже не подчиненный раб избалованного мальчишки, а обладатель этих роскошных покоев. Вальяжно устроившись на кровати, он чувствовал, что так мягко не спал прежде, раскинул в стороны руки и ноги, наслаждался королевскими покоем. Он никогда не жаловался на плохое содержание, но после ночей, проведённых на колючей соломе, ощутил разницу, и надо сказать, теперь ему совершенно не хотелось возвращаться. Блаженную негу прервали мысли о заключённом плане, Вербер вскочил с кровати, начал полностью маскироваться под принца, чтобы наверняка не вызвать подозрений. Переодевшись, снова взгромоздился на мягкую перину, но тут же заметил, что испачкал чистую постель грязной одеждой Эльрика, попытался оттереть грязно-алое пятно свободным рукавом, но размазал его ещё больше. Бросив это дело, он обмотал грязной белой тканью пол лица, закрыв правый глаз, и лёг в постель.

Вскоре дверь спальни приоткрылась. Он не видел, кто зашёл, но чувствовал, что это та, кого ждал. Ту, которую должен убедить в подлинности принца – Ульвадру. Слыша приближающиеся лёгкие шаги, едва напрягся, закрыл глаза, попытался почти не дышать. Отстранившись от зрительного контакта, он чувствовал тонкий аромат, который сразу

узнал. Перед ним сидела девушка с заплаканными глазами и молча смотрела на него. Вербер же, лежал неподвижно, хотя каждая следующая секунда, проведённая в таком положении, ломила его тело, и кожа начала чесаться, будто всё тело вмиг покрылось волдырями.

Лжепринц не слышал сидящую рядом девушку, она, в свою очередь, старалась сдерживать эмоции, чтобы не расстраивать любимого супруга, но всей кожей, которая чесалась ещё сильнее, ощущал её присутствие, теплоту и заботу. Она вдруг склонилась над ним, и нежные уста коснулись его губ, на что тот сам того, не ожидая также поцеловал в ответ. Вмиг Ульвадра отстранилась и пристально вглядывалась в перемотанное тканью лицо лежащего парня. Мысли были сбиты с толку, но внутренний голос бил тревогу, крича ей, что это не Эльрик. Вербер же затаил дыхание и не решался открыть глаза, чтобы не выдать себя. Перестав ощущать ее дыхание, стал прислушивался к каждому шороху, в надежде, что услышит шаги, что поведут к двери. Так и случилось. Девушка также тихонько пошагала к выходу и закрыла за собой дверь. Парень еще какое-то время оставался в прежнем положении, ожидая, что она могла вернуться, но этого не произошло.

52. Эльрик

Все его тело колело от соломы, которая ощущалась через мягкую ткань. Принц попытался раскрыть глаза, но почувствовал лишь острую боль, но всё же сдерживал себя, что-

бы не шуметь. По впиваятся в тело соломе, он понял, что находится в стоге сена, что лежит в оружейной, на которой часто отдыхает Вербер, но не знал, находится ли он сейчас один, или в комнату мог случайно зайти ещё кто-либо, поэтому старался сдерживаться и не шевелиться слишком резко. Но это с трудом выходило. При каждой попытке перевернуться, в его тело впивался острый кончик соломы, отчего он взывал. Решившись уже покинуть неудобный кокон, вдруг услышал, как кто-то вошёл. Пытаясь прислушаться, затаил дыхание, его тело сжалось, а сердце бешено колотилось. Ему казалось, что находящейся в комнате слышит каждый стук. Любопытство распирало хотя бы мельком взглянуть на зашедшего, но страх быть замеченным останавливал его, заставляя не двигаться. Минуты ожидания затянулись, он размышлял, кто же мог посетить оружейную? Ведь если это был Вербер, то несомненно, дал бы о себе знать, и уж точно вытащил его отсюда. До него доносились нечастые шаги, которые то приближались, то отдалялись, и совсем сбили его с толку. Более никаких звуков неизвестный не издавал. Эльрик затаился, решив ждать и надеяться, что незваный гость скорее покинет комнату. Но ничего не происходило. Не было ни шорохов, ни других звуков, которые пытался уловить спрятанный. Ничего. Но и скрежета открывающейся двери он тоже не слышал.

Находясь в одном положении, его тело стало затекать, лежать было совсем неудобно и больно, и на свой риск, он мед-

ленно начал переворачиваться. Звуков со стороны так не наблюдалось, поэтому чуть осмелел и перевернулся со спины набок. Но тут же тяжёлые шаги зазвучали снова и приблизились к нему. Испугавшись, замер, задержал дыхание... но от этого он слышал сопение стоящего рядом с ним. От сильного страха и волнения, почувствовал, как забурчал его живот, и через секунды услышал, как неизвестный начал тормозить стог сена, что буквально закрывал его. Уже от отчаянья быть замеченным, он придумал план отступной, обвинив во всего прислужника, но даже не успев поразмыслить, почувствовал режущую боль, что резко пронзила его тело. Затем ещё и ещё. Мысли о страхе и разоблачении вдруг ему показались чем-то незатейливым и далёким, и даже смешным. Зачем было разыгрывать такое представление и всё усложнять, когда можно было просто уйти, не говоря никому ни слова. Вдруг возник образ отца, который, как обычно был недоволен сыном, обвиняя его в предательстве. Эльрик стремился доказать ему обратное, но не смог произнести ни слова. Сейчас и правда ощущал себя слабым и предателем. Он бросил не только отца и будущего наследника, также предал свою честь, как рыцаря, как мужчины, как человека. За этими размышлениями вдруг понял, что не чувствует боли. Нет ноющей боли у глаза, и те новые раны уже не болели. Он смотрел, как отец, облачённый в искорёженные доспехи, с окровавленным лицом уходит от него прочь, по туманному полю, на котором лежат тела после крупной битвы. Принц взгляды-

вається в них, видить тех воинов, которых когда-то провожал вместе с Ормаром на бой. Снова взглянув вслед отцу, лишь заметил, как тот растворился в ядовито-зелёном тумане. После туман настиг и его.

53. Ульвадра

Тяжёлые ноги плохо слушались, и как только она пыталась пуститься бежать, то спотыкалась, но всё же могла устоять. Дыхание перебивало воздух, который никак не заполнял лёгкие частыми вздохами. Облокотившись о холодную стену спиной, Ульвадра решила перевести дух. Её руки обхватили большой живот и прижимали его плотнее, она будто боялась, что его могут отнять. Минуту, другую, и уже успокоившись, пошла дальше, но более торопиться не решалась.

Неспешно бродя по тёмному замку, коридоры которого лишь тускло освещала луна, она пыталась сложить мозаику сегодняшнего дня, уж больно он богат на события. В голову лезли самые нелепые и страшные мысли, от некоторых она испытывала негодование, а от других – холод проходил по спине. Но здоровой мыслью стало то, что Вербер убил принца, чтобы захватить его место и власть. Более логичного оправдания придумать не удавалось.

Утром Ульвадра проснулась с больной головой, что мешала ей спать всю ночь. Асвида пыталась укротить мигрень, накладывая горячие компрессы на лоб, но в этот раз снадобья не помогали. Жаркое солнце добралось до створок небольшого окна, но его всегда хватало, чтобы осветить простор-

ную уютную комнату. Сегодня же яркие лучи не радовал хозяйницу, и она приказала няньке закрыть свет плотной тканью, что та сразу выполнила. Из головы Ульвадры не выходили мысли о супруге и его местонахождении. Она пыталась отвлечься, подумать о чем-то приятном, но с каждой минутой страх возвращался и нагнетал сильнее. Помощница пыталась заставить девушку поесть, хотя бы покормить дитя, но и это не помогало отвлечь её. От некогда задорного и весёлого нрава остался лишь пустой взгляд.

Глухой стук мигом разрядил обстановку, который повторился ещё несколько раз. Глаза Ульвадры тут же загорелись. Должно быть, муж пришёл навестить и всё ей объяснить, и только она хотела крикнуть, чтобы гость вошёл, как вспомнила, что совсем не одета для приёма. А муж не должен видеть такой. Асвида тут же подскочила к ней, помогая скорее надеть ей яркое платье, цвет которого тускнел в приглушённом свете комнаты. Старуха попыталась собрать пышную копну волос девушки, но та вырвалась от неё и разом распахнула тяжёлые шторы, что прятали от комнаты солнечный свет. И только после этого, она отозвалась на стук и велела войти. Ульвадра присела на край кровати, руками пытаясь собрать волосы в косу, на лице сияла улыбка от грядущей встречи с мужем, но после скрипа открывающейся двери, в комнату вошёл Вербер. Улыбка моментально пропала с лица девушки, а грустный облик прислужника тревожил ещё больше. Он медленно прошёл и долго не мог начать раз-

говор. Хозяйка комнаты терпеливо ждала, не произнося ни звука, хотя внутренний голос кричал и бился в истерике. Она понимала, что новости он принёс не радужные, сжав руку в крепкий кулак, она всё же вымолвила... что желает знать, где находится супруг. Опечаленные глаза прислужника взглянула на девушку, и он тихим голосом рассказал о том плане, который придумал сам Эльрик.

Отец принца Ормар терпел поражение на поле боя, но не мог забрать сына и дополнительное войско на подмогу, так как должен быть уверен, что их род не прервётся, в случае если его сына настигнет гибель в бою. Но после того как он узнал о беременности Ульвадры, начал готовить сына к тому, чтобы брал командование на себя и вёл рыцарей на бой. Однако, этого и боялся Эльрик. От его видимой силы и храбрости не было и следа, поэтому новость о скорой битве пугала и терзала его до ужаса. И тогда он придумал план побега. Но уйти среди бела дня, и даже посреди ночи может быть опасно, кто угодно заметит его и попытается вернуть. А вот суматоха после поражения и его ранения собьет всех с толку, и тогда без труда покинет территорию Земли Вен. Конечно, он знал о добром сердце своей супруги, и знал, что она захочет навестить его, поэтому пришлось пожертвовать лицом, мечом по которому ударил Вербер, чтобы потом обвязать его повязкой. Тогда жена не поймёт, что её супруг уже ушёл далеко за пределы замка, и не будет его искать. Вербер не мог перечить своему правителю и хозяину, и поэтому вы-

полнил все его указания, какими низкими бы они не были. И в защиту своей чести он обязуется лично возглавить военный поход, который ранее предназначался для Эльрика.

Глаза Ульвадры наполнились слезами, а во взгляде читалось смятение и непонимание. Она не верила в рассказ прислужника, считая всё выдумкой. Она попросила его покинуть покои, на что Вербер пытался возразить, говоря о том, как сильно он сожалеет, что помог хозяину в побеге, и просил лично простить его, за то, что не донес на него раньше, иначе его не миновал гнев правителя, а за ним казнь... но Ульвадра криком заткнула его и прогнала.

Мысли о том, что супруг оставил её, будущего наследника, замок, свой народ и земли не укладывались в голове. Образ сильного, смелого мужа рассыпался, и словно пыль разлетался по комнате, отчего заставлял неприятно кашлять, попадая в горло. Она держала руками крепко живот и тихо плакала, будто боялась, что кто-то может увидеть её слёзы.

54. Ормар

Гостю были выделены отдельные покои в одной из многочисленных комнат замка, в отличие от оставшейся с ним разбитой армии. Больных и уставших воинов было приказано разместить в конюшне, где их любезно расположили на высоких стогах сена. Никто из них не стал возражать, каждый был рад снять тяжёлые доспехи и как следует выспаться. Но перед этим не мешало бы сытно поесть. В конюшню зашёл невысокий юнец, который тащил за собой большой

чан. Пешие обрадовались ему, и видя, как он приближается в их сторону, чувствовали, как бурчали голодные животы. Но разочарование постигло, когда он отправился разливать из чана воду для лошадей, а заодно натаскал им сена.

Один из воинов – Агнар, окрикнул конюха, чтобы тот подошёл к нему, но парень лишь оглянулся на него, даже не удостоив секундой внимания, продолжил заниматься работой дальше. Воина обескуражила его реакция и он окликнул того снова, но теперь конюх даже не шевельнулся в его сторону. Тогда тот решил подойти к нему сам. Грубым и низким голосом он поинтересовался, почему же коней кормят раньше, чем уставших и голодных рыцарей? Молодой конюх, не оглядываясь в его сторону, набирал сено вилами и перекладывал в стойло, и как только закончил дело, тихим и отстранённым голосом ответил, что приказа о кормёжке скота не было, а уход за лошадьми – это его инициатива.

Ормар присоединился на пиршество, устроенное Гамли. Они сидели рядом друг с другом, но ни один из них не обмолвился ни единым словом. Король Степных Вен хоть и был ужасно голоден, старался есть по чуть-чуть, будто еда его не интересовала вовсе. Изредка замечал язвительный взгляд хозяина замка, которые выражали жалость, брезгливость. Не удивительно, если он и высмеивает его, слабого, поверженного правителя. Но выяснять это не было совершенно никакого желания, как только Ормар поел, выпил несколько бокалов горячительного, и тут же покинул общий

пир, гости которого только начинали напиваться. Хмель не смог одурманить его разум, несмотря на его усталость и подавленность.

Оставшись один, в комнате, что любезно предоставил Гамли, его сердце защемило от жалости к самому себе. Он ненавидел себя таким, разбитым, разгромленным, и не мог найти оправдания в своём поражении. Поражению над самим собой.

Проснувшись после долгого сна, Ормар чувствовал себя уже гораздо лучше. Ему предстоял разговор с хозяином Верхних Холмов, от которого зависела его дальнейшая судьба. Аудиенция пройдёт в тронном зале, где его уже ждёт хозяин замка, восседая на высоком стуле с огромной деревянной спинкой, что уходит в потолок. Ормар ни разу бывал в этом зале, но впервые они оказались здесь наедине. Кроме трона, которое уже занимал король, больше ничего не было, где бы мог расположиться Ормар, поэтому стоял перед ним как простолюдин, пришедший просить милостыню. Так он себя и ощущал.

Чужестранец надеялся на их почти родственные связи, долгую дружбу и поддержку, поэтому рассчитывал на положительный исход. Король Степных Вен просил друга о помощи, о пехотинцах, об оружии, которым сможет захватить земли Замкнутого Леса, на что получил однозначный отказ. Гамли хоть и дорожил их союзом, но прекрасно понимал, мирное время, когда можно смело позволить, отдать часть

солдат на верную погибель прошло, а значит, каждый пехотинец, каждый лучник, каждый оруженосец на счету. Более того, Гамли высказался о плате за оказанную им помощь, на что Ормар опешил. Он никак не ожидал такой мелочности и заносчивости давнего друга и союзника. Также прекрасно осознавал плачевность личной и городской казны. Но не о золоте и драгоценностях просил король, чем ввёл в ступор того окончательно. Хозяин дома заберёт в личное владение оставшихся воинов и полудохлых лошадей. Правитель Степных Вен не верил своим ушам. Он недоумевающе смотрел на него, и слова не мог вымолвить. Сам же правитель Верхних Холмов оглядывал его гордым взглядом победителя. Один из самых умных и опасных лидеров повержен, остался ни с чем, да ещё и с погибающим городом.

Чужестранцу ничего не оставалось делать, как только уйти ни с чем. Молча развернулся и направился к выходу из зала. Почти дойдя до двери, он услышал от Гамли, что дни его гостеприимства сочтены до завтрашнего утра.

Ормар, еле перебирая ногами, вышел из тронного зала, и чем дальше отходил от него, тем быстрее были его шаги. Но направлялся не в комнату, где ему предстоит отдохнуть перед долгой дорогой, а в конюшню, надеясь застать там пока ещё своих воинов.

Зайдя в тёмное помещение, услышал тихие разговоры и залихватистый смех людей, которых, несомненно, сразу узнал. Он поспешил навстречу голосам и ту же столкнулся с Агна-

ром. Тот как раз доедал огромный кусок мяса. С довольной улыбкой подошёл к правителю и просил поблагодарить покровителя за его радушие, ведь сам вряд ли сможет сказать ему об этом. Но Ормар не хотел слушать о восхвалении предавшего его друга, отвёл того подальше от остальных и поручил ему дело, которое может стоить ему жизни. Благоклонная улыбка тут же пропала с лица воина, и он преданно выслушивал его задание. Ормар поручил ему как можно скорее добраться до Земли Вен и подготовить Эльрика на военный поход, но не в Замкнутый Лес, а сюда... Агнар был удивлён кардинальной смене плана, но привык выполнять приказы без лишних вопросов. Он ненароком глянул на дохлых лошадей, что плелись с ними после боя, понял, что добираться до родной земли ему придётся долго. Поэтому чуть поразмыслив, он запряг одного из самых мощных коней, что содержались в конюшне, и рванул к Степным Венам.

55. Фредерикус

Он привык к полупустому замку. Порой в голову приходили мысли, о том, зачем нужен огромный дворец, если он не был даже и в большей часть его комнат. В детстве часто старался сбежать от нянек, чтобы лично исследовать неизвестные части замка, но его быстро находили и возвращали к занятиям. Однажды ему удалось провести учителей и улизнуть от них, но в этот раз сделал всё по-другому. Спрятавшись в тёмном шкафу, маленький король дождался, когда взрослые разбредутся его искать, побежал в противопо-

ложную сторону от них, и оказался в той части замка, где ещё не был ни разу. Всё вдруг стало чужим и пугающим, жутким и тёмным, будто солнце не посещало эти места, хотя сейчас всего за полдень. Стены неизведанной части замка не были похожи на те, к которым привык. Тусклые, серые стены уходили вдаль узким коридором, и чем дальше он шагал по нему, осторожно перебирая ногами, тем больше холодок пробегал по спине. Дальше было ещё темнее, но он не отступал, любопытство перебарывало страх.

Почти в самом конце коридора мальчик заметил маленький мерцающий свет. Должно быть, его нашли учителя, и сейчас он был рад им, как никогда раньше, поэтому бодро направился навстречу. С каждым шагом свечение было всё ближе, и теперь он мог разглядеть фигуру, которой принадлежал огонёк. Вскоре перед ним оказался взрослый мужчина, ростом почти вдвое выше его, со смуглым лицом, чёрными кучерявыми волосами, что закрывали его лоб, и яркие голубые добрые глаза. При его возрасте и росте лицо казалось детским, и Фредерикус подумал, что, если бы видел только его лицо, то захотел бы поиграть с ним. Но сейчас перед ним стоял незнакомый человек, который также удивлённо рассматривал его.

Незнакомец первый нарушил тишину, и поклонившись маленькому королю, поинтересовался, не заблудился ли тот? Мальчишка же мгновенно отреагировал, ответив, что сбежал от назойливых педагогов, и он ищет приключения, и с

кем мог бы поиграть. Мужчина легко улыбнулся ему и предложил свою кандидатуру, на что Фредерикус сразу согласился. Юный правитель начал быстро говорить, рассказывая правила игры, которую он придумал сам, при этом так торопился, что обрывал некоторые слова недосказанными, отчего сложно становилось понять его суть. Мужчина лишь ласково улыбался ему, он протянул мальчику руку и предложил пройтись, пока ото расскажет подробнее об игре. Фредерикусу нравилось то, что незнакомец так внимателен к нему, не говорит, что всё это ерунда, и что нужно заниматься полезными вещами. Иногда он даже забывал, что разговаривает со взрослым человеком, а не сверстником. Высокий мужчина держал его за руку, и повёл по длинному коридору замка, потом они вместе поднялись по лестнице, перешли в другое крыло, как вдруг Фредерикус заметил, что его новый друг привёл его в королевские покои, где уже галдели испуганные педагоги и няньки. Мальчишка расстроился, что новый друг оказался предателем, он вырвал от него руку и направился к ждавшим его учителям. Но мужчина окликнул его и сказал, что в свободное от учёбы время, с удовольствием поиграет с ним. От этих слов обида на незнакомца прошла, снова подбежал к нему, неловко спросив, что в ходе интересного разговора, забыл спросить его имя. Мужчина рассмеялся, и подтвердив своё невежество тоже, хотя, конечно, сразу узнал маленького короля, назвал имя Вербер.

Острый оскал, оказавшейся перед лицом, растекающаяся кровь, что ручьём вытекает из тела и неистовая боль, что доводит до судороги, повторялись раз за разом, как только королева закрывала глаза. Старая повитуха не отходила от неё ни на шаг, всячески стараясь унять её боль. Вельвичина большее количество дня проводила во сне, совсем не вставая с постели, а когда приходила в себя, то просила, чтобы ей подали малыша. Старуха старалась как можно дольше не показывать мальчика матери, чтобы та меньше волновалась, но королева настаивала на своём. Когда же, она всё же взяла в руки сына, и развернула его, она тут же разрыдалась. Повитуха хотела только забрать мальчика из рук матери, но та не отдала его, любуясь им. Его шерсть на лице была мягкая и приятная на ощупь, Вельвичина нежно трогала его, боясь разбудить сына. Когда она снова погружалась в сон, всё чаще она бредила, и вскрикивая, просыпалась, состояние оставалось крайне тяжёлым, и какие бы травы ни накладывала повитуха на открытые раны, ей ничего не помогало.

Кроме старухи, королева запретила посещать и интересоваться её здоровьем. Но шли дни, а улучшений не наблюдалось, Дагфар каждый день приходил к постели, пока супруга спала. Он долго смотрел на неё, не произнося ни звука. И как только Вельвичина начинала шевелиться, говорить во сне, он спешно покинул королевские покои. И каждый раз перед уходом, Дагфар оглядывался в сторону повитухи, в надежде увидеть положительный кивок, но в ответ лишь получал

грустные глаза, которые говорили больше слов.

Те дни Вельвичина отказывалась от еды, практически не пила воду. Каждую минуту сознания она проводила с Петрусом. Повитуха плотно пеленала мальчика, чтобы тот не вертелся, и ненароком не причинил матери боль. Королева держала его на руках, прижимала к себе, и каждый раз при этом, причиняла острую боль, отчего глаз текли слёзы. Но она всегда улыбалась, держа его. На следующее утро Вельвичина снова попросила подать ей младенца, но сил его держать не оставалось. Она не могла поднять голову от подушки и вытянуть руки, чтобы взять его. Повитуха глядела на истощённое тело, пыталась заставить её есть хотя бы немного, но который раз получила отказ. Невзирая на нежелание, старуха всё же приготовила отвар из полезных трав, сытный бульон и заставила немного поесть. Вельвичина с натяжкой попыталась улыбнуться, что далось ей довольно тяжело. Тихим голосом она произнесла, что ещё никто в жизни так не уговаривал её поесть, ни няньки, что пытались накормить ещё в детстве. Они сразу сдавались после капризов, отпустить питание на самотёк. Отец тоже мало принимал участия в жизни. За королевскими делами, которые занимали у него много времени, остальном же – он витал в облаках и рассуждал о дальних странах, путешествиях. И лишь когда досыта наслаждался мечтаниями, вспоминал о ней. Но обычно к этому времени девочка уже спала. На следующее утро всё повторялось, и так каждый день. Но вопреки всему, Вельвичина очень любила

отца, как бы ей ни было одиноко в те годы. Она дорожила каждой минутой, проведённой с ним. И по воспоминаниям, это было самое чистое, светлое и доброе время в детстве.

Повитуха пристально смотрела на королеву. Тихий скрипучий голос пронзал её душу, так что на глазах наворачивались слёзы. Она и не могла подумать, что за короткое время она так прикипела душой к королеве, и за внешним упрямством и властностью, скрывается добрая сердцем девочка. Старуха вспоминала капризы королевы, то как тяжело им далось совместное пребывание, ведь никто из них и не думал уступать друг другу. И если Вельвичина смотрела на повитуху с высоты положения, гордо держа при этом корону, старуха давила своим опытом и мудростью, и отчасти всегда была права. Сейчас те склоки казались глупыми, и ей очень бы хотелось, чтобы смеялись они над этим вместе.

От воспоминаний её отвлек проснувшейся Петрус. Наследник закапризничал, расплакался, нарушив тишину, что процветала в покоях. Повитуха взяла мальчика на руки, пыталась укачать его, запеленали и прижала к себе. Держа его, прижимая к себе, она подошла к постели Вельвичины, чтобы она посмотрела на сына. Окликнула ее по имени, чего никогда раньше не позволяла, она поднесла мальчика к ней, но ответа не последовала. Повитуха чуть громче произнесла имя молодой матери и повторила его снова. На четвертый раз ее голос задрожал.

Королева будто спала. Растрёпанные длинные волосы спа-

дали с подушки на плечи, закрывая раненую грудь. На лице читалось спокойствие и безмятежность, глаза закрыты, а на губах застыла лёгкая улыбка.

57. Дагфар

Пройдёт немало времени, но ожидания Фьётры так ничем и не закончатся. Она больше не вернулась, и никаких вестей от неё не поступало. Щемящее сердце тётушки подсказывало ей, что это неспроста, с женщиной случилась беда, не иначе. За несколько дней, которые чужестранка провела в пансионе, они мало общались, но этого хватило, чтобы убедиться в безалаберном отношении к жизни. Проще ей думалось, что та оставила сына на попечение, видя, в каких условиях они с ним оказались, ведь бродячая жизнь не сулит лёгких доходов, а так оставалось прокормить только себя. Не покидала и та мысль, что с ней могло что-то случиться. Горожане не особо жаловали чужеземцев, и она рисковала нарваться на не самых гостеприимных жильцов, но об этой ей было страшно думать. Она видела, как нервничает Дагфар, и как он каждый день ждал, когда появится мама. Шло время, и с каждым новым днём, мальчик всё реже вспоминал о ней, и вскоре его ожидания прекратились навсегда. Дафф не могла отпустить сироту на улицу, к тому же мальчишка сам прикипел к ней и приняла решение, что сама воспитает мальчика, сделает из него добропорядочного человека, что могла загубить Фьётра. Она старалась не показывать пренебрежительное отношение к ней, дабы не ранить чувства осиротевшего

мальчика, но в глубине души надеялась, что она не вернётся никогда. И её слова были услышаны.

Дагфар быстро вырос, из тощего нескладного мальчика превратился в высокого, крепкого парня, к 15-ти годам на две головы стал выше тётушки. Она не могла перестать любоваться им, и непременно гордилась собой, считая это своей заслугой. Так-то и было. Дафф не жалела сил и средств на воспитание сироты, и мальчишка всегда отвечал ей взаимностью на заботу. Нянька старалась приобщить мальчика в семейное дело, пригласив стать своим компаньоном в пансионе. Но мальчика влекло совсем другое.

Бывали времена, что в доме дела шли скудно. Постояльцы частенько задерживали плату, а новые богатые клиенты посещали нечасто. Хозяйка дорожила каждым гостем, и даже если тот проживал в долг, она относилась с пониманием, и всегда доброта возвращалась к ней. Ни разу она не прогнала того, кто нуждался в крыше над головой. В один из скудных дней в дверях пансиона появился старик с густой короткой бородой, которая округляла его вытянутое лицо. Глаза его были настолько бледными, что казались совершенно бесцветными. Денег у него было немного, их хватало всего на две ночи, но по итогу, он больше месяца прожил под присмотром. На этом настоял Дагфар, лично прося тётушку оставить его. Дафф долго не могла согласиться с ним, приводя доводы на то, кормить ещё одного постояльца за свой счёт они не вытянут. Но парень не уступал и утверждал, что

старик вернёт всё с лихвой. Тогда хозяйка пансиона сдалась. За годы жизни с ним, она так и не научилась отказывать ему.

В ту ночь Дагфар не мог уснуть. Жаркий летний сумрак не оставлял надежд на свежий воздух, и он решил прогуляться до берега моря. Тихонько выйдя из дома, чтобы не потревожить тётушку, направился к воде. Он любил бродить один по песку, всматриваясь в далёкий горизонт, куда уходила бескрайняя гладь воды. В эти часы там никого не было, и никто не мешал ему поразмышлять, помечтать, подумать обо всём. Бывало, так, что он засыпал на берегу, а испуганная опекунша утром искала его по всем комнатам пансиона. Но в эту ночь его уединение нарушил некий незнакомец. Его силуэт видно было издалека, но узнать не нему человека было невозможно. Парень расстроился, что придётся делить это место ещё с кем-то. Подойдя ближе, он удивился, узнав в незнакомце старика из пансиона. Тот обратил внимание на пришедшего парня и легко улыбнулся ему. Они вместе уселись на песок и молча слушали шум прибоя. Старик нарушил тишину, сказав, что скучает по морю, и готов отдать всё, чтобы снова почувствовать его стихию и мощь. Парень не понял, о чём тот говорил, считая, о чём можно скучать, ежели оно здесь рядом. Тогда старик рассказал, как некогда был капитаном судна. Сколько себя помнил, большая часть жизни проходила на корабле, в море. Именно там-то и ощущал себя полностью свободным и живым, что нельзя сказать о том состоянии, в котором сейчас, с возможностью зайти в

море лишь по колено.

Дагфар с упоением слушал его рассказ о дальних странствиях, путешествиях по морю и жизни на корабле, и его глаза засияли от волнения. Старик рассказывал не только о путешествиях и землях, которые ему посчастливилось пови-
дать, позже поведал о том, как устроен быт на корабле, учил вязать узлы, а над курьёзными историями из жизни моряков они смеялись вместе. Впервые он проявлял подобный интерес к чему-то. Ему было невтерпёж снова и снова заводить разговоры о море и кораблях, а старик, видя его интерес, подначивал его, чтоб когда-то они вместе отправятся в плавание. Парень улыбался шире от этого, мечтая и представляя, как их корабль рассекает буйные волны...

Прошло больше месяца с момента появления старика в пансионе, тётушка была не против его проживания, хотя больше никакой платы тот не вносил. Она наблюдала, как поменялся Дагфар с его появлением, видела его интерес и горящие глаза. Ей было страшно представить, что когда-то мальчику пришлось бы отправиться в море, путь даже с таким опытным человеком, но успокаивало то, что на здешних землях кораблестроение давно заброшено, никто не заплывает в море дальше, чем может поймать рыбу на продажу.

Всё изменилось в одночасье. Маленький король, что с младенчества правил Верхними Холмами подрастал, с каждым разом вовлекаясь в жизнь города и народа. Но и не изменял своим мечтам возобновить судоходное сообщение с

ближайшими землями. Поэтому по поводу он объявил набор на группу моряков, что могли бы помочь ему в этом. Узнав эту новость, Дагфар был крайне взволнован. Он сообщил весть старику, но тот даже не поверил ему, считая это брехнёй и выдумками. Какое его ожидало удивление, когда сам Фредерикус утвердил их в свою команду.

Для одних мечты, а для тётушки это стало страшной новостью. Она, конечно, тоже не раз слушала про подвиги старика, и относилась к ним не более серьёзнее, чем к страшным захватывающим историям, которые рассказывают мальчишки. Сейчас же мысль о том, что её мальчик отправится в море, доводило до ужаса. Она пыталась поговорить с Дагфаром, убедить его не принимать опрометчивых идей. Уверяла, что замыслы короля основаны только на одних и тех же мечтаниях, что и у него, но никаким опытом это не закреплено. Парень же отказывался прислушиваться, пропуская любые аргументы мимо. Он лишь улыбался ей, прося отпустить его во взрослую жизнь. Возможно, этого Дафф и боялась... отпустить мальчика. В море, в армию короля, да куда угодно.

В назначенный день команда Фредерикуса собралась у причала корабля, который вот-вот покинет земли Верхних Холмов. Огромный парусник величественно венчал пирс, у которого собрались, казалось, все жители города. Тётушка медлила всё утро, долго собиралась, еле-еле готовила обед, которые Дагфар и старик возьмут с собой в плавание. Из рук, как назло, всё валилось, и даже самые простые движения на

кухне давались ей с трудом. Когда будущие мореплаватели поторопил её, парень заметил слёзы в глазах, и чтобы успокоить любимую няньку, крепко обнял, прижав к себе, и тихонько сказал, что это его жизнь и мечта, и он будет очень рад, если тётушка разделит с ним его радость. После этих слов она улыбнулась.

Уже перед отплытием, Дафф передала парню кулёк с едой, просила его беречь себя обязательно вернуться к ней. Тот же, улыбаясь, снова обнял её. Тётушка сильнее прижалась к нему и сквозь подступавшие слёзы, назвала его своим сыном. Услышав это, улыбка сошла с лица Дагфара, отодвинул ее от себя и пристально посмотрел ей в глаза. Она повторила, что уже давно считает мальчика своим сыном, и сейчас, как никогда, гордится этим. Парень молча глядел, но ничего не мог ответить ей. Его отвлекли ударом по плечу. Оглянувшись, заметил, что команда поднимается на борт судна во главе с королём Фредерикусом. Он снова обнял няньку, и оторвавшись от неё пошёл к трапу. Глаза Дафф наполнялись слезами, сдерживаться от них уже не могла и громко разрыдалась. Дагфар восходил на борт корабля.

58. Ормар

Дождаться утра и с позором быть изгнанным из некогда дружественного замка Ормару не хотелось, поэтому своё пребывание в гостях друга Гамли решил завершить под покровом ночи. После ужина он стащил небольшое количество еды, и как только мгла накрыла Верхние Холмы, пробрался в

запертую конюшню. Свою армию ему уже не вернуть, но бросать верного жеребца не собирался. Сейчас в нём было сложно узнать боевого коня, с которым они множество раз одерживали победу. От некогда величавого, мощного, сильного скакуна не осталось и следа. Перед ним стоял тощий конь с редкой облезлой гривой и проплешинами по всей шерсти. Седла, в которое ранее был запряжён жеребца прежде, не было, тогда Ормар позаимствовал снаряжение, которое принадлежало хозяину конюшни. Новое удобное седло, которое явно было лучше предыдущего, порадовало мелкого грабителя, он запряг им коня, взобравшись на него, отправился прочь из Верхних Холмов.

Путь предстоял долгий и тяжёлый. Оставив город далеко позади, утро странник встретил в густом лесу и прохладной тени. Но, чем дальше отдалялся от Верхних Холмов, тем реже становился лес. Деревья уже не тянулись до самого неба, а сквозь зелень всё больше прибавилось палящее солнце. Преодолеть такой путь не каждому под силу, но, Ормар не боялся дороги, ведущей в родные земли. Мысли о захвате оставленного им города не покидали голову. Он прекрасно осознавал, что в честном бою победа ему не сулит. Численность армии Гамли превышала его в несколько раз, а после поражения во вражеском захвате, ему вряд ли снова удастся сбежать. Никакие былые союзнические отношения с королем Верхних Холмов не спасут его от казни. Но Ормар был готов поставить на кон всё, что имел, в том числе и свою жизнь.

В планах не мог обойтись без даже сына, на которого возлагал большие надежды. Множество раз тот присутствовал на тренировочных боях на мечах между сыном и его личным прислужником, который был физически сильнее, выше и опытнее Эльрика, но тот всегда с легкостью брал над ним верх, оставляя прислужника побеждённым. Именно вдвоём они одержат главную победу. Только так будущий наследник сможет жить так, как полагается королям по крови.

59. Вербер

Те дни Эльрик мало с кем общался, всё больше времени проводя взаперти. Ни слуги, ни супруга не интересовали его, и каждую попытку навестить его жёстко пресекал. Вербер несколько раз старался прорваться к нему, даже через силу, но результата не дало, и решил оставить принца наедине с собой, сочтя это королевской прихотью. Заносчивые капризы уже давно не трогали прислужника, он привык к подобному поведению и не вмешивался не в свое дело. Сейчас же его начинали беспокоить выпады принца о надвигающемся военном походе, которое он всячески хотел избежать. Переубедить Ормара оставить сына в родном замке не предвещали положительного исхода, к тому же он был осведомлен о положении Ульвадры. Повода избежать воли отца не оставалось.

Вербер занимался не только тем, что становился тенью наследника короны. За время, проведённое вместе ним, часто вступал в тренировочный бой. И хоть показательные выступ-

ления перед Ормаром всегда проигрывал, мечом владел отменно. Как только истинный король Степных вен оставил город, доступ в оружейную комнату стал для прислужника свободным, чем с удовольствием пользовался, каждый день оттачивая мастерство.

Упражняясь с мечом, наедине с собой, отпускал те мысли, что ему не суждено применять навыки в бою. Но тогда же представлял себя во главе войска, где он на равных с главнокомандующим правителем. Но пока Эльрик будет прятаться от себя самого, боясь выйти на поле битвы, он так и останется одиноким воином. Его движения были плавные, отточенные, лёгкие, меч становился продолжением его руки, а упражнения превращались в танец. Выкладывая всю силу в удар, он разом разрезал мишень, не оставляя на ней живого места.

Закончив глубоко за полночь, он возвращался в замок. Ночь окутывала длинные коридоры, принося с собой долгожданную прохладу и глубокий сон. Это время было самое любимое для него, тогда, казалось, что весь замок принадлежал только ему. Вернув меч в оружейную комнату, он присел на стог сена, переводя прерывистое дыхание. Пот стекал по лбу, свисая капельками с локонов чёрных кудрей. Лённая засаленная рубашка липла к телу, и резким движением он избавился от неё. Приятная усталость давила на виски, а гордость за проделанную тренировку овладевала им, вызывая улыбку. Закрыв глаза, он наконец расслабился, развалившись на стоге сена. Ночь практически успела забрать в

объятия сна, как вдруг он услышал тяжёлые шаги снаружи. Нечастые гости попадают к нему в такое время, что его удивило, и он решил узнать, кому же не спится. Выйдя в длинный коридор, по которому скользил промозглый холодок, прислужник увидел лишь отдаляющийся силуэт крупного мужчины. Узнать его со спины не представлялось возможным, и перебрав несколько вариантов, кто бы это мог быть, почти никто не подходил под параметры шедшего вдаль человека. Несколько мгновений он ещё смотрел вслед незнакомцу, и тут же пошёл за ним, увеличивая шаги. Долго гнаться за ним не пришлось, ночной гость и не думал скрываться от погони, а даже желал быть замеченным. В незнакомце Вербер узнал давнего соратника Агнара. Он безумно удивился его неожиданному появлению в замке, тем более без остальной армии и без короля Ормара.

Агнар, уставший с дороги, добрался до кухни, чтобы набить изголодавшейся желудок перед отдыхом, и каково было его изумление, когда он взглянул на ничтожные остатки запасов еды. Уже практически ничего не осталось, почти израсходованный тюк зерна, набитый мешок муки и развешанные сухие ветки с жёлтыми потрескавшимися листьями. Вербер шёл за ним следом, и видя его обескураженность перед плачевным состоянием замка, оправдывающимся голодом сказал, что в запасе имеются ещё несколько полудохлых коней и пару коров, но молока не дают. Всех птиц, коз они уже забили. Сам, он признался, что и вовсе не заходит сюда,

а пробует охотиться за дикими птицами, мелким зверьём. Агнар совсем забыл о своём голоде и присел на пол, взявшись руками за голову. Он поведал о поражении армии в Замокнущем Лесу, их трусливом отступлении и побеге на землю Верхних Холмов. И также доложил, что пока ещё действующего короля Степных Вен не сломило поражение, а одурманило его голову только больше, ведь отныне его цель – Верхние Холмы... но как нападать на укрепленную сильную армию, будучи побитыми в боях, уставшими и голодными. По приказу Ормара – сын возглавит пехоту, правитель возлагает на это большие надежды. Вербер опешил от такого исхода, но ещё сильнее пугала позиция самого Эльрика, ведь он всячески пытался избежать военного похода.

60. Эльрик

Ранним утром прислужник более настойчиво попытался прорваться в покои молодого правителя, но безуспешно, тот никак не реагировал на его призывы о мужестве и просьбе взяться за ум. Тогда он решил привлечь к действию Агнара, и это сразу же сработало. Как только мужчина хриплым голосом поприветствовал своего короля, дверь спальни открылась. Его вид удивил их обоих. Скомканные лохматые волосы, что почти закрывали пол лица, глаза, что виднелись под копной спутанных локонов, были пустыми и безжизненными. Тёмные круги выдавали его бессонницу и страх перед неминуемым. Увидев старого знакомого, его взгляд оживился моментально, а на только что унылом лице появились

очертания улыбки. Он вопросительно вскрикнул, неужели война с Замкнутым Лесом закончена, и армия вернулась домой? Агнар же рассказал ему всё, то что мог ему было известно на тот момент. Эльрик тогда поник ещё больше. Его взгляд упал на пол, и он не смел поднимать его, смотря в одну точку. Военный не стал долго задерживаться, и после короткого рассказа, покинул королевские покои. Вербер остался с ним, хотя и надеялся быть изгнанным. Но король молчал, сидя на краю кровати, сгорбился в спине, не шевелился, и казалось, даже не дышал.

Прислужник уже не знал, сколько прошло времени, как вдруг Эльрик оживился, подняв голову, обратился к нему, предлагая присесть рядом. Это было совершенно не свойственно ему, и чуть поколебавшись, верный слуга принял его просьбу. Король ещё недолго молчал, и нерешительным дрожащим голосом начал говорить о том, что не хочет идти на погибель. Разбитая армия доказала, что они не были готовы к неповиновению с их стороны, а самонадеянность Ормара лишь сгубила их. Ослушаться отца он не мог никак, без видимых на то причин, а переубедить его в нападении на Верхние Холмы и вовсе станет себе дороже. Но, у него есть слабое место, за которое он сильно держится, это его род. Отец не допустит, чтобы древний знатный род прервался! Вербер слушал хриплый и дрожащий голос Эльрика, но никак не мог уловить суть его мыслей, и какими бы намеками он ни высказывался, разобраться в его ребусе не удалось. Разозлившись,

король прокричал, что для того, чтобы избежать нового военного похода, нужно избавиться от наследника! Эти слова словно ударили прислужника по ушам, они звенели в его голове, и сперва ему казалось, что он имел в виду совсем другое. Но принц подтвердил свои слова. Ошеломлённый крик правителя сменился на недоумевающий и презренный шепот, в ту же секунду он хотел забрать свои слова обратно. Прислужники одновременно встали с края кровати, смотря друг на друга. Взгляд короля был полон отчаяния и лишь долей надежды, он молчал, но глазами умолял прислужника согласиться на его спасение. Вербер ничего ему не ответил, а только молча покинул его, оставив в одиночестве.

61. Дагфар

Жизнь в замке Верхних Холмов будто приостановилась. Тишина поглощала длинные коридоры и комнаты, в которых раньше кипела суета. Редкий служитель замка отправлялся по своим делам, и в мгновение пропадал, растворяясь во мраке тёмных углов, куча не дотягивались лучи солнца. Со времён прощания с королевой никто не видел Дагфара и Петроса. Слуги и советники переговаривались между собой шёпотом, будто боялись, что супруг королевы мог услышать их, боялись за его самочувствие и тревожились за младенца.

Старая повитуха пропала из замка в тот же день, когда вдовец сообщил и трагичной кончине супруги. Куда она направилась, никто не знал, да и мало кто интересовался её исчезновением. Престарелые прислужницы шептались, что

старая навлекла беду, приобщив волчицу к родам наследника, но обернулось всё еще хуже, чем предполагалось.

Той ночью Дагфар впервые крепко заснул, спустя все те дни, что почти не смыкал глаз. Его переполняли чувства злости и обиды. Он жалел, что так мало времени уделял супруге, и подчинялся прихотям, допустил до расположения повитуху и волчицу. Корил себя за проявленную слабость и неосмотрительность, а ведь изначально он клялся, что будет защищать свою королеву от всех невзгод, но не смог уберечь. Малыш Петрос совсем его не беспокоил, мальчик оказался очень смирным, а когда начинал капризничать, отец брал его на руки, нежно прижимал к себе и пытался успокоить младенца. Петь колыбельные у него не получалось, грубым голосом только пугал сына, поэтому мычал ему мотив той песни, что когда-то пела ему Фьётра.

Он стал чаще думать о матери, о их прошлой жизни, бродячей, полной лишений и голода. Вспомнил, как ему приходилось просить милостыню, как воровал монеты из карманов прохожих, как крал еду, чтобы ненадолго утолить голод, но вспомнил, как мама успокаивала его, когда укладывала спать. Каждый раз она обещала, что завтра всё станет лучше, и он снова верил ей. От того, как сложилась бы его жизнь сейчас, где он был, и кем он стал, не попадись на их пути добрая нянька, которая смогла дать ему то, что Фьётра давать не намеревалась или была не в состоянии.

В голове всплыли воспоминания о мудром капитане, ко-

торый стал для него настоящим другом и наставником, сильным плечом, которого ему так не доставало эти годы, и вспомнил тот злополучный день, когда его жизнь снова перевернулась, как и корабль, на котором он отправился в первое плавание.

Наступившее утро сменило ночной штиль на небольшую качку. Палубу шатало из стороны в сторону, но почти все моряки уже привыкли и смогли приспособиться к волнениям на воде. Тяжелее всех доставалось Дагфару. Каждый раз его выворачивало наизнанку даже от небольшой качки. Все его мечты о путешествиях разбились крахом, но хуже ему было оттого, что их общим мечтам со старым капитаном не суждено сбыться.

Отсидевшаяся в каюте, молодой юнга держал перед собой медное ведро, оно уже не раз выручало его. К нему присоединились старый капитан и ещё молодой король Фредерикус. Они были с ним практически одного возраста, практически одного роста, были и схожи их черты лица. Они оба заметили сходства при первой встрече, и, хотя не подали виду, это бросалось в глаза. В остальном они были полностью отличные. Сильный духом и волевой Дагфар привык многого добиваться самостоятельно, в его мире всего можно было добиться силой, и если не физической, то моральным аспектом. Здесь же действовали иные законы, и как на берегу Верхних Холмов, так и на судне, во главе стоял мечтательный, добросердечный Фредерикус, который в жизни само-

стоятельно добился лишь того, что удачно родился. И если на суше их интересы практически не пересекались, то здесь, в маленьком миреке, он должен подчиняться ему, и быть с ним любезным. Парень не очень жаловал появление короля в каюте, но возразить ему не мог. Старый капитан, отшучиваясь, хлопал юнгу по плечу, смеясь, что не о таком приключении тот мечтал, а бледный мальчишка лишь мог выдавить улыбку из себя. Фредерикус молча стоял в углу, когда снаружи волна захлестнула на борт, и потеряв равновесие, он рухнул на пол, разбив голову о дверной косяк. Старик лишь ахнул от неожиданной тряски, а Дагфар крепче ухватился за ведро. Из головы Фреда сочилась кровь, и капитан решил, что лучшим средством будет промыть рану спиртным. Король даже не понял, что тот имел в виду, еле поднялся на ноги и присел рядом с помутневшим юнгой.

Вскоре старик вернулся, пошатываясь, еле успевая хвататься за дверные косяки, вошёл в каюту. В руках держал бутылку крепкого вина. Молодой король было подумал, что этим собирается промыть его рану, но капитан рассмеялся над его предположением, и откупорив бутылку, передал ему в руки. Юнец ни разу в жизни не вкушал крепкие напитки, поморщился от резкого запаха, что ударил его в нос, и тут же глотнул несколько раз. Он ощущал, что вот-вот выплюнет горячительную терпкую воду, но пересилил себя и проглотил. Дагфар хихикал над его реакцией, хотя сам помнил, как-то же вино впервые пробовал с капитаном, ещё когда они

мечтали о плавании. Он взял у того бутылку и смело хлебнул, но тут же поднёс ведро ближе к себе, ощущая рвотные позывы. Это вино было в несколько раз крепче того, что он пробовал, да и вообще засомневался, что это за напиток был на самом деле. Лишь старик не мог сдерживать смех перед ними, и забрав бутылку себе, гордо сделал несколько больших глотков и даже не поморщился.

Распив почти всю бутылку крепкого вина, им заметно стало веселее, и никто уже так остро не реагировал на усилившуюся качку. Капитан громко смеялся над мальчишками, видя, как они захмелели, и на его удивление, сильный и крепкий Дагфар захмелел быстрее короля. Оба глядели друг на друга и посмеивались, один отпускал шуточки о морской болезни, второй – о нежном характере. В голове Фредерикуса щёлкнуло возмущение, и только хотел грубо ответить юнге, как вдруг понял, что парень говорит истину. Поведал новым друзьям о том, что с самого рождения его оберегали от всего, слуги боялись, чтобы мальчик лишней раз не перетрутился, но и не давали полной свободы, посадив на королевский трон ещё младенцем. Он и жизни-то не видел, а уже пришлось править городом. Его голос стал тусклым после этих слов, он чуть склонился и продолжил рассказывать... Ему сложно жаловаться на жизнь, как могут подумать другие, но и существование в замке тоже беззаботной не назовёшь. Единственным утешением для него была нянька Асвида, которую он любит как родную мать, которую не знал.

Фредерикус уже не подшучивал над ним, глаза его были серьёзными и даже печальными. Он взял слово, пытается рассказать о своём грузе на душе, но долго не мог подобрать мысль, мялся и зажимался. Рассказав вкратце о жизни с Фьётрой, чем вызвал негодование короля. Фред ни разу не общался по душам с простыми людьми, предельно не понимая, как живут люди за пределами его замка. Дагфар отхлебнул еще вина и продолжил рассказ. Когда в его жизни появилась Дафф, он впервые почувствовал себя ребенком, маленьким мальчиком, которому тоже нужна была забота и ласка. Фьётра дать ему ничего не могла, она просто этого не умела. Но вкусив той сладкой беззаботной жизни, возвращаться на улицу ему не хотелось, а оставшись с матерью, исход был бы очевиден. Дагфар повернулся лицом к капитану, продолжив рассказ, говоря, что знает историю с той стороны, что нерадивая мать бросила сына на попечение доброй тётушки, решив за него сама, на деле всё было иначе. Голос парня мрачен и становился тише, что некоторые слова не были слышаны, но переспрашивать и перебивать никто не решался. Фьётра не могла не заметить, как сблизились отношения между сыном и хозяйкой пансиона, и в какой-то мере с укоризной смотрела на них отношения, видя, как мальчик тянется к ней, общается и весело проводит время. Сколько она себя помнила, у них не было такого никогда. Их отношения сложно было назвать родительскими, скорее более партнёрскими. Сын понимал, по какому пути

им предстоит пройти, и они всегда держались друг за друга, и шли на выручку. В этом была их связь. Дафф же показала ему настоящую материнскую любовь и заботу. Почувствовав тепло и искренность, мальчик уже не хотел возвращаться к потребительскому отношению, к вечным побегам, воровству и голоду. Будущий принц знал, что они остановились здесь ненадолго, но вот покидать это место ему уже не хотелось, и в один из вечеров, когда мать начала подготавливать мальчика для нового странствия, обиделся на неё, за то, что та заставляет его делать то, что он не хочет. Более не желает слоняться по улицам, приставать к людям, не станет бегать и прятаться, просить или воровать еду. Женщина понимала его, пыталась утешить, обнять, успокоить, но сын вырвался и выкрикнул, что тётушка ему больше мать, чем она, и лучше бы ему жить с ней. Изумленная Фьётра чуть отстранилась от него, смотря обескураженным взглядом. Лучшей матерью она себя не считала, но пыталась дать сыну то, что действительно может пригодиться ему в жизни, а сказки о море и сладкие пирожки впоследствии только размячат его, а с таким багажом сложно будет выживать на улице. Его слова затронули за живое, предательства от сына она ожидать не могла. Больше не произнося ни слова, они улеглись спать. В тот день, когда Фьётра в последний раз попросила тётушку присмотреть за сыном, она уже знала, что оставляет его навсегда, и уходила с надеждой, что Дафф не бросит мальчика и воспитаёт его лучше и достойнее, а Дагфар так и не смог

извиниться перед ней за слова, которые очень тяготили его эти годы и часто вспоминает её, но понимает, что искать бесполезно. Что она хорошо умеет, так это прятаться и сбегать.

Парень едва договорил, как сильный толчок стряхнул их с кровати. Корабль начало качать по сторонам, что устоять было невозможно. Захмелевший капитан не успев ухватиться за стол, кубарем повалился сверху на парней, зацепив лбом деревянную столешницу. Быстро осознав неладное, они поднялись и выбежала на палубу, где уже всю царила паника и страх. Волны захлёстывали на борт, сметая всё на пути. Матросы изо всех сил держались, кто-то, не надеясь на свои руки, привязали себя к мачте, но тем самым ухудшили положение. Сильные волны били ему прямо в лицо, что он не успевал вдохнуть воздуха. Испуганный Фредерикус смотрел на ломающуюся корабль, разорванный порывами ветра парус. Людей уносило в море, смывая волнами. Юнга и капитан бросали канаты тем, кто оказался за бортом, пытались вернуть их, но те не могли уцепиться, чтобы их вытащили. Волны били сильнее, унося людей глубже под воду, кого-то уносило далеко от корабля. Фредерикус заметил, как на них надвигается огромная стена воды. Непредельный страх сжимал его сердце. Он видел, как его друзья пытаются совладать с кораблём, помочь пострадавшим, но сам не мог сдвинуться с места. Дагфар едва заметил, как король убегает вниз в каюты, и чуть оглянулся в сторону капитана, увидел неподдельный страх на его лице. В ту же секунду огромная волна

снесла их обоих за борт.

62. Ормар

Палящее беспощадное солнце обжигало кожу, оставляя волдыри и ожоги. Практически всю ткань одежды он изорвал, пытаясь прикрыть голову, но тем самым раскрывал другие участки кожи, которые тут же обгорали. С каждым днём его путь становился всё тяжелее. Порой он забывал, в каком направлении движется, туда ли идет, не заблудился ли. В самые страшные минуты отчаяния, последние силы поддерживала лишь жажда мести. Ещё никому он не позволял победить и опозорить себя без боя, сдаваться и преклоняться в его правила не входило. Король долго думал, разрабатывал в голове план, как свергнуть презренного Гамли, но, кроме личной дуэли, в которой у него есть шанс отыгаться, он ничего не видел. А сейчас и вовсе, дуэль с кем угодно не сможет осилить. И чем больше Ормар слабел, тем больше его надежды возлагались на сына. Молодой, крепкий, способный воин, который поможет свергнуть правителя Верхних Холмов, и тогда всё встанет так, как, должно быть...

Тусклый вечер с затянутым от солнца небом и душный раскалённый воздух встретили Ормара на земле Степных Вен. Дышать здесь становилось тяжелее, и как бы часто он ни пытался глотнуть воздух, лишь только малая часть поступала в лёгкие. Казалось, что он испаряется даже внутри. Лоб прошибло тяжёлыми каплями пота, а остатки былой рубахи неприятно липли к телу. Король беспрепятственно вошёл в

город, покорившись отсутствию стражей у главных ворот перед входом. Удивление сменилось гневом, и он уже прогонял в мыслях, какое наказание придумать для Эльрика за его безалаберность. Пройдя по пустынным улочкам города, он поразился, как здесь всё изменилось. Полуразваленные дома казались опустевшими, узкие дорожки захламлены отходами, создавая ужасный смрад. Король слез с трясущегося коня и дальше двинулся пешком. Отсутствие людей на улице тревожило его, за время его странствий армия Замкнутого Леса вполне могла нанести враждебный визит, к которому они были не готовы. Он оглядывался по сторонам, отыскивая хоть кого-нибудь, но ему попадались только покосившиеся, заброшенные дома с когда-то плодородной землёй. Сейчас почти вся земля была съедена песком. Постепенно Степные Вены превращались в пустыню.

Пытаясь отогнать тяжёлые мысли, король быстрыми шагами направился в сторону замка. Ему не терпелось оказаться в своих покоях, напиться вдоволь воды и провалиться в глубокий сон. Но чем ближе он подходил к замку, тем громче до него доносился рёв толпы.

Изнывающие крики пугали и манили одновременно, людской ор перебивал друг друга, и понять, о чём галдит толпа – было сложно. Лишь подходя ближе, стало ясно, что весь народ собран на арене, у стен замка, но к самому действию он явно опоздал. Люди покидали трибуны и бурной рекой начали растекаться по городу, уходя прочь от замка. Муж-

чины, женщины, дети шли общим потоком, практически не оставляя возможности пробиться через них, Ормар с трудом пытался шагать против движения, расталкивая шедших ему навстречу. Только сейчас он мог расслышать, что же случилось на королевской арене. Один за одним, жители делились впечатлениями от дуэли Эльрика и Вербера, и всю жалели молодого правителя. Король пытался остановить хоть кого-то из толпы, но кто-то отталкивал его от себя, кто-то обходил стороной. Никто из них не признал в оборванце истинного короля, что ещё больше злило Ормара. Не совладав с агрессией, он вцепился за шею темнокожего паренька и потребовал разъяснений, а тот весело расхохотался и прокричал, что отныне народ свободен! Король убит! Мальчишка ловко вырвался из рук правителя, которые ослабли в хватке. Ормар не сумел произнести ни слова, руки опустились, но по-прежнему пытался сжать кулаки. Кричащая, разъяренная толпа текла дальше и разветвлялась по узким улочкам города.

Мысли терялись, крутились в голове, но тут же пропадали. Казалось, он забыл, как нужно двигаться и говорить, потому что, сдвинуться с места так и не смог. За всю жизнь он не боялся ничего, кроме как проиграть самому себе, но сейчас ощущался тот момент, когда рухнуло всё, чем он когда-то жил и дорожил. Армия разгромлена, преданные люди забыли о нём, сына больше нет... Но после отчаяния в его жилах закипела злость и ненависть, а в голове пестрело

только одно имя – Вербер. Оторвать ноги от земли получалось с трудом, тело словно окоченело, и от каждого движения его одолевала дикая боль, и шагая всё дальше, вместе с ней обострилось чувство гнева и мести.

Пройти в замок и остаться незамеченным для короля не составило никакого труда. И если ещё час назад это вызвало гнев, сейчас не обратил никакого внимания, даже наоборот, ему крайне не хотелось, быть кем-то замеченным. Пробираясь по знакомым коридорам замка, вдруг ощутил тяжёлую пустоту внутри, что давила него, подкашивая ноги. Собрал последние силы, старался откинуть травящие чувства, прежде чем уравнивает справедливость между жалким прислужником и сыном короля. Он сразу направился в оружейную, зная, как часто Вербер бывал там. Раньше Ормар хоть и не жаловал тайных походов мальчишки в оружейную, но никогда открыто не был против того, чтобы прислужник умел владеть мечом, сейчас же злостно корил себя, за то, что подпустил его к орудию, к своему сыну. Дойдя до заветной двери, толкнул её, но поддалась только с нескольких толчков. Войдя в тусклую комнату, король оглядывался по сторонам, и заметил объёмный стог сена, рядом с которым лежал окровавленный меч, подсохшая кровь и изорванные сапоги. Подняв кинжал с каменного пола, пальцами провёл по краю лезвия, чувствуя жар металла и неостывшей крови. Ядовитый туман окутывал разум, в едва освещённой комнате всё поплыло и через мгновение он уже ничего не видел перед со-

бой, неконтролируемая ярость взбесилась внутри, и, не стараясь сдерживать, позволил зелёной мгле овладеть им. Сжав кулак на рукоятке меча, одним шагом достиг стога сена и яростно начал бить по нему острием. К его ногам подступала бордовая грязная лужа. Ещё мгновение он смиренно смотрел на разваленный стог сена, перемешанный с кровью. Бросив сверху него оружие, спокойным шагом вышел из комнаты.

Медленно шагая по темному, узкому коридору, он не сразу осознал, что дышать стало легче. Не было той тяжести, что нёс в себе уже долгое время, что давила на горло и не давала глубоко вдохнуть. Дыхание стало тихим и ровным, что в какой-то момент он подумал, что, должно быть, спит. О, как бы хотелось, чтобы это было дурным сном! Он больше не ощущал злости и ненависти, страха и горя, та пустота, что завладела его телом, останется в нём надолго. Какие-то слова и мысли всплывали в голове, но он не придавал им значения, будто их и не было вовсе. От грузных терзаний его отвлекли приближающиеся шаги. Повернувшись на шум, заметил в темноте, блеклый силуэт. Расплывчатый, тонкий, надвигался всё ближе, приобретал очертания высокого человека с крадущейся походкой. Ормар пытался приглядеться, протерев кулаком глаза, и когда узнал идущего, его сердце на миг остановилось. Чёрствая боль пронзила тело, что он не смог стоять, ноги предательски отказывались подчиняться, и прижавшись спиной к холодной стене, он медленно опускался на пол.

64. Вербер

Окончательно убедившись, что Ульвадра оставила его, Вербер тут же стянул окровавленную ткань с лица и швырнул её в сторону. Он ещё ощущал ее влагу и чувствовал, как лёгкие капли стекают по щекам. Рьяно протерев лицо холодной ладонью, поднялся с кровати и рванул в оружейную. Весь путь он подбирал слова, чтобы переубедить Эльрика совершать побег. Его не покидала мысль, что она обо всём догадается и в дальнейшем ему сложно будет оправдаться перед ней, а если учесть, что именно за ней закрепится должность королевы, хоть и временной... а может, и постоянной... тогда его шкуре придётся несладко. Прислужник не заметил, как ноги сами привели его к оружейной комнате. Повернув на очередном повороте, ведущей к нужной двери, он заметил странного человека, что бродил у входа в оружейную. Для него было непонятно, испугался он или обрадовался, думая, что Эльрик самостоятельно выбрался из комнаты. Вероятно, его раны не столь значительны, а если даже, наоборот, его легче будет остановить. Последнюю мысль держал ближе, так как видел, что человеку тяжело стоять, и буквально скатился по стене на пол. Но подбежав к нему, ужаснулся, узнав в странном человеке Ормара. Никаких слов не смог подобрать, и видя испуганные глаза короля, страх одолевал его еще больше. Вдруг сообразив, он слегка прогнул спину, поклонившись ему. Взгляд короля прожигал насквозь, отчего ему становилось не по себе, глаза пылали

яростью и страхом. Пугающая их обоих тишина прозвучала недолго, и закричав во всё горло, тот кинулся с кулаками на прислужника, колотя его по всему, чему попадал. Недоумевающий и испуганный слуга и не думал отбиваться, лишь старался защититься от ударов. Применяемая сила ослабевала, руки касались тёплого тела, и его взгляд снова переменялся, губы начали трястись, пытался что-то сказать, но слова застревали в горле, донося лишь глухие звуки. Мужчина отошёл от парня, и мрачными глазами смотрел на него. Вербер только попытался спросить о самочувствии короля, как тот оттолкнул его и побежал в сторону запертой двери в оружейную комнату. Подёргав за ручку несколько раз, он зашёл вовнутрь и замер в ужасе. Стог соломы сочился кровью, заливая холодный пол алым ручьём. Правитель окаменелым взглядом смотрел под ноги, как багровая вязь поступает к ногам, и тут же дёрнулся назад, но спиной уткнулся в прислужника, едва не сбив его. Вербер успел ухватиться за дверь, чтобы не повалиться на пол, из-за мощной спины Ормара, ему виднелся только край комнаты, вовнутрь король его не пускал, заслонив вход собой. Ормар больше ничего не говорил и стоял на проходе будто прикованный. Как только мальчишка сделал несколько шагов назад и попытался тихо уйти, правитель Степных Вен окликнул его. Тот не смел возразить ему и вернулся.

Голос изнеможённого отца был холодный, а слова словно сквозняк, пронзали прислужника насквозь. Он поведал, как

ему самолично пришлось убить правителя Замкнутого Леса, его дальнего родственника, давнего друга и соплеменника, и у него не дрогнула рука, когда он пускал прощальную стрелу в его сердце, ни одной мрачной мысли не возникло, когда бил мирных безоружных граждан, которые пытались спастись от них нападения. Сколько пролил крови за всю жизнь ему сложно даже вспомнить. Ведь даже уверял себя, что это для благого дела, он служит людям, а значит, должен ставить свои интересы выше других, оберегая народ от верного голода. А теперь убил собственного сына, пытаясь отомстить за него же... Прислужник понимал, что там в стоге сена сейчас должен лежать он, вместо принца. В его голове вертелись мысли о трусости Эльрика и его плане побега, но рассказать об этом не смог.

64. Ульвадра

Ночь была очень тревожной, что не давала снам поглотить её разум. Ворочаясь с бока на бок, она пыталась понять, она ли она ошибиться, приняв мужа за чужого человека, и всему чувствами она знала, что это так, но всё же пыталась найти объяснение этому. Едва дождавшись рассвета, она снова помчалась в комнату супруга, в надежде увидеть его и поговорить. Но по пути ей попался Вербер, который всячески пытался не пускать в покои Эльрика, чем ещё больше злил и раздражал девушку. Она убеждалась в том, что творится что-то неладное, старалась обойти прислужника, но тот категорически запрещал ей проходить туда. Потеряв самооблада-

ние, Ульвадра закричала, что знает о том, что вчера навещала не супруга, а прислужника, да уже и уподобилась прикоснуться к нему губами. Говоря это, она всем видом демонстрировала отвращение к нему, и уже в приказном тоне велела ей не мешать. Но и на этом Вербер не сдавался, а лишь просил успокоиться и обещал, что всё ей расскажут, но не он... Недосказанность на миг утихомирила её, та отчаянно смотрела на него, словно пыталась прочесть остальное по его лицу и глазам. Но тут же откланялся и поприветствовал короля. Ульвадра смотрела на него как на призрак. Лицо стало белым полотном, и беспокойный холодок трепетал где-то внутри груди. Ормар подошёл к ней и легонько приобнял девушку и погладил выпирающий живот ладонью. Его рука была ледяная, а касания будто наводили стужу внутри. Ещё холоднее становилось от его слов, таких же скользких и промозглых. Видя, как девушка переживает за супруга, пояснил, что ночью Эльрик был направлен на переговоры с правителем Верхних Холмов для заключения союза и дальнейшего переселения всего народа в их город. И также посоветовал скорее собираться, потому что сегодня тоже выдвигаются в путь, а увядшие земли Степных Вен останутся на съедение песчаным бурям. Ульвадра прекрасно ощущала ложь, что говорил ей Ормар, но не могла зацепиться за осквернённое слово, которое бы вывело его на чистую воду. Она только попыталась сказать о том, что вчера принца уже не было в королевских покоях, как и тут правитель оборвал на полу-

слове, сообщив, что супруг сделал это по его личной просьбе, дабы не травмировать её тяжёлым прощанием. Девушка снова и снова прокручивала слова свёкра, но возразить ему было нечем, ибо он даже не давал возможности возразить ему. Всё же, чувствуя себя обманутой, Ульвадра вернулась в личные покои, где Асвида уже хлопотала над её вещами.

65. Вербер

Самостоятельно в оружейную комнату заходить Ормар больше не смел, поэтому руками прислужника решил избавиться от гнетущей ноши. Вербер с тяжестью в груди повиновался ему, и этот приказ выдался самым сложным в его жизни. Оказавшись в комнате, скверный тошнотворный запах врезался в его сознание, что голова пошла кругом. Раскинув засохшую солому с окоченевшего тела Эльрика, он развернул промокшую в крови ткань и глядел в его прозрачно-голубые глаза. Всматриваясь в лицо покойного, он вдруг ощутил ноющую тоску и боль, что скопилась внутри. Парень долго пытался пересилить себя, чтобы дотронуться до него, боясь заставить поверить в происходящее. В мыслях мелькали моменты их жизни, и он мог без раздумий назвать принца – единственным близким и родным человеком, считая, что всё же был для него больше, чем слугой. В тайне был уверен, что Эльрика мучила совесть, когда за его проступки наказание нёс прислужник. Это и было его наказание и воспитание совести. Ему было приятно думать, что тем самым он защищал его. Вспоминая это, на лице проскользнула добрая

улыбка, память отнесла в то беззаботное время, когда они проказничали вместе, и Вербер, зная исход любого баловства, сначала пытался отговорить от плохой затеи, а потом же сам подсказывал идеи для ещё большей проделки. Они вместе любили шутить над прислугой, пугали их, а иногда служащим доставалось сильнее, когда мальчики воображали себя лучниками или рыцарями, поварихи и придворные тут же жаловались Ормару, и получая удары хлыстом прилюдно, прислужник не раскаивался в содеянном, а даже уже знал, как они будут мстить доносчикам. Эльрик в это время шкодил на кухне, портя готовящейся обед, высыпав в котёл с супом горсть соли. Тогда уже доставалась поварихам. Пальцы Вербера едва коснулись лица принца, он провёл рукой по голове, взъерошив волосы, и тут же почувствовал, как глаза наливаются слезами. Сделав от него шаг назад и смахнув накатившую печаль, решил скорее справиться с приказом Ормара.

66. Вигдиса

Побег сломленного и униженного Ормара веселил правителя Верхних Холмов. Всем, кому не лень он рассказывал о его трусости и заносчивости. Даже редкие прислужники назубок знали эту историю. Но не всё так радовало Гамли, как ему хотелось. Он не держал обиду за украденное седло, при малейшей просьбе исхудавшего коня запрягли бы в лучшие поводыя. Но то, что днём ранее сбежал один из воинов Земли Вен, напрягало и злило правителя. И хотя полу

разбитая и полуживая армия Степных Вен сейчас не представляла угрозы, и уж тем более король Верхних Холмов не нуждался в этих людях, прекрасно знал своего давнего друга, что он ушел, чтобы вернуться потом. Глупо было ждать от него батального нападения, ведь Ормар потерял больше половины людей, а вторая половина голодает, он будет действовать другими путями. Ждать его появления было слишком скучным для правителя, поэтому он решил опередить друга и пригласить его на личную аудиенцию. Рассчитывать на его положительное слово стоило хотя бы потому, что он грозил убивать рыцарей, что достались ему в придаток от своего гостеприимства. Короля забавляла эта игра, он часто размышлял, как Ормар отреагирует на очередное унижение, и что предпримет в данный момент. О находчивости злачного друга он знал не понаслышке, поэтому хотел бы видеть это лично.

Помимо давних дружеских и союзнических отношений, Гамли не забывал о родственной связи, которая оборвалась с уходом Вигдисы. Девушка стала доброй покорной женой для правителя Степных Вен, преподнесла ему лучший подарок, что могла дать – родила сына Эльрика, наследника знатного рода. Правитель Верхних Холмов не гнушался называть его продолжателем своей крови, хоть и очень отдалённо. Во времена, когда принц был ещё совсем мал, Гамли часто навещался на Землю Вен, тогда преуспевающего города. Столы ломились яствами, бочки медовухи и вина, казалось, не

закончатся никогда, а красивые девки никогда не давали заскучать.

Тётушки также навещали её, помогали нянчиться с маленьким принцем. Болтливым сёстрам было в радость пообщаться с кем-либо, посплетничать, обсуждая за спинами людей только что увиденное ими. Казалось, замолчать им удавалось лишь во время трапезы, от которой никак не могли отказаться, набивая животу до полна. Но едва жевания прекращались, тут же начинали трещать. Гамли не терпел их болтовни, поэтому всего отправлял их в общество хозяйки дома. Но и Вигдиса с трудом выносила их бесконечные сплетни, хотя никогда не смела перебить их и повесить голос, дабы успокоить дам. Тётушки же воспринимали это как положительный жест к общению. В один из такого вечера все трое восхищались молодой матерью, подрастающим сыном, любящим мужем, расхваливали добрыми словами и поочередно умилялись над ними. Каждая из них громче другой убеждала Вигдису, что именно её воспитание помогло девочке стать тем, кем она является сейчас, считая личной заслугой. И пусть своих детей у них нет и уже не будет, они считают её дочерью, резво подшучивая, что у девочки три матери сразу. Тогда она впервые спросила их о той, кто ее родила. Отец никогда толком не рассказывал ей о ней, а нянькам запрещал поднимать эту тему под страхом казни, и ослушаться его боялись больше всего. После неуместного вопроса в комнате вдруг стало тихо. Все трое вмиг замолчали и украд-

кой переглядывались друг на друга. Старшая сестра, пытаясь уйти от ответа, шутила, что они и есть настоящие матери, ведь вместе воспитали девочку, средняя и младшая подхватывали шутку, разбавляя словами, но голос каждой дрожал и срывался. Младшая сестра, самая румяная и пухлая начала хохотать и приобняла хозяйку комнаты, говоря, что нет смысла вспоминать давно ушедших. Но каждое их оправдание злило девушку и сильнее, и она требовала правдивого ответа. Старшая тётушка, приложив палец к губам, просила её быть тише, и смирившись с неизбежным, рассказала о замученной до смерти Оске.

Охмелевший Гамли прижимал сразу нескольких полуобнажённых девиц, громко смеясь и крича что-то непонятное. Обеденная зала практически опустела, и лишь два короля и главные советники продолжали весёлую трапезу. Они громко кричали, шутили, смеялись, заливая смех терпким вином, часто промахиваясь мимо рта. Как в зале оказалась, Вигдиса никто не заметил. Она подбежала к отцу и силой столкнула с него голую девку. Та плашмя упала на каменный пол, разобрав колени в кровь. Взгляды мужчин тут же переменялись. Ормар был шокирован поведением супруги, впервые видя её истерический крик и слёзы, а Гамли впервые лицезрел такой свою дочь. Девушка кричала и ругала отца за испорченную жизнь не только матери, но и свою, он никогда не сможет заслужить прощения, а то что он так жестоко поступил со своей супругой, вернётся к нему вдвойне. Ормар прижал её к

себе сзади, пытаясь успокоить, чтобы та не могла вырваться. Супруга молодого правителя Земли Вен продолжала громко кричать на отца, называя его бездушным, жестоким варваром, просила, чтобы он убирался отсюда, и прокричала, что отныне у него нет наследников, отрекаясь от его крови. Король Верхних Холмов поднялся с софы и ближе подошёл к дёрганной дочери. Краем глаза заметил три толстых силуэта, что стояли неподвижно у самого входа в зал. Они были далеко от него, и не могли слышать его шёпота, тихие слова, что предназначались для них, но старшая сестра прочитала по его губам, что они будут в этом виноваты. Не успела она вскрикнуть, как Гамли схватил нож и перерезал горло дочери. Уже через секунду Ормар держал обмякшее тело Вигдисы. Он смотрел на разъярённого друга и не мог произнести ни звука, аккуратно положил окровавленное тело на пол и прокричал о помощи. Оглядевшись вокруг, заметил, что остался совсем один.

Правитель Верхних Холмов не стал дожидаться осуждающих разговоров с Ормаром, собрал своих людей и приказал в срочном порядке готовить лошадей и кареты к выезду. Тётушки были вне себя от увиденного, тряслись, прижавшись друг к другу, и впервые в жизни никто из них не хотел говорить. Пришедший в их покои брат напугал их ещё больше, но и он не задавал никаких вопросов, а лишь тихим голосом приказал им выдвигаться в путь. Холодный шёпот сковывал всё внутри, не давая пошевелиться, и только когда он при-

крикнул на них, они закопошились и принялись за сборы.

Гамли ждал сестёр в их просторной карете, решив, что обратный путь проведёт с ними, удобно устроился на мягких подушках, раскинув ноги в стороны. В его голову пришла мысль, почему ему всегда приходится ездить верхом, когда дальние расстояния можно проводить с наслаждением. Сёстры были удивлены его присутствию в карете, и не менее испуганы от этого. Но на их удивление, брат не ругался, не повышал голос, даже улыбался, расспрашивая о том, как они провели здесь время, всё ли им понравилось. Глупые вопросы ставили их в тупик, ни одна из них не смела отвечать. Но Гамли будто и не ждал ответа. Он поведал, что жалеет, что раньше не ездил в карете, считая это уделом барышень, а теперь и сам не против удобного путешествия. Старшая сестра взглянула на брата исподлобья, тихо пробубнив, что они будут рады его компании, на что тот громко расхохотался. Казалось, это напыщенный смех, который он выдавливал из себя, отчего обстановка становилась только напряжённое. Карета быстро везла их все дальше от Земли Вен, унося всё быстрее в ночь.

Наутро сёстры проснулись от шёпота брата, который будил их. Он был бодр и весел, желал им доброго солнечного отличного дня, а ещё пригласил на утреннюю трапезу, что прислужники уже приготовили для них. Страх перед братом начал проходить, но они всё же с опаской поглядывали на него, и до сих пор не общались. Правитель Верхних Хол-

мов не стал их дожидаться и вылез из кареты, и тогда молчание нарушила младшая сестра, назвав их положение бедственным, и чего ждать от короля непонятно. Две сестры согласились с ней, прекрасно зная, что обходительность брата не заканчивается ничем хорошим, и тут же он снова позвал их присоединиться к нему. Они глянули друг на друга и повиновались ему. Выйдя из кареты, с удивлением заметили, что утренняя трапеза их не ждёт, и нет ни малейшего намёка на привал. Женщины оглядывались непонимающе между собой и посматривали в сторону брата. Тот, в свою очередь, пожелал им приятного аппетита и забрался в пустую карету. Как только он захлопнул за собой хлипкую дверцу, весь экипаж тронулся с места. Сёстры кинулись за ними вдогонку, но лошади быстро увозили свиту Гамли далеко, оставляя за собой пыльный шлейф.

Ульвадра

Девушка и забыла, как живописно может выглядеть пейзаж за окном кареты. Раскинутые ветви деревьев, стремящиеся в небо, небольшие кустарники плотно жмутся к величавым стволам долгожителей леса, бархатистое солнце и приятный нежный ветер. Путь на Верхние Холмы был долгим, но Ульвадра наслаждалась каждым днём, проведённым в дороге. После сухой и безжизненной земли Степных Вен, она снова почувствовала себя одухотворённой и живой. В голове мелькали мысли с признанием благодарности Ормару, за то, что он вывез из песчаного плена. Улыбка не сходила с её ли-

ца, что очень радовало Асвиду, которая в последнее время была мрачна. Нянька смотрела на улыбающуюся девушку и тоже пыталась натягивать улыбку, хотя с каждым разом становилось всё тяжелее показывать радость. Мысли о том, что принц смог мирно договориться с королём Верхних Холмов, не могли сложиться в голове, а добрые и лестные слова Ормара словно лезвие – резали по живому. Чем больше он лебезил перед Ульвадрой, тем сильнее боялась за неё.

Приближаясь к земле Верхних Холмов, дорога стала более ухабистая, карету качало сильнее, от чего странникам становилось худо. Какое-то время девушка шла пешком, и тогда к ней присоединился Ормар в сопровождении с Вербером. Часть пехоты и конницы шли впереди, остальные чуть позади. По приказу короля прислужник слезал с коня и вёл достопочтенную даму под руку, свёкор же продолжал путь на скакуне. Парень шёл рядом, но не смел взглянуть, боясь встретиться с ней глазами, считая, что она сразу почувствует ложь. Ульвадра же как ощущала это, пыталась поговорить с сопровождающим, задавая больше вопросов обо всём, включая их детство с Эльриком. Прислужник старался отвечать монотонно и односложно, местами его голос дрожал и терялся, мешался подбирая слова, дабы не сказать лишнего. Девушке было не по нраву такое общение, но выбора другого не было, разговоры с нянькой ей надоели до жути, а с Ормаром она разговаривать боялась. Вскоре на них пути возник огромный холм, уходящий вдаль, и на самом верхнем скло-

не красовался замок Верхних Холмов. Она замолчала и пыталась рассмотреть всё! Оказавшись здесь впервые в жизни, она чувствовала себя, словно вернулась в детство, как в старом добром Замкнутом Лесу.

68. Колла

Извилистая тропа привела женщину в чащу непроходимого леса. Она старалась аккуратно убирать от себя колючие ветки кустарников, но они злостно хватались за подол юбки, раздирая ткань и царапая ноги. Ветви цеплялись, будто не пуская дальше, но Колла прорывалась сквозь них, не обращая внимания на раны. Своими шипами ветви разорвали одежду настолько, что оставили только клочья, свисающие на окровавленном теле.

Пройдя чуть дальше, ноги вязли в тягучей трясине, скрытой под настилом пожелтой листвы. С трудом передвигаясь, она не останавливалась, шла дальше. Трясина затянула исхудалые сапожки. Босыми ногами шла вперёд, забредая всё глубже. Утреннее солнце еле пробивалось сквозь могучие кроны и ветвистые стволы, лишь немного освещая путь. Женщина еще ни разу не забредала так далеко, где лес скрывается от света, но чувствовала, что идёт верной дорогой. Двигаться становилась сложнее, размашистые густые кустарники закрывали собой тропу. Колла ползком пролезала под ними, волосы цеплялись за ветки, и она силой выдёргивала их. В одно мгновение она поняла, что вокруг стало не только темно, но и необычно тихо. Не было ни шороха лист-

вы и ветвей деревьев, ни дуновения ветерка, ни щебетания птиц. Чуть шёпотом, она прошептала имя погибшего супруга, произнося протяжно по буквам, и вслушивалась в свой же голос, размышляя, слышит ли на самом деле или это эхо в голове.

Мрачную тишину нарушил лёгкий, едва уловимый шорох впереди. Он слышался совсем рядом, что, казалось тот, кто издает его, находится на расстоянии вытянутой руки. Женщина замерла и пыталась взглянуть вдаль, найти виновника тревожного шороха, но сумрачный лес спрятал его за собой. Шуршание доносилось всё ближе и слышалось уже с нескольких сторон. Не успела Колла понять, как оказалась окружена.

Семь волков встали со всех сторон, закрыв в свой капкан. Но испуга не было на её лице, оглядываясь по сторонам, она будто искала кого-то среди них, и нашла его за спиной. Самый крупный и старый вожак стаи, опираясь на мощные лапы, смотрел пронзающим насквозь взглядом, вздыбленная жёсткая шерсть оттеняла его облик, оставляя лишь яркие глаза. Они смотрели друг на друга не шевелясь, пока остальные волки едва приближались к ней, замыкая круг. Колла нарушила молчание и поприветствовала короля леса, на что он поклонился ей в ответ, заметно кивнув. Вся стая уселась рядом с ней, плотно окружив, так что она могла касаться их, вожак не пошевелился, продолжил стоять, напротив. Женщина рассказала о трагической ночи, случившейся в горо-

де. О гибели правителя Замкнутого Леса, супруга Мудольфа, который до последнего дыхания был верен своему народу и стоял на защите горожан, но безжалостные налётчики не пощадили его, безоружного. Дома сожжены, многие убиты и ранены, и на этом они не остановятся, пока не истребят весь город. Люди не были готовы к войне, а большая часть из них фермеры, которые и вовсе не состояниии противостоять воинам. Старый волк выразил скорбь по кончине правителя Замкнутого Леса и призвал стаю защититть земли от чужестранцев, после чего шесть волков, окружавших девушку, разбежались в разные стороны, лишь старый вожак остался на месте. Он поведал, что дорожит всеми, кто проживает на этой земле, каждым человеком и маленьким зверьком, и очень сожалеет, что Мудольф безвременно ушёл. Но также заверил, что его уход может прервать тот длительный союз, что был принят их предками, и каждый из представителей мирного пакта клялся ценой жизни поддерживать союз и передавать клятву через всё поколение. Вожак сообщил, что не может безвозмездно послать хищников на неравный бой, и в свою плату он просил её дочь, как единственную наследницу крови Мудольфа. Голос Коллы дрогнул, когда попыталась возразить, ссылаясь на замужнем статусе Ульвадры, и возможно, о скорой беременности, но что волк ни сказал ни слова, а лениво развернулся, и ему почти удалось скрыться из вида, как женщина окликнула его и согласилась на условия.

69. Ормар

Утренний город оживал и отогревался после прохладной ночи. Жители выходили из домов, спешили по своим делам, и постепенно узенькие улочки заполнились суетой и гулом голосов. Споры, крики, смех, всё смешалось воедино, и разобрать что-то одно было невозможно. Шумный город заглушал грохот колёс и цоканье копыт по мостовой, что, казалось, что проезжающий экипаж никто не замечает. Так оно и было. Люди с головой погружались в личные заботы, совершенно не смотря по сторонам и не обращая внимания ни на что. Лишь маленькие дети увязались вслед за повозкой, а когда смогли догнать, она им тут же стала неинтересна. Ульвадра уже давно не видела столько жизни вокруг, она высунула голову в окно кареты и смотрела по сторонам, пытаясь разглядеть всё. От увиденного переводило дух, и улыбка не сходила с лица. Радость дополняла надежда на скорую встречу с супругом, понимая, как сильно его не хватало. Войдя в город верхом на коне, с той же упряжкой, что он благополучно украл у местного короля, Ормар заметно нервничал. Суета вокруг не давала собраться с мыслями, и раздражала только больше. Он то и дело вертелся по сторонам, реагируя на шум, будто поджидая кого-то, и каждый раз, когда кричали дети или городские зеваки, он грубо бранился на них, а они не понимали, кто это и почему обругал их. Вербер ехал верхом рядом с королём, и чуть поглядывал за ним, но больше начинал беспокоиться за его дальнейшие действия. Несколько

раз по пути он пытался выведать планы, которому им всем нужно придерживаться, но вразумительного ответа получено не было. Лишь Асвида не реагировала никак на происходящее, делая вид, что уже сотни раз была в этом скучном городе. Изредка она поправляла скомканный передник, пытаясь расправить его, но от этого он мялся ещё больше. Сначала она одергивала Ульвадру, чтобы та полностью вернулась в карету, бормотала о невоспитанности при её-то положении, но девушка вдруг ощутила лёгкую беззаботность, чувство, которое она утратила давным-давно. И ей снова, казалось, что она маленькая девочка, сбжавшая утром из дома на городской рынок, где торгаши уже вели споры о свежести продуктов, зазывали покупателей, расхваливая свой товар, расхваливая его и броня похожие прилавки рядом. Ей хотелось пробежаться между торговых лавок, попробовать что-то вкусненькое, поторговаться за понравившиеся яства, но как только она хотела выбежать и скрыться в людской толпе, как притесняла свой порыв, садилась обратно в карету и чуть приуныл, обхватывала круглый живот.

Мнение о том, что их приезд останется незамеченным, оказалось обманчивым. На подходе к самому высокому холму окрестности, который был коронован замком, приезжих гостеприимно встречали советники и придворные короля. Они любезно поприветствовали гостей и повели на приём в тронный зал, который, по их словам, буквально заждался их. В глазах Ормара читалось недоумение, но всем видом он по-

казывал свою снисходительность и следовал за вежливыми придворными.

Пройдя через весь замок и поразившись его красотой, Ульвадра пыталась идти медленнее, рассматривая лестницы, ведущие наверх, расписные стены и необычные гобелены, на которых вышиты красивейшие картины. Ей хотелось рассмотреть каждый из них, но Асвида подгоняла ту всякий раз, когда девушка отставала от гостей. Ей на глаза попала картина с морем и кораблём, что идёт сквозь шторм, могучие синие волны захлёстывают парусник, а люди суетятся на палубе, пытаясь спастись. Долго всматриваясь в полотно, ей даже, казалось, что волны действительно качают корабль, а маленькие людишки бегают по нему, пытаясь уйти от шторма. И снова нянька одёрнула её, и повела за руку за собой, Асвида ещё несколько раз оглядывалась на гобелен, поражаясь его красоте.

В тронном зале Гамли ожидал гостей, и даже успел подготовился к встрече заранее. Придворные выстроились в ряд, красиво одетые мужчины чередовались с обворожительными дамами. Они улыбчиво приветствовали гостей, взглядом провожая их. Ульвадра испытывала неловкость от их, казалось бы, добродушными улыбками. Чем больше она смотрела на них, тем сильнее зажималась сама. Помпезность и роскошь зала поражала, одежды придворных дам казались ей не меньшим искусством, чем понравившейся ей гобелен. Даже Асвида была ошеломлена размахом и богатством тронного

зала. Она ещё ни разу не видела такой красивой и дорогой ткани, ей безумно хотелось прикоснуться к ней, представляя, какое бы платье роскошное платье могло бы получиться, и впервые хотела оставить его себе, представляясь придворной дамой при королеве. От этой мысли она даже хихикнула, чем обратила на себя внимание достопочтенных господ, но тут же раскраснелась и опустила глаза.

Бодрым голосом Гамли поприветствовал странников, объявив их добрыми друзьями. Он призвал подойти их ближе к нему, ведь они не просто гости, а королевская знать. Ормар принимал его слова за оскорбление, старался не реагировать на них, не злиться и не выходить из себя. Король Верхних Холмов же язвил сильнее, видя, как трясутся губы оскорбленного, пытаясь сдержать его брань. Он насмехался над ним и откровенно наслаждался этим, считая данное событие своим триумфом, напомнил о трусливом побеге из Верхних Холмов, о мольбах, о помощи, об украденном седле. После каждой высказанной фразы он громче повторял, чтобы даже те придворные, стоявшие в самом конце зала, могли услышать его и поддержать королевскую шутку. После чего он обратил внимание на Ульвадру, замолк на считанные секунды и гнусавым голосом пробормотал, что счастлив за пополнение в королевской чете. Ормар отвел взгляд на сноху, усмехнулся, радуясь и ликуя, что король ошибся, гордо сообщил, что эта девушка вынашивает его наследника, а значит, и будущего правителя Верхних Холмов тоже.

Ехидная ухмылка мигом пропала с лица Гамли, и он недоумевающе смотрел на беременную девушку. Хозяин Земли Вен дополнил, что это единственное, чем Эльрик может гордиться. Перевел взгляд на каждого из них, бегло осмотрев прислужника, что робко стоял чуть позади всех, ошибочно предположив, что тот и есть сын Ормара, следующий король двух государств. Глубоко вздохнул и выпустил воздух из лёгких, спокойно сел в высокий трон и беззвучно прошептал о пленении достопочтенных господ. Из-за живого коридора городской знати появились стражники и схватили каждого гостя. Мужчины пытались сопротивляться, за что получили сильные удары по голове и потеряли сознание. Ульвадра закричала, и звонкое эхо обволокло весь зал. Стражник держал её руки за спиной, не давая ей вырваться. Голос Гамли стал хриплый и чёрствый, он велел разместить гостей как подобает, в темнице замка.

70. Ульвадра

Поглощающая темнота давила на глаза, окутывала собой всё тело и сжимало его внутри себя. Холодная мгла пробирала до костей, что, казалось, они тряслись от страха и одиночества. Отсутствие краёв и опоры сводили с ума и пугали неизвестностью. Нежные пальцы рук бродили по холодному, влажному полу, и добрались до шершавых стен. Ульвадра увереннее приложила ладонь к промозглому камню, пытаясь почувствовать, что находится за пределами, но зловещая тишина лишь отвечала ей. Сколько бы она ни стара-

лась сдерживать себя, страх и паника завоёвывали разум, с глаз потекли слёзы, и чем больше она успокаивала себя, тем громче становился плачь. Не совладав с собой, руки сжались в кулак и начали бить по холодной стене, а мрак раздавал эхо крика. Но в ответ на мольбы оставалась лишь тьма и тишина.

Она закрывала глаза, открывала, всхлипывала носом, водила пальцами по стенам и полу, создавая звуки, чтобы убедиться, что всё ещё слышит, но уже не была уверена, спит ли она сейчас или бодрствует. Встать в полный рост не позволял низкий потолок, плечи упирались в камень, она перемещалась с места на место на коленях, водила руками по стенам, пытаясь понять, насколько далеко может пройти вперёд. Но даже когда добиралась до противоположной стены, сложно понимала, далеко ли она ушла от исходного места. Добираться ползком и придерживая живот, она делала это очень медленно и тут же сбивалась с расчёта территории. Это занятие немного отвлекало от жутких мыслей. Когда же они преобладали, страх брал вверх над рассудком, но больше всего она боялась, что ей придётся рожать здесь одной. И тогда глаза снова наливались слезами.

Громкий скрежет разбудил её. Не понимая, снится ли ей это или просто чудится, она обняла живот и присела. Отворилась тяжёлая дверь, и огненный свет на миг озарил темницу. Ульвадра лишь успела увидеть каменные обшарпанные и исцарапанные стены. Стражник поставил на пол чашку с похлёбкой и тут же снова воцарилась тьма. Глаза непро-

извольню заслезилась, но не от печали, а от яркого света, к которому она уже успела отвыкнуть. Набросившись на миску, она сразу съела содержимое, даже не почувствовав вкуса пищи. С глубоким сожалением она понимала, что совсем не наелась, и от принятой похлёбки разболелся живот. Мучительная боль довела до слёз, и снова она начала истерично бить кулаками в стены, пыталась нащупать потаённую дверь, но так и не смогла найти на ощупь. Силы быстро покидали, и тогда она решила больше спать. Сколько раз и просыпалась, она уже считать перестала. Ей было интересно, какое время суток, идёт ли дождь за пределами этой тюрьмы, и только сейчас она вспомнила о няньке, о муже, о свёкре. Где они, почему их разлучили, что с ними случилось. Как бы она хотела сейчас оказаться в замке Земли Вен, в своей комнате, вместе с Асвидой как раньше, положить голову на колени няньке, и чтобы та рассказывала ей сказки. Впервые она думала о Земле Вен как о своём доме, в котором она была счастлива, и как бы она хотела вернуть то время. Вспомнила бунтарский характер, который проявляла к супругу, и как ей было сейчас смешно и стыдно от этого. Ей не терпелось увидеться с Эльриком, чтобы он заметил большой живот, порадовался за наследника.

Скрежет двери снова разбудил Ульвадру. На сей раз свет, пробившейся через тьму задержался дольше. Стражник шумел снаружи, а когда приблизился ближе, то силой пихнул Асvidу в темницу. После чего также поставил чашку с

едой. Темнота снова окутала тюрьму. Девушка набросилась на няньку с объятиями. Прижавшись сильнее к ней, гладила, держала за руку, говорила, как безумно рада ей, но тут же голос поник. Теперь в заточении они обе.

Намучившаяся женщина подбодрила, сказав, что рада оказаться рядом с ней, где бы она не находилась. Нянька поведала о происходящем в замке, и дрожащим голосом сообщила, что пленница в заточении два дня и за это время пала Земля Вен, лишившись своих правителей. Ормара казнили вчерашним утром, а перед казнью король покаялся в убийстве родного сына Эльрика. Слова её прошлись ножом по сердцу девушки. Она сидела неподвижно, прижавшись к няньке. Она ждала поток из слёз, но глаза оставались сухими. Лишь холодная пустота ощущалась, и казалось, тюремная тьма захватывает изнутри. Прижала ладонью живот и легонько гладила его. Открывала глаза или закрывала их, она уже не понимала. Пленницы жались друг к другу, пытаются согреться, но холод внутри не растопили ничьи объятия.

71. Ормар

Крепкий силой и духом Вербер не хотел сдаваться в руки по-хорошему, но противостоять нескольким вооружённым стражникам он не сумел. Один из воинов сжимал его руки за спиной, другие – нещадно избивали, пока тот не рухнул на пол. Но и после этого истязания не прекратились. Двое подняли еле дышащего парня под и утащили в темницу, приковали руки в кандалы. Запястья пристегнуты к стене, что он

висел на них, едва доставая пальцами ног до пола. Обездвиженного и обессиленного пленника ещё долго били и пинали, пока кровавые подтёки и ссадины не покрыли все его тело, разодранная одежда клочьями свисали, и вся ткань пропиталась его кровью.

Прийти в себя ему помог Ормар. Он дал ему немного воды, что Гамли собственно любезно принёс пленному королю. Правитель Земли Вен не был прикован кандалами, но также заперт в тюрьме вместе с прислужником. Очнувшись, Вербер взвыл от полученных травм. Из рта тянулась тягучая слюна вперемешку с кровью, от боли он не чувствовал своего тела, а металлические браслеты, привинченные к стене, впивались в запястья, раздирая кожу. Он большим трудом и болью смог еле открыть опухшие глаза, от кровоподтеков едва видел. Но то, что перед ним стоял Ормар, понял сразу. С трудом вымолвив, прислужник поблагодарил короля за воду, на что тот лишь ухмыльнулся едва слышно. Но это было не злорадство, а скорее звук отчаяния и смирения. Пленник легко прошаживался по небольшой тусклой комнате, однако в которую поступал свет из зарешеченного проёма в стене под потолком. Из него доносилась лёгкая прохлада и морской воздух, который парню был не знаком. Хозяин Степных Вен заметил, что подданный начал шевелиться, пытаясь принять более удобное положение, что в его случае было невозможно, и каждое телодвижение придавало ещё больше боли. Мужчина, видя это, подошёл ближе к парню, опу-

стился на пол и предложил поставить ноги на него, чтобы он мог хотя бы стоять, на что последовал категорический отказ. Правитель решил долго не уговаривать, а приказать тому подчиняться. Он сел у стены так, что прикованный мог встать на его спину. Тихим голосом король обращался к подвешенному прислужнику, и хоть тот, кроме некоторых звуков не мог ничего ответить, его не останавливало это излить ему душу. Ормар искренне поблагодарил Вербера за службу при дворе и верность его сыну. Король признался, что часто многого требовал от наследника, чего тот не мог ему дать, и за это наказывал именно прислужника, стараясь пробудить его совесть. И он так надеялся когда-то увидеть Эльрика в бою, рубавшим головы, захватывая земли и спасая свой народ, как бы взошёл на трон, полноправно став лидером, и как бы стал главой большой семьи.

Подвешенный лишь чуть всхлипывал, слушая искупление. Перебивать его не было ни сил, ни желания, ни полномочий. В голове крутились слова принца с планом побега, вспоминал о его страхе перед отцом, о нежелании брать на себя тяготы правления. Отец, потерявший сына, тоже вспоминал моменты, связанные с ним, говоря тихо, порой чуть радостно, но в каждом его слове слышалась боль и скорбь. Вскоре он замолчал. Сколько продлилась тишина, юноша не знал, так как потерял сознание. Снова вернуться к чувствам его заставил хозяин, который начал вставать, и его ноги повисли, причинив боль. Громко закричав, тот постарал-

ся успокоить его, но сдержать крика он не мог. Тогда правитель закрыл его рот рукой, и повернувшись к двери, что была напротив, поднёс палец к губам и шёпотом попросил его молчать. За дверью слышались шорохи и тихие голоса. Глядя в полузакрытые глаза Вербера, прошептал ему, чтобы тот всеми силами оберегал сына Эльрика и Ульвадры, не дал его в обиду, присматривал за ним, как когда-то присматривал за его сыном. Как только дверь распахнулась изнутри, Ормар попрощался с прислужкой навсегда.

72. Гамли

Король Верхних Холмов полагал, что казнь Ормара позабавит его, станет городским развлечением для народа. И если для большинства жителей так и было, то Гамли с трудом смог посетить долгожданное ему мероприятие. Чувство сомнений и тревожности проникло в его голову после заточения дальнего родственника в тюремные стены, но с чем связаны терзания, понять не мог. Он знал, что с обезглавливанием враждующего правителя избавится от проблем, а когда перед смертью пленённый король исповедал грехи, в частности, признался в убийстве сына, понимал, что даже кровная месть отныне ему не страшна. Дело осталось за малым, отдать прислужку на потеху кровожадным и изголодавшимся по крови стражникам, дожидаться рождения наследника и избавиться от последней, кто сможет внести раздор в его жизнь.

Приказав всем покинуть тронный зал, Гамли остался на-

едине с тревогой и мыслями. Часами искал причину беспокойства, но так и не смог выявить её. Пытаясь отбросить сомнения, решил сжалиться над пленённой нянькой, забрать от изголодавшихся стражников и отправить в темницу к Ульвадре. Покорная женщина принимала боль и непотребство гордо, не плача и не моля о помощи, чем не могла не вызвать удивления у Гамли. По его приказу стража оставила беззащитную, он с жалостью смотрел, как та пытается накинуть на плечи изодранное платье, прикрыв наготу. Услышав приказ, Асвида стойко поднялась на ноги и последовала за ним. Король решил сам проводить до темницы и передать её стражникам для дальнейшего заточения, по пути рассказав о угнетённом положении народа Земли Вен, оставшихся без правителей. Услышав о казни Ормара, нянька чуть повернула голову к ведущему её мужчине, убрала с лица растрепавшиеся волосы и вопросительно смотрела на него на мгновение и сразу отвернулась. Безумные глаза, что она едва заметила надолго останутся в ее памяти. Король продолжил насмехаться, говоря, что тот собственноручно казнил сына, прежде чем он казнил дальнего родственника.

Ночь Гамли провёл беспокойно. Смутные мысли обострились и не давали заснуть. Как бы ни старался избавиться от навязчивых дум, они терзали его голову. Дрожащими руками закрывал лицо, переворачивался с одного бока на другой, но никак не мог успокоиться. Глаза сомкнул лишь тогда, когда солнце послало первые лучи в окно, но глубокий

сон нарушили прислужники, ворвавшиеся в покои короля. Испуганные крики и несвязанные слова колоколом звенели в ушах, и понимать смысл ему совсем не хотелось. Старый прислужник старался взять себя в руки, чуть отдышаться и доложить королю о случившемся ночью. С огромным трудом, заикаясь и запинаясь, старик рассказал, как по утрам обнаружил кухарку, которая не явилась в назначенный час на рабочее место. Он снова начал заикаться, пытаясь исправиться и чётко проговорить, руками схватившись за грудь в области сердца, но король перебил слугу, заткнув, велел убираться и не беспокоить его. Испуганный снова попытался сказать, стал заикаться и дрожать ещё больше. Правителя явно злило это и, поднявшись с постели, он силой вытащил его и запер дверь. Вернувшись обратно, в его голове промелькнула мысль, что в другой раз, он лихо бы казнил его за непослушание, но сейчас даже не подумал о суровом наказании... но отбросил мысли, рассудил, что решит это после.

Весь световой день король Верхних Холмов не покидал личные покои, отказавшись от еды и приёма советников. Растерянность и усталость не отпускали его, делая рассеянным и нервным. Выйти из комнаты он решился в сумерки, когда желудок отчаянно требовал внимания к себе. Выловив в коридорах замка придворного, он приказал ему подать ему ужин, старик затрясся, выдал, что кухарка так и не нашлась. Еле понятная речь слуги разозлила короля ещё больше, и уже криком он пытался выяснить, нет ли других кухарок, ко-

торые могут прилежно выполнять работу?! А если найдётся та, то и разговор с ней будет иной. Служивый поклонился королю и отступил.

Так и не дождавшись ужина, разгневанный правитель решил лично наведаться на кухню, что находилась на самом нижнем этаже замка. Душный воздух сбивал с ног неподготовленного человека. Если во всём замки витали сквозняки, и спрятаться от промозглости можно было только в палатах короля, то здесь тяжелый липкий воздух кружил голову и забывал дыхание. Мужчина никогда ранее не страдал одышкой, а при своей объёмной комплекции лихо поднимался на высокие этажи замка, зайдя на кухню же, его дыхание перехватило, и он еле пытался поймать воздух, будто свой последний вдох. Комната была совершенно пуста, хотя он не припоминал, что давал послабление кухаркам.

Среди нагромождённых чанов, кувшинов, глиняных горшков и прочей утвари, уложенных на огромной деревянном столе, хранились пучки трав и букеты специй. Множество веточек было развешено на стене для засушивания. Огромные тыквы пылились в дальнем углу, сложенные пирамидой, одна на другую, среди них также лежали рядом овощи. Стены кухни почернели от копоти и дыма, что не давали дышать даже без огня, что был погашен в печке. Лишь струйки дыма пробирались сквозь заслонённый очаг. Сделав несколько шагов вперёд, он озирался по сторонам, оглядываясь вокруг. Тяжёлые капли пота стекали по лицу, и хоть

он пытался вытереть их рукавом, пот снова и снова проби-вал его. Не желая больше находиться здесь, Гамли выбежал из кухни на свежий воздух, и добравшись до двора, вдохнул полной грудью. Прохладный ветер окутывал промокшее от пота тело, принесся лёгкий озноб. Когда дыхание восстано-вилось, король решил возвратиться в личные покои, дабы пе-реждать там своё нездоровье.

Крутая лестница, ведущая из кухни наверх, забрала по-следние силы короля. Еле передвигаясь, он с трудом преодо-левал ступени. Пот, крупными каплями, стекал по лбу, по-падая в глаза, отчего он щурился и плохо видел перед собой. Опираясь рукой о стену, ногами осторожно шагал на следу-ющие ступени, боясь споткнуться. Протёр глаза кулаком, но лучше видеть от этого не стал. Позади себя он услышал едва уловимый шорох, и в тот же миг почувствовал, как что-то коснулось его ноги. Боясь наступить на что-то, он всё же от-крыл глаза, но не увидел перед собой ничего. И лишь огля-нувшись вниз, остолбенел. Из полутьмы на него смотрели два горящих глаза и свирепый оскал. В одно мгновение ост-рые зубы впились в него, нанося всё больше укусов. Гамли лишь успел тихонько охнуть, как клыки пронзили его горло. Густая кровь тонкой струёй потекла вниз по лестнице.

73. Вельвичина

Асвида ушла тихо, не тревожа никого, не мешая, как и жила всю жизнь. И казалось, никому из обитателей замка не было дело до хворавшей старухи. Фредерикус же ста-

рался не подавать вида перед придворными и дочерьми, но смерть няньки принял с трудом. За годы правления он понял, что меньше всего стоит показывать свою слабость. Через силу стараясь быть невозмутимым, подозвал в личные покои старшую дочь и поведал об умершей няньке. Вельвичина лишь вымолвила, что ей жаль старуху, и кажется, тут же отвлеклась на другие мысли, перестав слушать отца. Король всегда отмечал её сухость и отстранённость по отношению к посторонним людям. Поверить в то, что она относится также близким никак не хотел и противился как мог, и лишь грустно опустил глаза и отвернулся от неё. Он облокотился на мягкие подушки, запрокинув голову назад. Дыхание участилось и казалось, что воздуха совсем не остаётся в лёгких. Девушка стояла спиной к нему, пустыми глазами разглядывая внутренний двор с высоты. Со стороны отца не было видно, как она подрагивает от всхлипов, пытается не дать волю эмоциям, но тяжёлые слёзы предательски полились из глаз, оставляя мокрый след на бледных щеках. Она произнесла несколько слов, но голос дрожал и хрипел, что самой было сложно понять себя. Продолжая сетовать о том, что отец любил свою няньку больше своей семьи, дочерей, жены. А несбыточные мечты о море любил больше всего королевства. Она повысила голос, вспоминая, как король был холоден, когда скончалась их мать, именно тогда, когда юной принцессе было необходимо внимание и забота отца, когда маленькая волчица стала изгоем в доме, он гре-

зил о море и грустил с Асвидой. Ей не жаль её, ведь та прожила прекрасную жизнь в любви, внимании и достатке. Заплаканная девушка повернулась к отцу, обвиняя его в гибели матери, крича на него, взваливая все беды, что случались с ней на него, не замечая, как Фредерикус кашлял, пытался вздохнуть, хватал себя за шею и стуча кулаком по груди. Когда старшая принцесса прекратила кричать, король издал последнее усилие вдохнуть воздух.

74. Дафф

Тётушке тяжело далось перенести известие о гибели Дагфара. Слабое сердце сломило здоровье, приковав её к кровати. Хоть сквозь волосы пробивалась значительная седина, она всегда была живой и бойкой, успевающая следить за домом, за постояльцами и не забывать о себе. Ни один из жильцов не мог упрекнуть в неопрятности или непотребном виде. Строгие тяжёлые платья, подолом которых она бороздила по полу, всегда оставался опрятно чистым, а белоснежный передник придавал облику стерильности. Постоянные обитатели дома знали её как сильную женщину, готовой тянуть на себе всё, но стойкое сердце не выдержало очередного удара. Воспоминания относили к давно ушедшим супругу и сыну, и их утрата стала огромным горем для ещё молодой женщины. Сердечные раны не давали ей покоя долгие годы, и лишь посвящение себя любимому и прибыльному делу смогли вернуть к жизни. Она вновь начала общаться с людьми, и это придавало ей сил, и когда она заново открылась миру,

в жизни появился Дагфар. С ним она ощутила себя нужной и счастливой, какой была в те годы, проживая с мужем и сыном. Она часто представляла, каким бы вырос тот мальчик, и подсознательно думала, что он вполне мог быть таким, как Дагфар, ей хотелось бы, чтобы он был таким. От этого она полюбила чужого мальчишку ещё больше. Оставшись жить с мальчиком, она снова ощутила себя матерью. Ей хотелось воспитать в нем того мужчину, в котором бы она видела отражение своего супруга и сына. Бережно храня в сердце счастье, она оберегала и мальчика от невзгод. Больше всего ей хотелось продлить это безмятежное время как можно дольше, но шли дни, маленький мальчик вырос и уже был готов отпустить любимую тётушку. Преодолев себя, переборов страх, она тоже простилась с ним.

Некогда процветающий пансионат опустел. Дафф уже не могла ухаживать за постояльцами. Те, кто изредка оставался на несколько ночей, больше никогда не возвращались. Постоянные обитатели тоже поредели. Не покинули дом лишь самые безнадёжные гости, живущие в долг, и теперь они ухаживали за доброй хозяйкой. Тётушка говорила с трудом, и глухие слова, что она еле выдавливала из себя, сложно было понять, она лишь повторяла имя любимого мальчика, произнося его по буквам, сбиваясь, забывая последовательность и начиная снова.

Дагфар вернулся словно в чужой дом. От былой чистоты и уюта не осталось и следа. Мрак и пыль покрывали ведь дом.

Он с тяжёлым чувством осторожно прошёл внутрь, оглядываясь, с каждым разом обращая внимания на те различия, которые он запомнил в том любимом доме, который покидал. Уверенный в том, что тётушка должно быть, заработалась на кухне, рванул туда, но и там его ждало разочарование. Тот запах, что ранее витал на кухне, навсегда запал ему в душу, сейчас от него не осталось и следа. Его удивляло отсутствие няньки в обычных местах, где она трудилась весь день, и лишь в последний момент он решил заглянуть в спальню.

Занавешенное тряпками окно создавало холодный полумрак в комнате. Яркое солнце могло едва пробиться сквозь них, оставив лишь маленький отблеск на полу. Дафф лежала на кровати, не реагируя на звук скрипящей двери, глядела в белый потолок. Длинные седые волосы спутались в клубок и венчали голову. Лицо не выдавало никаких эмоций, а открытые глаза казались пустым колодцем с блёклой мутной водой. Дагфар сделал несколько шагов, войдя в комнату и шёпотом позвал её по имени. Сухие потресканные губы женщины чуть пошевелились, она смогла лишь произнести несколько букв и замолчала. Туманные зрачки забегали в стороны, пытаясь разглядеть вошедшего. Боковым зрением ей представлялся лишь тёмный силуэт, но этого было достаточно, чтобы узнать его. По бледной щеке скатилась слеза.

75. Ульвадра

Темнота, пробирающаяся до дрожи, лишь изредка озарялась факелом, при открывании двери в темницу. Пленницы

прикрывали глаза, защищаясь от яркого света, привыкшие к темноте, даже тусклый небольшой огонек прожигал их глаза до боли. Но в этот раз ворвавшийся свет не пропал, более того, сухой голос назвал женщин по имени. Ульвадра пыталась разглядеть посетившего их гостя, но пламя огня ослеплял её, размывая силуэт перед ней. Нянька же и вовсе отвернулась в угол, закрывая глаза руками. Незнакомый опустился на колени, чтобы смол протиснуться в низкую темницу, и протянул ладонь пленнице. Девушка пыталась разглядеть спасителя, но никак не могла привыкнуть к свету, и даже приобретающие очертания лица не дали ей ответа. Им оказался одним из стражников замка, служителю короля Верхних Холмов. Он оповестил, что совет приказал ему освободить пленных. Его речь была громкой и гордой, ему явно льстило то, что именно ему дали такую миссию по освобождению новой королевы. Ульвадра непонимающе глядела на озарённый силуэт и отказывалась выходить из темницы. В мыслях появилось подозрение об обмане, заговоре знатных мужчин, и подыгрывать им она не желала. Стражник с удивлением глядел на неё, пытаясь подобрать слова, чтобы выразить свою честность. Потерявшую цепочку мыслей прервал крик девушки. Большие округлённые глаза смотрели на него, испуганные, мечущиеся из стороны в сторону, она искала Асвиду, которая затаилась в тёмном углу, но как только услышала крик, подскочила к ней и крепко взяла за руку. Боль в животе усиливалась с каждым разом всё больше,

Ульвадра ухватила за него руками, пытаясь успокоить сама себя, но ничего не получалось. В приглушённом свете коридора показались ещё несколько силуэтов, пленница лишь мельком заметила их, но даже не подумала поинтересоваться, кто это может быть. Нестерпимая боль заполнила все тело и мысли. Голос снаружи приказал застывшему от страха стражнику немедленно покинуть их, и он, спиной вперёд попытался выползти из низкой темницы.

Новыми силуэтами, пришедшими на крик, Колла, одна из прислужниц и несколько волков. Присутствие матери, несомненно, удивило, но нарастающая боль не позволяла сосредоточиться на этой мысли, отбросив все вопросы на потом. Было ясно, что перенести девушку в более удобное помещение не получится, было принято решение принимать роды в темнице. Прислужницы позвали помощь и принесли всё необходимое. Ульвадра смотрела на мать, не веря глазам. Если бы не донимала боль, она сочла бы их встречу за сон. Не в силах ничего сказать, она лишь смотрела в глаза не отрываясь, и Колла отвечала ей тем же.

Новая королева Верхних Холмов родила здорового мальчика, наречённого Фредерикусом. После прошедших событий она проспала несколько дней, восстанавливалась и набирая сил. Всё это время за ребёнком ухаживала бабушка, не подпуская к нему прислужниц. Мальчик был спокойный и совсем не доставлял хлопот, будто знал, что матери нужно отдохнуть. Когда Ульвадра взяла на руки наследника, её

глаза наполнились слезами. Малыш смотрел на бездонными голубыми глазами, и в них она видела взгляд супруга, которые запомнила навсегда. Она была убеждена, что черты лица мальчика схожи с Эльриком.

76. Дагфар

Тетушка Дафф оставила своего мальчика через несколько дней, и эти дни они провели вместе, как тогда, когда она сама ухаживала и успокаивала мальчика. Дагфар с горестью смотрел на увядающую тетушку, но старался не подавать вида, хотя женщина практически не реагировала на его присутствие. Он вспомнил истории, которые когда-то слышал от нее, и пересказывал ей их. Порой его голос срывался, тогда он отворачивался в пустую стену и тайком вытирал поступавшие слезы рукавом. Бывало, парень забывал слова историй, он начинал придумывать их сам, сочиняя на ходу, иногда смеясь над собой, подмечая, как хорошо у него получается. В дни, когда состояние Дафф ухудшалось, Дагфар сидел рядом молча. В последний день тоже молчал. Ощущение, что она покинет его сегодня, не отпускала с самого утра, и это чувство не подвело его. Ближе к сумеркам, тетушка Дафф издала посмертный хрип, закашлялась и уснула навсегда. Лишь с ее уходом, Дагфар осознал, что сегодня он потерял мать.

Не произнося ни слова, тихонько встал с мягкого кресла, что сидя у большой кровати, стараясь не шуметь, покинул комнату, словно боялся разбудить ее. Находиться в пансион-

не ему было тяжело и скверно, поэтому он напрямик направился на пустынный берег.

Именно там, под звуки бьющихся о камни волны, Дагфар принял решение остаться в доме тетушки и продолжить ее дело. Вскоре двери пансиона снова были открыты для постояльцев. С наплывом новых гостей, парень принял в помощники несколько постоянных жительниц, что следили за уборкой дома и готовкой. Дела шли хорошо, что ему казалось, что в его руках, дело стало приносить больше прибыли, люди стали останавливаться все чаще, появились постоянные жители. Новый управляющий знал их поименно, умел найти подход к каждому, и абсолютно все были благодарны новому хозяину дома. Но управление давалось Дагфару не легко. Погружаясь в череду дел, он с головой уходил в них, стараясь выполнять их идеально, что у него прекрасно получалось. Охотно хватался за любые заботы, даже за те, которые легко мог поручить помощникам. Но лишь так он мог не думать о том, что сейчас проживает не свою жизнь.

Новость о вновь готовящемся плавании взбудоражила Дагфара с новой силой. Строительство корабля поражало масштабом, гигантское судно было практически втрое больше того, на котором было совершено первое путешествие. По городу то и дело пошли разговоры о морской школе, что организует сам король, и вторая попытка, по его мнению, уж точно будет удачной. Это злило Дагфара, пробилая его сердце ненавистью и жадной мести. Злило, что ко-

роль может позволить себе воспользоваться второй попыткой, списав первое плавание на халатное отношение капитана. То, что из-за ошибок и неопытности Фред потерял большую часть команды, преданно следовавшую за ним, он старался не упоминать. В одну из таких ночей, теперешний управляющий гостевого дома повстречал на причале молодого короля, который мечтательно осматривал свое творение, и каково же было удивление Дагфара, когда следующим утром корабль отправился без правителя.

Глубокой ночью, за несколько часов до рассвета, Дагфар вернулся в пансионат, изрядно выпивший горячительного терпкого вина, что любезно предоставляла ему местная торговка с ярмарки, и, едва задремав, услышал стук в дверь. Не придав значения, посчитав это грохотом со второго этажа, перевернулся на другой бок и погрузился в сон. Но стук в дверь повторился и в этот раз звучал отчетливо и громко. Пробубнив под нос свое негодование, пошел навстречу припозднившимся гостям. На пороге перед дверью стояла невысокая девушка с пухлыми розовыми щечками и круглым носом. Она была значительно ниже Дагфара, что тот принял ее за девочку, а, чтобы обратиться к нему, ей пришлось задирать голову вверх. Нежданной гостьей оказалась прислужница из королевского замка, которая сбежала сюда ради встречи с одним из поселенца гостевого дома. Она пыталась объяснить непонимающему Дагфару, кого именно она ищет, называя его имя и особые приметы, но хозяин дома

твердо стоял на том, что такой здесь не живет и не припомнит о его нахождении ранее. Это очень удивило девушку, и чуть улыбнувшись от недоумения подтвердила свою правоту, сообщив, что она приходила сюда, когда правительницей дома была милая женщина, только имени ее она не знала. Не смевший более держать гостью на пороге, Дагфар все же пустил ее в дом и разрешил самой отыскать нужного ей постояльца. Но и тут она, замешкавшись, улыбнулась – в какой комнате живет неизвестный юноша, она не знала. Сон уставшего управляющего остался в той мягкой уютной комнате, как и хмель, что еще совсем недавно дурманил голову. Девушка заметила сонные и покрасневшие глаза собеседника и тут же выдала совет, как легко можно избавиться от этого, стоит лишь найти нужную травку и приложить ее к заболевшим глазам. Такими советами она часто пользуется при дворе, и почтенные дамы всегда ей благодарны за это. Дагфар же рассмеялся ей в ответ, высказав свой совет, который гораздо проще. Он достал бутылку крепкого и предложил новой знакомой составить ему компанию.

Утром выяснилось, что правитель дома оказался прав, и человека, которого искала Сехильда – ночная гостя в пансионе нет. Лишь самые давние постояльцы вспомнили девушку и опознали нужного ей человека, но о его теперешнем месте нахождения сказать никто не мог. Новая знакомая за собиралась обратно в замок, сочтя ненадобность своего нахождения здесь, но её остановил Дагфар прямым вопросом,

ждать ли его еще встречи с ней, на что в ответ получил лишь лучезарную улыбку. Вскоре их встречи стали проводиться с регулярной частотой. Сехильда рассказывала о своей жизни в королевском замке, не забывая упомянуть о добром и милостивом короле, что снисходительно относится к прислужникам, не принуждая их к круглосуточному рабскому труду, чем славились предыдущие правители.

Юная девушка с самого детства живет в замке, и знает о нем буквально все. За частыми разговорами с новым другом, она рассказывала, как пряталась в замке между стен, и знала ходы, которые могут напрямик провести от трона в комнаты королей. Дагфар, услышав ее ненавязчивый рассказ удивился ее познаниям, старался запомнить каждое ее слово, но при этом держал от нее дистанцию, упорно делая вид, что план королевского замка его интересует меньше всего.

С тех пор, хозяин гостевого дома с нетерпением ждал новую знакомую, и искренне был рад каждой их встрече, но на его печаль, они происходили все реже, Сехильда ссылалась на постоянную занятость, и то, что остальные прислужники грозятся рассказать управляющим о ее ночных похождениях. Дагфар же желал, как можно больше узнать о замке, и на одной из встреч, предложил девушке вместе проникнуть в замок незамеченными. Авантюрная идея сначала испугала молодую прислужницу, по озадаченному лицу было видно, как она перебирает свои мысли, взвешивая опасность и риск, но тут же заулыбалась и одобрительно кивнула. В ту

ночь Дагфар впервые попал в королевский замок.

77. Колла

Ульвадра была слишком слаба, чтобы подниматься с постели, поэтому Колла взяла обязанности хозяйки замка на себя. И хоть королевским советникам это крайне не нравилось, они не смели выразить недовольство, так как сопровождавшие женщину хищники, всегда следовали за ней. Одна из прислужниц выразила мнение, что грязным волкам не место рядом с маленьким наследником, за что была до ужаса напугана рычащим кобелём. Больше она не смела вымолвить ни слова. Советники просили, как можно скорее представить народу новую королеву, но каждую подобную просьбу Колла игнорировала, не давая внятного ответа. Вскоре этим вопросом заинтересовалась и сама Ульвадра, которая успела окрепнуть. Светящееся от счастья лицо женщины чуть помрачнело. Оставшаяся улыбка была больше от страха, чем от радости, что подтверждали её глаза. Мать поведала дочери об ужасах, которых людям Замкнутого Леса пришлось пережить, когда армия Ормара напала на беззащитных людей. Именно от его рук был убит Мудольф и маленькая волчица Лука. Дочка внимательно слушала, но все слова пропускала мимо, даже её взгляд не изменился после услышанного. Она, конечно, недолюбливала бывшего свёкра, но желать ему смерти она не хотела, и уж тем более поверить в его деяния. Она точно помнила разговор с Эльриком, который утверждал о завоевании далёких диких земель, а следова-

тельно, они находятся гораздо дальше Замкнутого Леса. Про убитую сестру-волчицу она вспомнила с большим сожалением, но и эту новость она приняла по-другому, чем ожидала мать. В своих же мыслях девушка оправдала супруга, которым так дорожила последние годы, проведённые вместе, а значит, и вовсе зря таила злобу на него. Женщина же продолжила рассказывать. Голос стал тягучий, и к каждой фразе она старалась подбирать тщательно слова, пытаясь выразиться мягче. Она поведала о том, кто помог спасти народ Замкнутого Леса и отогнать врага в сторону. Ульвадра настороженно отнеслась к истории, принимая это за сказку, которую любила слушать на ночь. Колла рассказала о тех ужасных событиях, когда вооружённое войско под знаменем Степных Вен напали на беззащитных людей. Их дом тоже был разграблен и сожжён, но женщине всё же удалось спастись, прячась в лесах, и лишь там она смогла найти ту помощь, которая остановила жестокость и убийство на родной земле. Волки не всегда жили рядом с людьми в мире и согласии, которое помнит Ульвадра. Доброе соседство образовалось ни сразу, а лишь спустя долгие годы войны за плодородные земли Замкнутого Леса. В ходе жестокого побоища между хищниками и людьми, многие пали с обеих сторон. Люди заходили все дальше в лес, пытаясь обустроить жилище, волки не были рады делить с ними территорию, следственно часто нападали на жилые деревни. Сами же люди истребляли волков всех и каждого, кто попадался на их пути. Лишь когда прак-

тически все были убиты, воевать было уже бессмысленно, и вожаки стаи и народа решили пойти на перемирие. Свирепые хищники и вооружённые люди были на равных, и, впервые они заключили союз, подкрепив его соглашением. Звери позволяют людям занять отведённую часть леса для жизни, стая же уйдёт вглубь чащи, но при этом людям запрещено охотиться за любым зверем, а выживать и питаться только тем, что смогут найти себе сами. И договор был составлен.

Ульвадра ещё раз убедилась в своих мыслях о доброй сказке, и даже не заметила, как к постели приблизились ещё несколько волков. Они внимательно смотрели на неё красными глазами. Всем видом девушка давала понять, что не особо поверила в рассказ матери. Она всегда считала, что люди – полноправные хозяева Замкнутого Леса, и уж тем более не безжалостные убийцы, способные уничтожить всю стаю. Она вспоминала сестрицу-волчицу и помнила, как люди относились к ним, с уважением и добротой. Усвоить то, что эта доброта была лишь частью союза, она никак не могла. Одна из волчиц продолжила рассказ Коллы. Её голос чаровал, обволакивал собой и нежно обнимал, что не слушать было невозможно. Потомки тех людей и ныне живы, и до сих пор нуждаются в давнем союзе, и сохранить его могут именно истинные потомки, коим является Ульвадра и её новорождённый сын. Именно им предстоит поведать историю потомкам для продолжения союза. Колла продолжила рассказ о чудесном спасении родной земли, как волки помогли

избавиться от врага, и народ Замкнутого Леса снова начинает жить своей жизнью, что и была прежде. Лишь после этих слов молодая королева растрогалась, приняв былое как данность, а не страшную сказку. Слезы выступили на глазах и росинкой скатились по щекам. Ведь прошло много лет, но она помнила жителей родного города, с кем-то лично была знакома, кого-то помнила только внешне, и сейчас она осознала, что возможно их уже нет, и пришлось им пережить страшное. Рука матери едва касалась волос дочери, она нежно гладила их, смотря на лицо, и стала тихо плакать, промочив глаза слезами. Ульвадра попыталась успокоить, но Колла одёрнула руку, и проговорила, что не случайно явилась в замок Верхних Холмов именно сейчас. Она знала о положении дочери, имела примерное представление о действиях Ормара, а уж раскусить Гамли не составило труда. Но не только спасение беременной пленницы привело её. Та должна уйти вместе с ней и стаей волков в лес, оставив Фредерикуса навсегда в замке.

78. Ульвадра

Верить слезам и уговорам матери Ульвадра отказывалась. С каждым новым доводом она плотнее прижимала новорождённого сына к себе, боясь расстаться с ним на мгновение. Срывающимся голосом она кричала на Коллу, что лишилась уже самых близких, и потерю сына ей не пережить. Женщина же, глядя ей в глаза, очень прошептала, что помнит, как ещё юная девушка покинула родительский дом, как она не

хотела отпускать дочь в чужие руки, терзала себя, чтобы не сорваться и не вернуть её домой. Но каждый раз, она понимала, что жизнь распорядилась таким образом, что нужно уметь отпускать. Голос был спокойным и мягким, ласковым, каким девушка запомнила его в детстве. Тогда же она вспомнила, как мама оберегала, заботилась, и всегда общалась с ней на равных, не скрывая тяготы внешнего мира, готовя девочку к реальной жизни, и ни разу не солгала ей. Колла тоже лишилась самых близких людей, но она смогла отпустить их, во благо остальных людей, посвятив это делу погибшего Мудольфа. В такой форме она продолжила его начинание. Ульвадру она отпустила в чужую семью. Она потеряла Луку, что было гораздо тяжелее, даже не мечтая о встрече с ней. Но и с этим она справилась. Ей же нужно отпустить сына ради мира, в котором ему предстоит жить. Мир, который он построит самостоятельно, но под зорким взглядом любящих его людей.

Пылкая речь матери не пробудила в Ульвадре положительный ответ, и она с криком прогнала её, заявив, что отныне она королева по праву, и никакой союз хищников ей не нужен. Колла не перечила ей, а молча вышла, склонив голову. С лица не сходила едва уловимая улыбка, кончики губ лишь слегка приподнялись, когда женщина направилась к выходу. Она покинула покои дочери и пропала в темноте мрачных коридоров.

Молодая королева сидела на кровати, держа мальчика на

руках и прижимая его к себе. Девушка не стала крепко пеленать ребёнка, позволив быть ему свободным. Маленькие ручки то и дело тянулись вверх, цепляясь за спутанные волосы матери, а она бережно распутывала их, нежно улыбаясь. Эту ночь маленький Фредерикус не спал, ворочался в руках матери, вертел головой, оглядывая просторы тёмной комнаты. Ульвадра пыталась уловить его взгляд, но он будто не хотел смотреть на неё, отводя глаза. И лишь когда их глаза встречались, они улыбались друг другу. Королева старалась сдерживать слёзы, но всё же сдалась, расплакавшись и прижав к себе младенца. Ей хотелось запомнить его тепло, его запах, ощущение их близости. Она так долго ждала его, но так мало времени им удалось провести. В его глазах она видела себя, а чертами лица он напоминал Эльрика. Вмиг все мечты о прекрасной жизни, в чудесном замке с храбрым королём были разрушены, отчего становилось тяжело внутри, и как бы она не уговаривала саму себя, что ей ещё предстоит главная миссия, смириться с этим было тяжело. Молодая мать не заметила, как заснула с Фредерикусом на руках, и по её ощущениям, сон промчался мгновенно. Открыла глаза она, когда светило яркое солнце, а за дверью комнаты слышался шум. Мальчика на руках уже не было. Шорохи снаружи раздавались все чётче, и вслед за ними раздался глухой стук. С разрешения девушки дверь распахнулась, и в комнату вошёл Вербер. Увидев его, Ульвадра вскочила с кровати и налетела на него с радостными воплями. Обняла его, об-

хватив руками, бурча что-то непонятное, уткнувшись в него, но в тот же миг робко отошла, шагнув назад. Прислужник старался выглядеть довольным, но делал это через боль, все его тело было в синяках и ссадинах. Он сказал, что знает о дальнейшем пути девушки, и не мог не попрощаться с ней. Это растрогало её. Она ещё никому не сообщала о решении, но его слова подбодрили, и она уловила себя на мысли, что делает всё верно. Ульвадра не ожидала таких эмоций на бывшего прислужника, поэтому смутилась и покраснела, отвернувшись чуть в сторону. Признаться, в том, что она вовсе забыла о нём, не могла, но безумно счастлива видеть его живым. Совладав с собой и успокоившись, девушка снова обняла его, но уже как давнего друга. Вербер ответил ей взаимностью. Высвободившись из объятий и намеревался покинуть покои королевы, парень направился к выходу, но та окликнула его и оставила ему одну лишь просьбу. Остаться здесь, в замке Верхних Холмов, и присматривать за её сыном, будущим королём, в память об Эльрике. Прислужник с гордостью принял просьбу, поклявшись защищать его как родного сына. Они взялись за руки, крепко сжав ладони, и с улыбкой смотрели друг другу в глаза, слова им были уже не нужны. Глухой стук в тяжёлую отвлёк их, и их ладони разъединились. С трудом отворив дверь, в покои тихонько вошла Асвида. Она чуть прихрамывала, но старалась не подавать вида, упорно ступая на больную ногу. Королева приобняла её и только хотела поблагодарить любимую няньку, как та

перебила, сказав, как она горда ею. Больше сдерживать слёзы Ульвадра не могла. Даже отошедший в сторону Вербер, расчувствовался, глядя на них. Молодая мать лишь просила стать для Фредерикуса такой же любящей нянькой, которой она была для неё, на что та лишь кивнула.

Пройдут годы, прежде чем Ульвадра сможет снова вернуться в замок, который стал её тюрьмой и домом, где она стала королевой и матерью. Замок Верхних Холмов остался чуждым и холодным для неё. Ощущение пустоты было вызвано покинутыми навсегда эти стены Фредерикуса, Вербера и Асвиды. Всех тех, кого она хранила в памяти и мечтала о встрече с ними. Вернуться в королевский замок ей пришлось по той же причине, что и когда-то её матери. Внучка Вельвичина уже ждала появления на свет наследника и потомка союза, и она стала той самой повитухой. Долгие месяцы жизни бок о бок очень сблизили их, но, признаться в том, кем она является, старуха так и не смогла. Не смогла она и выполнить возложенные обязательства. Сумев уберечь родившегося Петруса, не смогла спасти внуку. Погибшая после укусов волчицы, Вельвичина не спасла некогда крепкий союз, созданный её предками. Обозлённые жители Верхних Холмов стали уничтожать всех хищных зверей в округе, перебили всех волков. В живых остались лишь маленькие волчата Дэи, оставленные ею в королевском замке. Они подросли и покинули Верхние Холмы, уйдя далеко за пределы Общих Земель. Старая Ульвадра ушла вместе с ними, и больше

её никто не видел и не слышал о ней. Может, это знали волки, но рассказать об этом они уже не могли.